

Н. Н. ДИКОВ

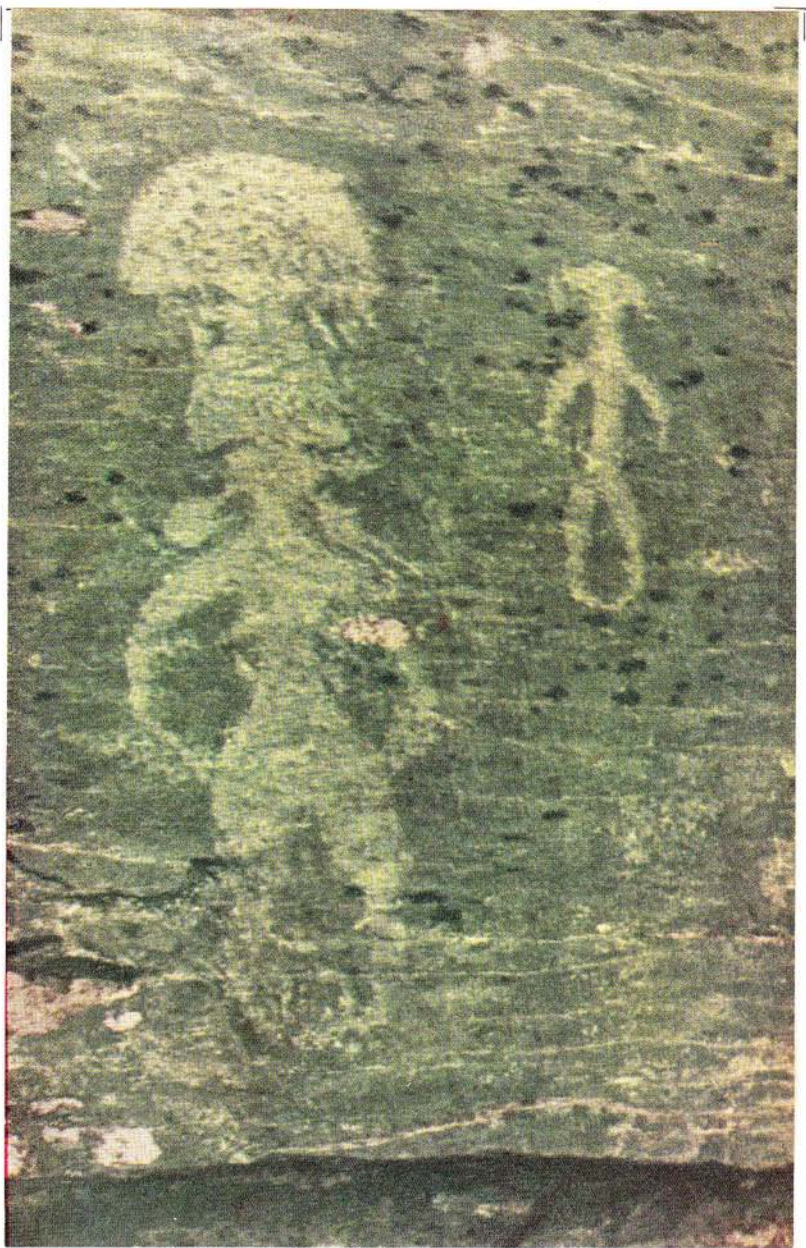
**НАСКАЛЬНЫЕ
ЗАГАДКИ
ДРЕВНЕЙ
ЧУКОТКИ**

(ПЕТРОГЛИФЫ
ПЕГТЫМЕЛЯ)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский
институт

Н. Н. Диков

НАСКАЛЬНЫЕ
ЗАГАДКИ
ДРЕВНЕЙ ЧУКОТКИ

Петроглифы
Пегтымеля

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1971

Чудо древнего искусства — так можно охарактеризовать удивительные по краскам уникальные наскальные изображения, недавно открытые на Чукотке. Это первые петроглифы в арктических широтах Азии. Они представляют собой единственный в своем роде прекраснейший памятник древней культуры и искусства приполярного населения. Рисунки помогают раскрыть многие стороны занятий, быта, представлений древних племен, населявших эти районы, воскресить и подтвердить многие мифы, легенды, события далеких времен.

Большой интерес вызывает рассказ автора о том, как были открыты эти рисунки, кем и когда они были выбиты на скалах.

Издание богато иллюстрировано. Оно рассчитано не только на специалистов, но и на широкий круг читателей.

Под редакцией

академика А. П. ОКЛАДНИКОВА

Введение

Совсем недавно за Полярным кругом на Чукотке было сделано открытие, которое перевернуло прежние представления и заставило взглянуть по-новому на историю древней культуры и искусства заполярного населения крайнего Северо-Востока СССР. Были найдены самые северные в Азии петроглифы, весьма своеобразные и большой художественной выразительности.

Наскальные рисунки (петроглифы и писаницы) — это одна из наиболее ярких разновидностей памятников древней культуры. Обнаруженные во многих местах нашей планеты, они относятся к самым различным периодам человеческой истории, начиная от ориньякского и мадленского времени верхнего палеолита почти до современности. Огромные изображения мамонтов, шерстистых носорогов и многих других представителей вымершей фауны, смело и выразительно нарисованные охрой на стенах пещер в Испании, Франции и на Урале, а также на скалах Монголии и Южной Сибири, сменяются более поздними многофигурными композициями с животными послеледниковой эпохи. Техника и манера исполнения, а также сюжеты этих более поздних наскальных рисунков отличаются большим многообразием, что дает археологам богатые возможности соотнесения их с той или иной древней культурой, с тем или иным древним народом, позволяя глубже познать их историю.

Всем хорошо известны знаменитые онежские «Бесовы следки» — высеченные в камне картины бронзового века — и не менее замечательные беломорские петроглифы. Это самые северные в Европейской части Советского Союза наскальные изображения, хотя они и находятся значительно южнее Полярного круга. Не заходят за Полярный круг и наскальные рисунки Сибири. Самые северные из них известны там только в таежной зоне. Главный их персонаж — могучий хозяин тайги лось, основной объект охоты таежного населения.

В чукотском же Заполярье и вообще в сибирской тундре никаких петроглифов пока не встречалось, и создавалось впечатление, что изо-

бразительное искусство развивалось здесь каким-то особым путем, специализируясь главным образом в изощренной высокохудожественной резьбе по моржовому клыку у эскимосов, береговых чукчей и их предков. Так казалось до недавнего времени.

В ноябре 1965 г. в лабораторию археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного института Сибирского отделения Академии наук СССР (в Магадане) пришло письмо от техника-геолога Н. М. Саморукова. Он писал, что во время работы геологического отряда на береговых обрывах р. Пегтымель в 1000—1200 м ниже устья ручья Кайкууль были встречены наскальные рисунки, величина которых не более 10—12 см. «Изображения предметов обнаружены в нишеподобном углублении (отдельные рисунки встречаются в радиусе 5—6 м от ниши) в скальных выходах алевролитово-песчаниковых пород»¹. К письму прилагались две фотографии. На одной из них едва различимы нанесенные на скалу техникой выбивки изображения оленя и лодки с человеком; на другой — две антропоморфные фигуры, олень и байдара (см. рис. 1 и приложение, петр. 81, 82).

Достаточно было только взглянуть на эти фотоснимки², чтобы понять, что Н. М. Саморукову посчастливилось заметить и сфотографировать несколько, бесспорно, древних наскальных рисунков, своим обликом, сюжетом и манерой исполнения чем-то близких к неолитическим

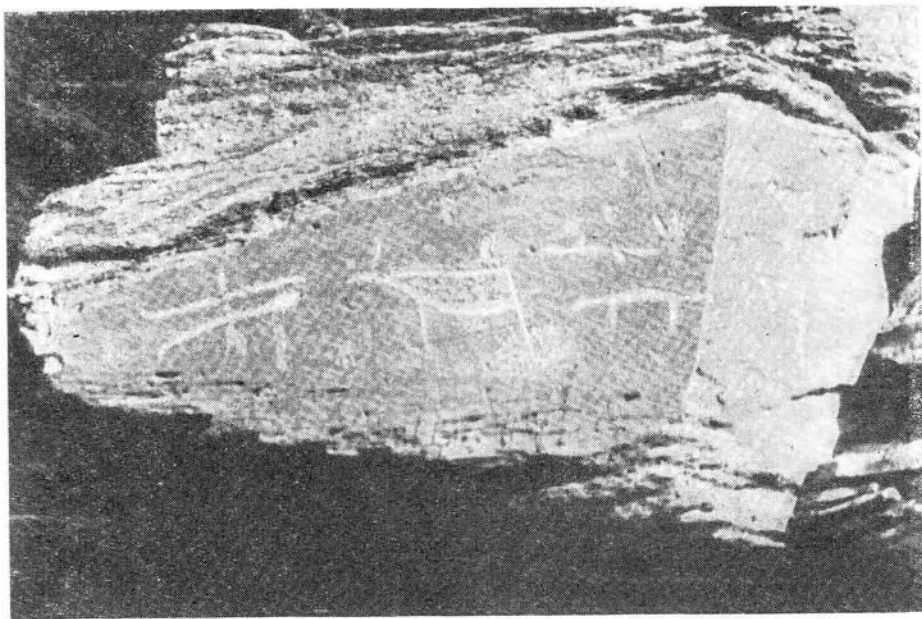
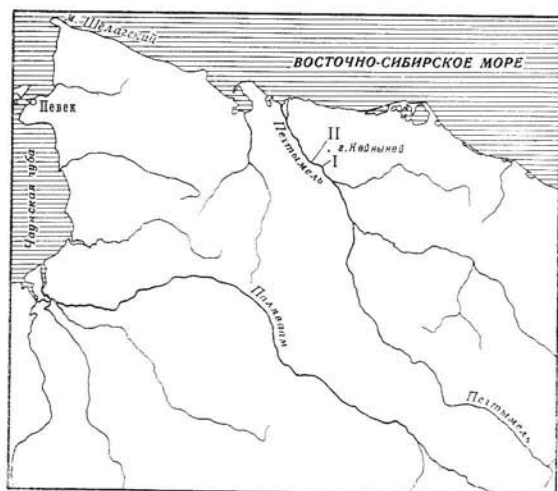

Рис. 1. Рисунки, обнаруженные Н. М. Саморуковым (петр. 82)

Рис. 2. Схема расположения обрывов с петроглифами

- I — Кайкуульский обрыв с петроглифами, обнаруженными в 1965—1967 гг.;
 II — местонахождение петроглифов, обнаруженное в 1968 г.

и более поздним петроглифам таежной Сибири и вместе с тем неповторимо своеобразных.

После Н. М. Саморукова участникам его отряда и другим геологам так и не удалось найти эти загадочные рисунки вторично. Как это часто бывает, они были вновь утеряны. Поиски и исследования этого интересного памятника нам удалось предпринять только в июле 1967 г. Маршрут осуществлялся с помощью вертолета и при участии художника И. И. Гурина и научного сотрудника В. В. Лобанова. 10 июля мы уже находились на правом берегу р. Пегтымель, у подножия длинного почти двухкилометрового обрыва.

Древние рисунки были найдены сразу же, но они оказались не теми, которые заметил Н. М. Саморуков. Они начинались в 800 м ниже устья ручья Кайкууль и прослеживались на протяжении около 300 м (рис. 2). Их оказалось тут во много раз больше, чем удалось увидеть несколько ниже по реке И. Н. Саморукову, и многие из них были значительно крупнее (до 35 см), разнообразнее и интереснее по содержанию.

Эта первая экспедиция к петроглифам помогла понять истинный их характер, позволила оценить древний возраст и значение нового замечательного памятника древнего арктического искусства. Ценность его была умножена открытием на вершине одного из разросшихся утесов древней охотничьей стоянки, обитатели которой имели самое прямое отношение к созданию пегтымельских каменных картин. После первых же во многом еще предварительных сообщений о работе этой экспедиции 1967 г. петроглифы Чукотки сразу же приобрели признание и широкую известность³.

Рис. 3. Эстампирование пегтымельских петроглифов (камень IV)

В 1968 г. исследование петроглифов у ручья Кайкууль нами было продолжено и завершено. В результате тщательного и многократного осмотра всего обрыва четко определены границы памятника и все без исключения наскальные рисунки (включая замеченные Н. М. Саморуковым) были исследованы. В непосредственной близости от петроглифов мы нашли и раскопали еще одну поздненеолитическую стоянку и пещеру с культурным слоем и с рисунками на стенах.

Результаты поисков вблизи ручья Кайкууль были настолько интересны и значительны, что мы решили исследовать всю долину р. Пегтымель и с этой целью облетели ее на вертолете. И надежды нас не обманули. В 10 км ниже по реке мы открыли новое, еще более северное местонахождение петроглифов (рис. 2). На одиночной скале с правой стороны реки, под каменным навесом великолепно сохранилась большая многофигурная композиция, а на вершине этой же скалы — остатки позднепалеолитической охотничьей стоянки⁴.

Во время экспедиций 1967 и 1968 гг. выявленные нами наскальные рисунки были тщательно эстампированы в натуральную величину (рис. 3), сфотографированы и таким образом подготовлены для публикации. Сам памятник поставлен под государственную охрану, но что бы с ним ни случилось (а петроглифы разрушаются довольно интенсивно), он обретает теперь вторую жизнь — на страницах этой книги. Надежно сохранить его на будущее время, т. е. наиболее полно описать и воспроизвести в фотографиях и рисунках, — основная задача книги. Вторая задача, исследовательская, состоит в общей характеристике, классификации, датировке и исторической интерпретации уникальных пегтымельских петроглифов.

Что изображено на скалах

Пегтымельские скалистые обрывы весьма живописны и эффектны. Самой природой они как бы предназначены быть гигантским «полотном» для первобытных художников.

И Кайкуульский обрыв, и скала с новым местонахождением петроглифов образованы темно-серыми алевролитово-песчаниковыми сланцами. Кое-где они поросли цветными лишайниками, покрыты красноватыми окислами и выглядят очень красочно. Высота их достигает 25—30 м.

Кайкуульский обрыв перекрыт склоновыми отложениями и осыпями и представлен рядом скалистых выступов-утесов, условно называемых нами ниже (для удобства фиксации петроглифов) «камнями». Каждый из них мы обозначили римской цифрой, начиная от первого, самого верхнего по течению реки, до одиннадцатого (рис. 4). Ниже камня XI по течению Пегтымеля на Кайкуульском обрыве рисунков совсем нет. Петроглифы же, обнаруженные на новом месте в 1968 г., находятся на одной из самых видных скал другого обрыва, в 10 км от Кайкуульского, за тремя широкими распадками с безымянными ручьями (рис. 5).

Всего мы нашли 104 группы рисунков и пронумеровали их для данного издания последовательно сплошной нумерацией в порядке их расположения по течению реки (см. приложение, петр. 1—104). Не каждая из этих групп может рассматриваться как композиция, чаще они состоят из одновременных рисунков, не объединенных порой не только сюжетом, но и стилем и техникой исполнения. Объединяет петроглифы в группы лишь их расположение на одной плоскости скалы.

Как выглядят петроглифы?

Порой это бледные, совсем призрачные, еле-еле видные силуэты лодок, людей, животных. И требуется особая внимательность, чтобы заметить их на вертикальных плоскостях скалы. Одни протерты или вышлифованы. Другие выбиты более или менее глубоко и тоже представляют собой светлые силуэтные фигуры на темном фоне поверхно-

стей скалывания алевролитово-песчаникового сланца. Сначала выбивался контур изображения (рис. 6), затем выбивка производилась внутри контура.

Орудием, при помощи которого наносились на скалу рисунки, служил, как вскоре выяснилось, обычный кусок белого кварца. И коренных выходов, и обломков этой породы здесь встречается очень много.

Несколько рисунков (петр. 52, 59) просто процарапаны каким-то острым кремневым или скорее всего железным инструментом.

Чаще всего на пегтымельских скалах встречаются изображения оленей. Среди них попадаются истинные шедевры реалистического мастерства, как, например, не имеющая себе равных по живости и совершенству реалистического исполнения относительно большая (около 32 см) выбитая на камне IV фигура пасущегося оленя и несколько других полных жизни и движения оленьих силуэтов (рис. 7, 8, петр. 16).

Нередко изображения лишь в самых общих чертах напоминают оленей. Мы очень придирчиво отнеслись к ним, пытаюсь опознать в них столь характерных для писаниц таежной Сибири лосей, но все же вынуждены были признать, что, рисуя животное даже с горбом, древний художник рисовал все же оленя, а не лося: слишком характерны типично оленьи, а не лосиные рога и типично оленья заостренная, а не лосиная с толстой нависающей верхней губой морда (рис. 7, 8, 9).

Особенно часто повторяется такой сюжет: олень, а за ним лодка с человеком, который вонзил в оленя копьё или гарпун (рис. 10, 11). Конечно, это изображение охоты на плывущего дикого оленя. Правда, прежде чем прийти к такому очевидному заключению, мы пробовали и совсем другую гипотезу. А что, если лодка — это не лодка, а те первобытные сани в виде лодки, которые когда-то применялись в тундре? О подобных лапландских однополосных санях очень хорошо пишет Ф. П. Врангель: «Состоят они из тонких березовых досок, которые начиная от широкого днища изгибаются наподобие лодки и сколачиваются гвоздями, образуя род корыта, передняя часть которого закрыта. Само собой разумеется, что в таких санях может сидеть только один человек, который необходимо должен протянуть ноги прямо перед собой»⁵. Но нет же! Непохожи наши олени на запряженных в сани: привязь у них идет не от передка, а от рук сидящего человека. К тому же непонятно тогда, почему сани не на земле, не на уровне ног оленя, а где-то выше. И почему они иногда такие маленькие по сравнению с фигурой оленя? И совсем непонятно, почему так странно порой изображены ноги оленя: задние провисают ниже передних, как будто бы он не идет по снегу или земле, а висит в воздухе или плывет в воде. Все это вполне понятно только в том случае, если принять, что олень плывет по воде, а за ним плывет лодка.

Посмотрите, как умело передает художник характерные движения плывущего оленя: голова вытянута вперед, легкое, как поплавок, раздутое туловище с погруженными в воду ногами как бы парит в состоянии невесомости, копыта растопырены, как гусиные лапы, и, хотя вода

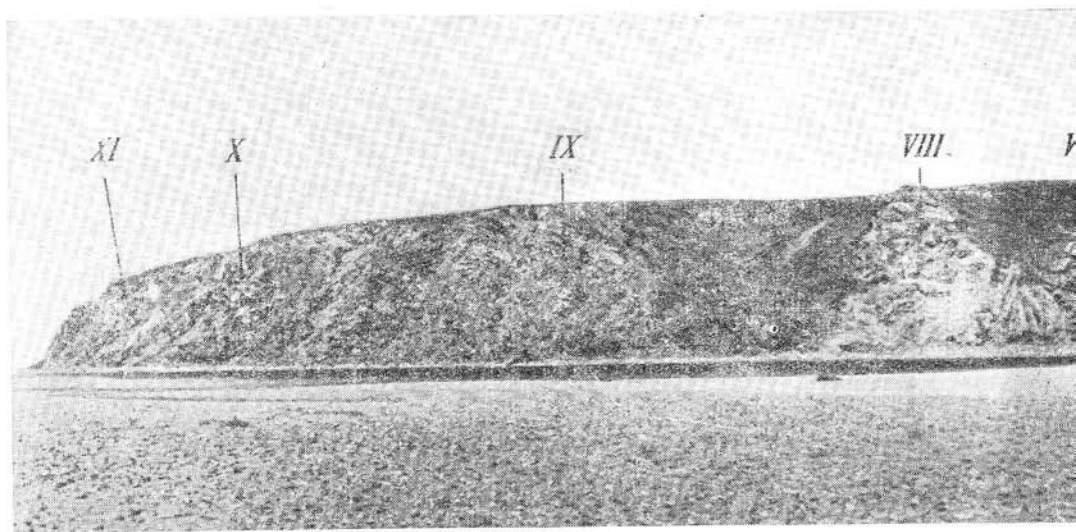
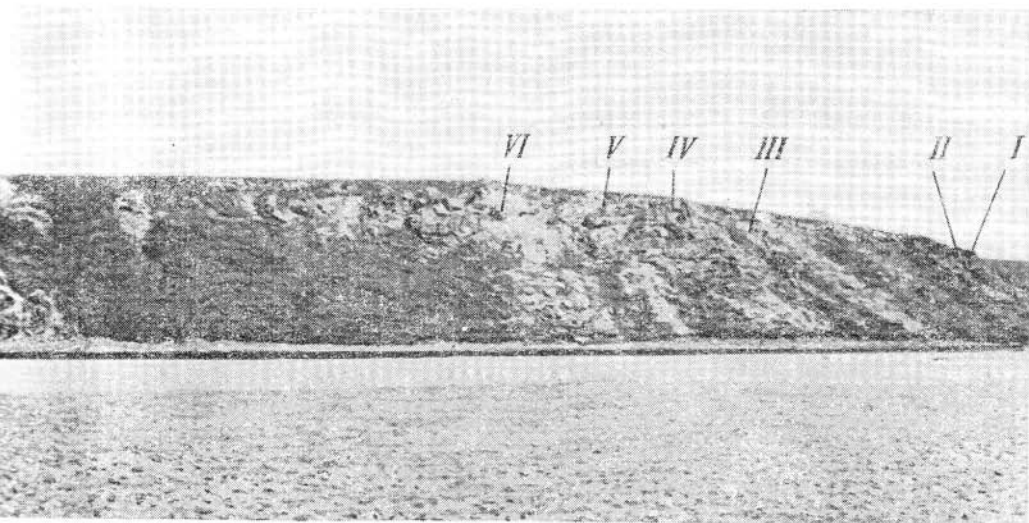

Рис. 4. Обрыв у ручья Кайкуль (первое)

Рис. 5. Вид на скалу с петроглифами, обнаруженными в 1968 г. (второе местонахождение)

местонахождение петроглифов)

Рис. 6. Выбитое по контуру незаконченное изображение оленя (петр. 79, деталь)

Рис. 7. Реалистическое изображение оленей на камне IV (петр. 16, деталь)

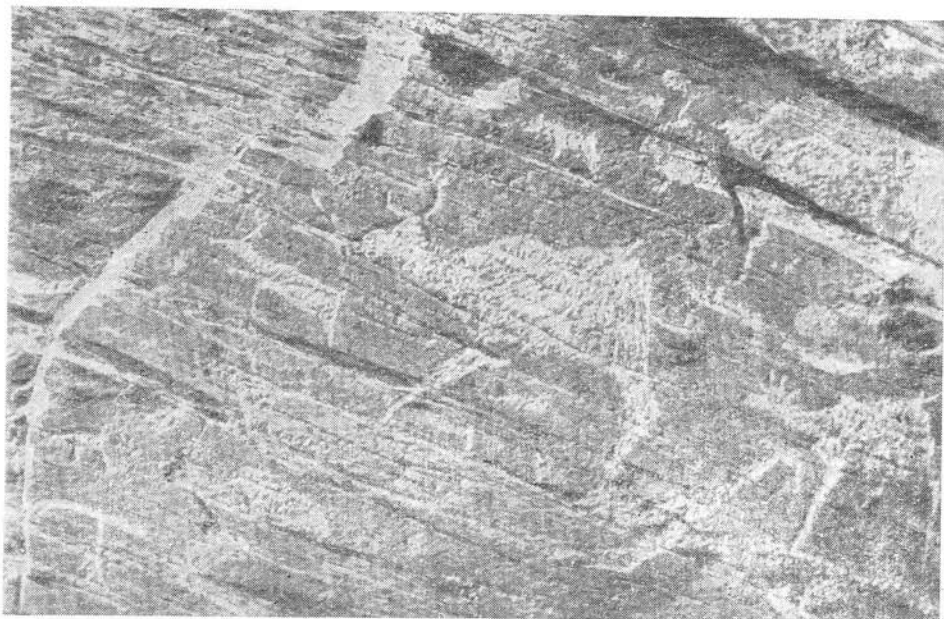

Рис. 8. Лодка и олени (петр. 16, деталь)

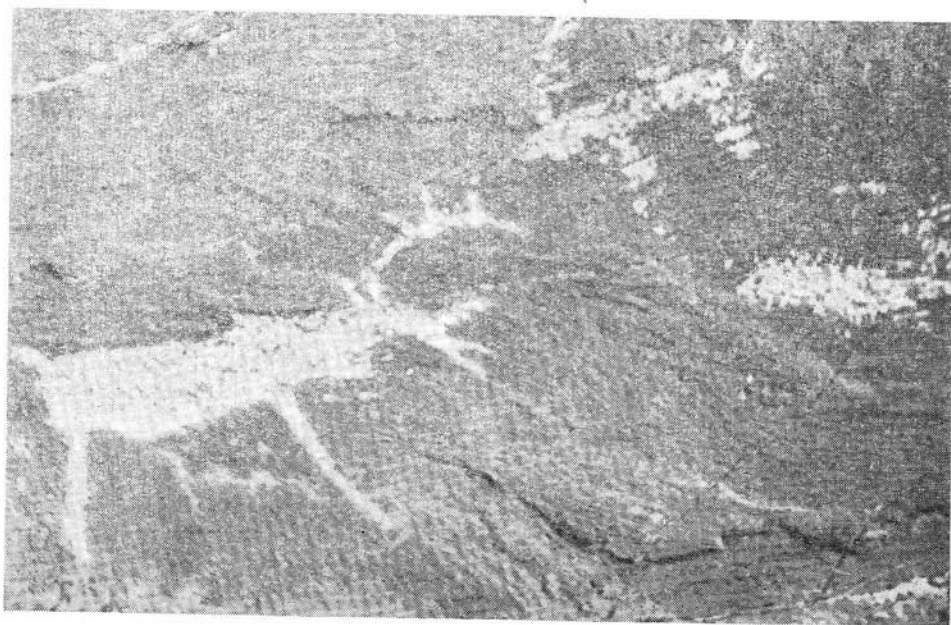

Рис. 9. Силуэт оленя на камне XI (петр. 100)

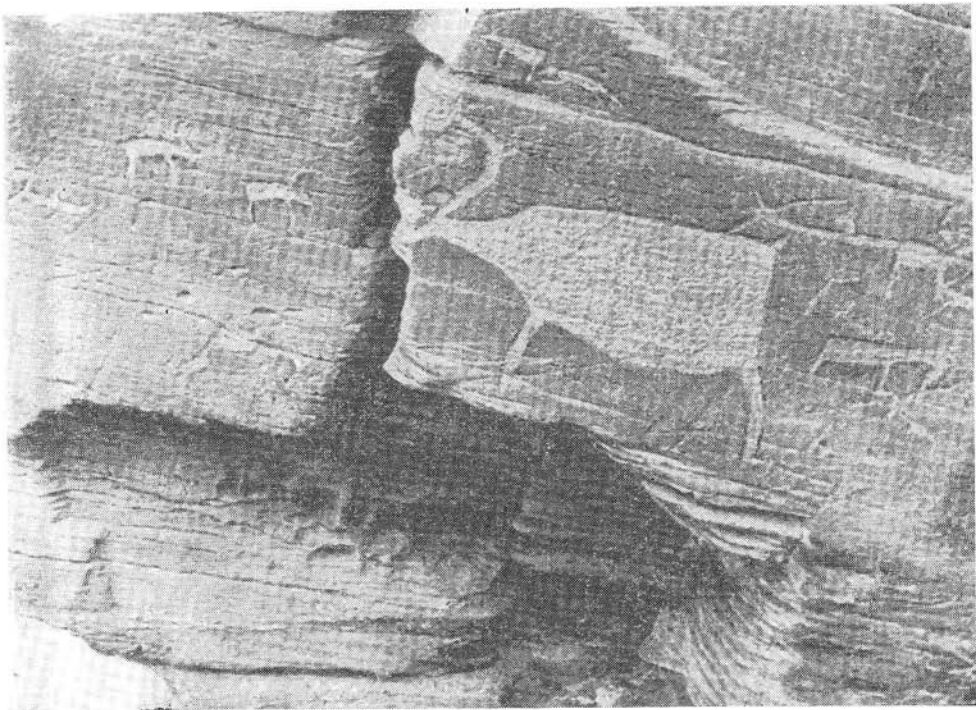

Рис. 10. Изображение охоты на плывущего оленя (камень VI, петр. 66).

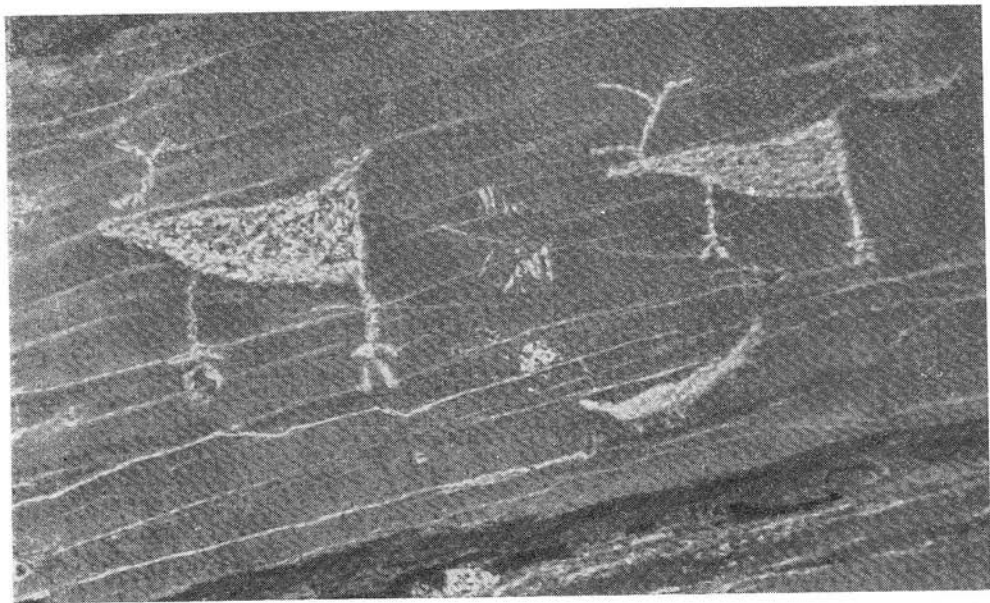

Рис. 11. Охота с каяка на плывущих оленей (камень VI, петр. 67)

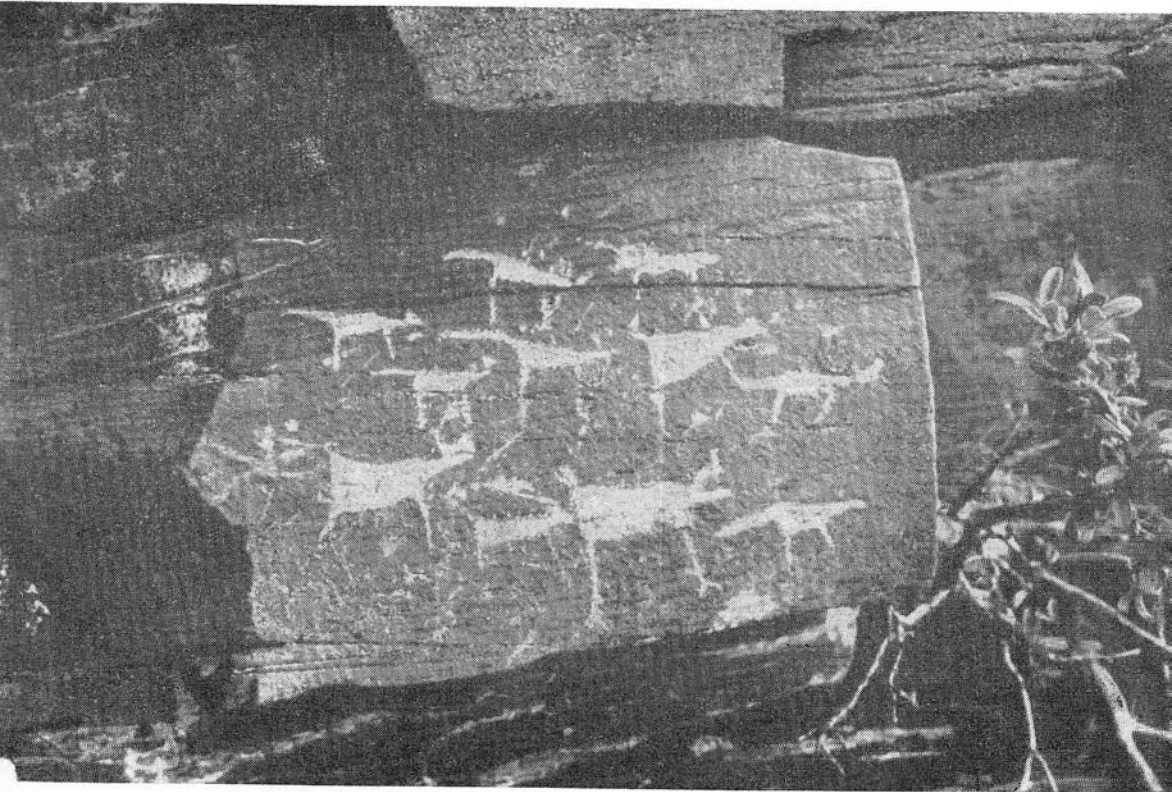

Рис. 12. Охота на оленей с собаками (камень IV, петр. 25)

ничем не обозначена, вы чувствуете, что животное именно плывет (рис. 11).

Сам охотник в лодке изображен по-разному: либо очень схематично, просто черточкой (петр. 31, 37, 43), либо более или менее реалистично (петр. 75, 76). Он поражает оленя копьём или гарпуном. Лодки тоже разных типов, и некоторые из них поразительно напоминают одноместные герметично обтянутые кожей непотопляемые быстроходные каяки, которые так широко были распространены у эскимосов, алеутов и чукчей.

Эта сцена, повторенная десятки раз в одних и тех же чертах, приобрела устойчивость канона, и, таким образом, не может быть никакого сомнения в ее подчеркнуто ритуальном, магическом смысле. Типичный образчик охотничьей магии! Чтобы обеспечить успех в посылке диких оленей на плавях, охотник, он же художник, рисовал эту магическую

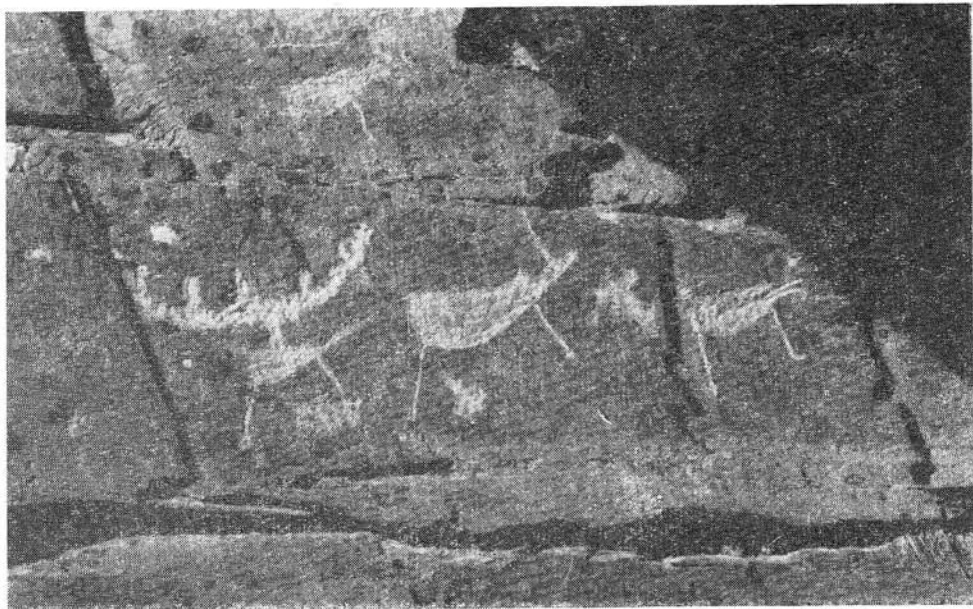

Рис. 13. Охота с большой лодки на плывущих оленей (камень II, петр. 12, деталь)

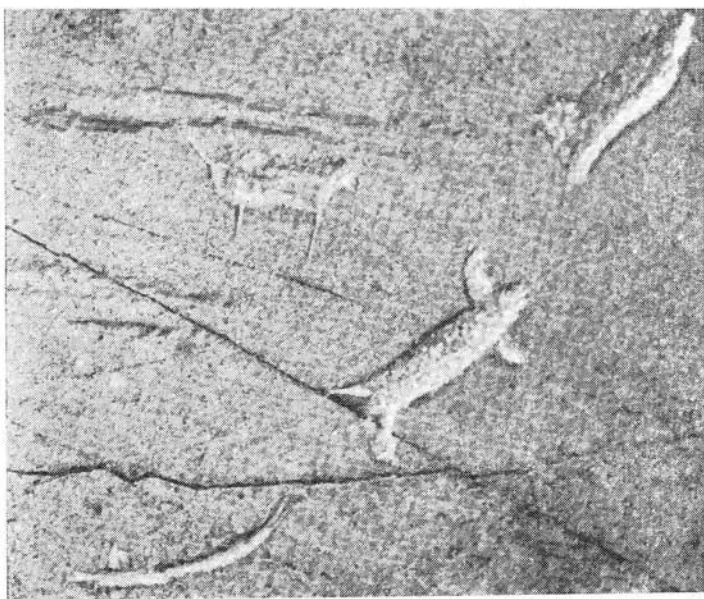

Рис. 14. Охота на морских зверей (камень IV, петр. 27)

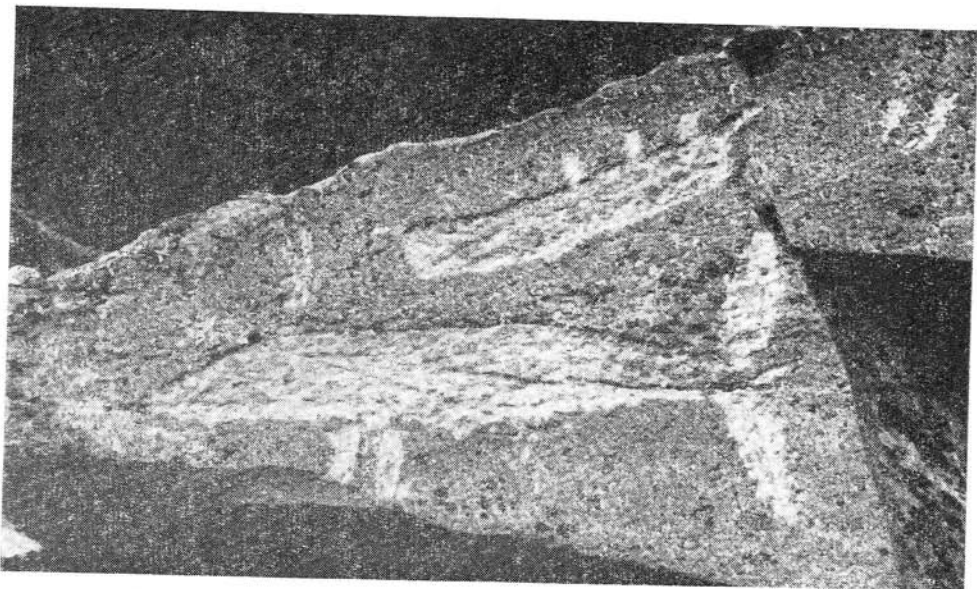

Рис. 15. Охота на кита (камень IV, петр. 28)

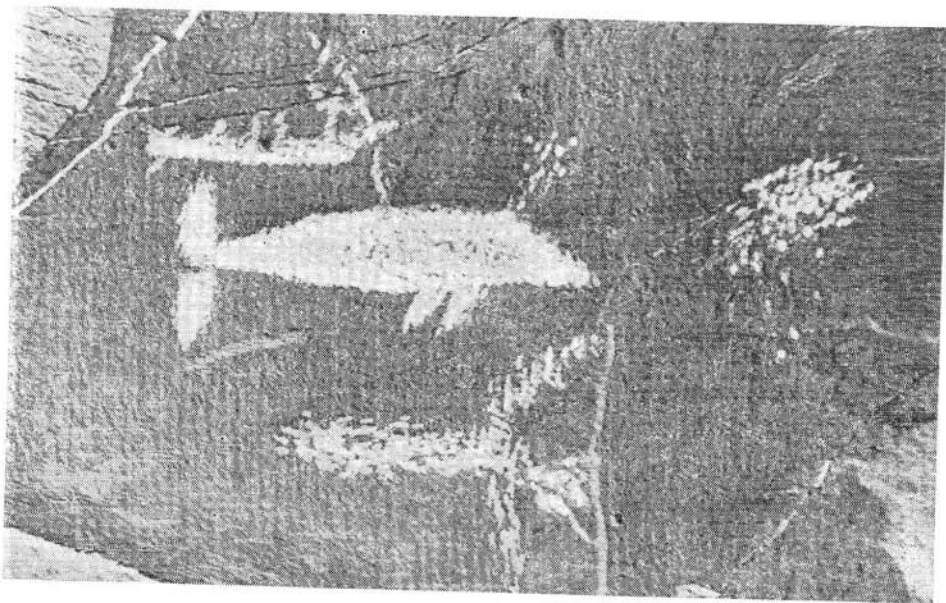

Рис. 16. Морская охота (камень XI, петр. 99)

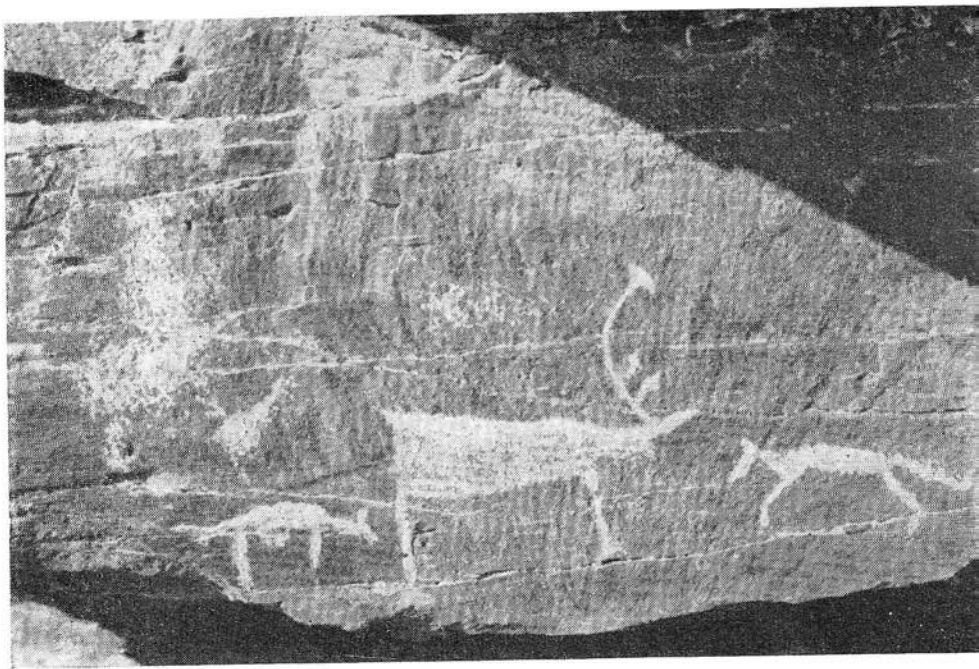

Рис. 17. Композиция 11 на камне II (деталь)

сцену убийства зверя, твердо веря в чудодейственную силу своего ритуального рисунка. Вместе с тем такой рисунок является зорко подмеченным реалистическим отражением самих жизненных действий, мастерским воспроизведением желанной добычи в виде тучного, преувеличенно большого по сравнению с лодкой и охотником оленя.

Сцена охоты на диких оленей нередко включает в себя и собак. Они яростно атакуют бегущих или плывущих оленей, наверное, загоняют их в воду. Композиция 25 на камне IV (рис. 12) в этом отношении особенно выразительна.

В некоторых случаях ясно видно, что охотятся на диких оленей с больших многоместных лодок с высокими носами (рис. 13).

Менее многочисленны изображения сцен морской охоты. Они тоже настолько характерны, что не допускают никаких сомнений в их содержании. Среди необычных для Чукотки морских высоконосых лодок (рис. 14) хорошо узнаются типично чукотско-эскимосские кожаные байдары-уmiaки, в которых сидит много гребцов, обозначенных просто черточками (рис. 15), а на носу двух таких байдар ясно виден гарпунер (рис. 16, петр. 14). Разные морские животные — киты, касатки, белухи, лахтаки, нерпы — нарисованы определенно и выразительно. Иногда среди этих животных фигурирует и белый медведь (петр. 24, 31).

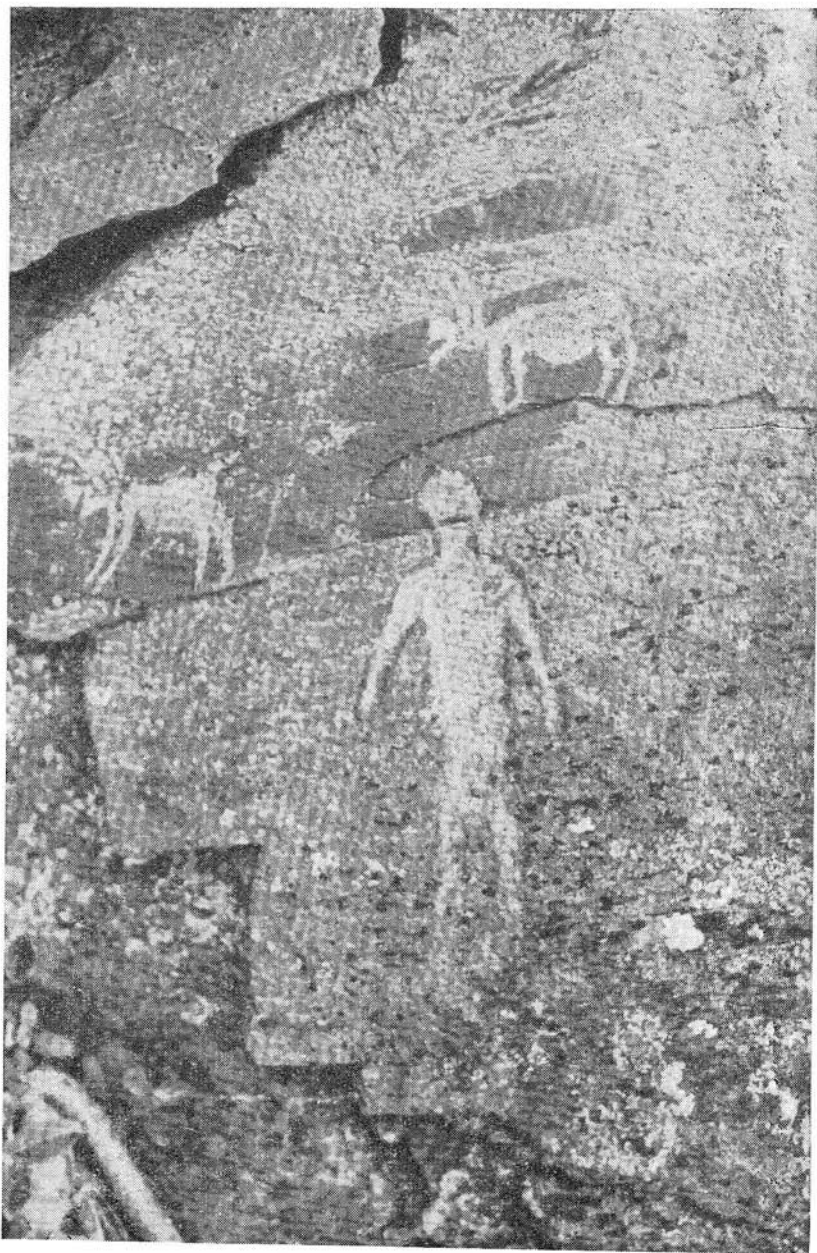

Рис. 18. Деталь композиции (камень X, петр. 89)

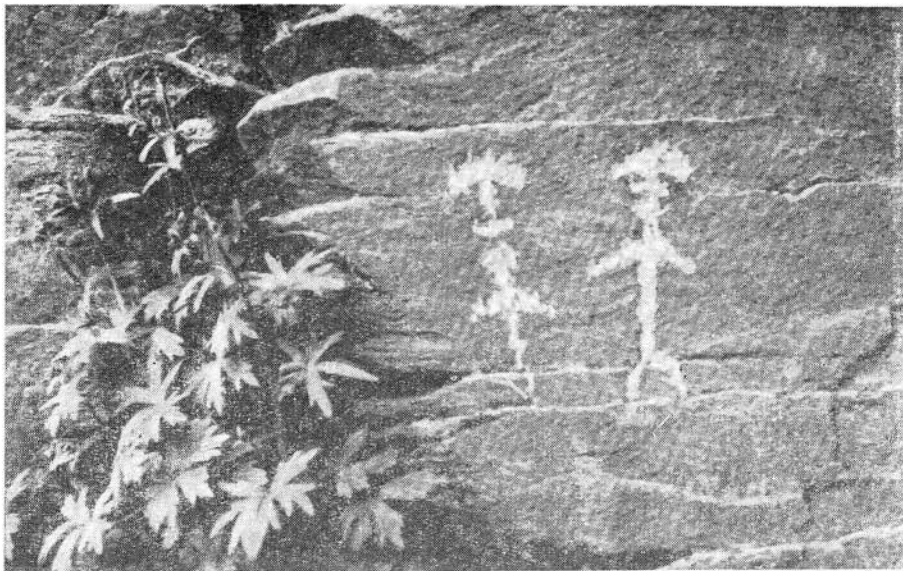

Рис. 19. Антропоморфные мухоморы (петр. 65, деталь)

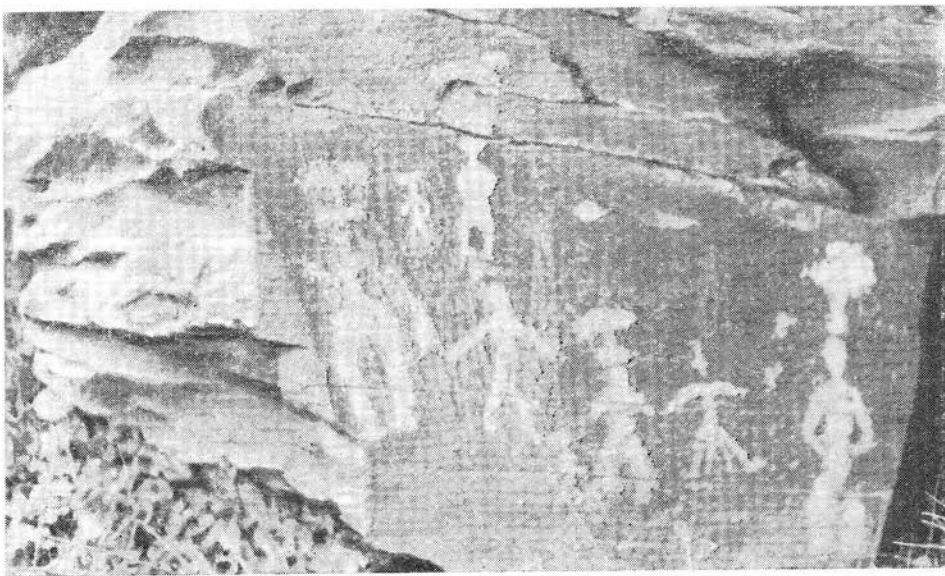

Рис. 20. Антропоморфные мухоморы (петр. 70)

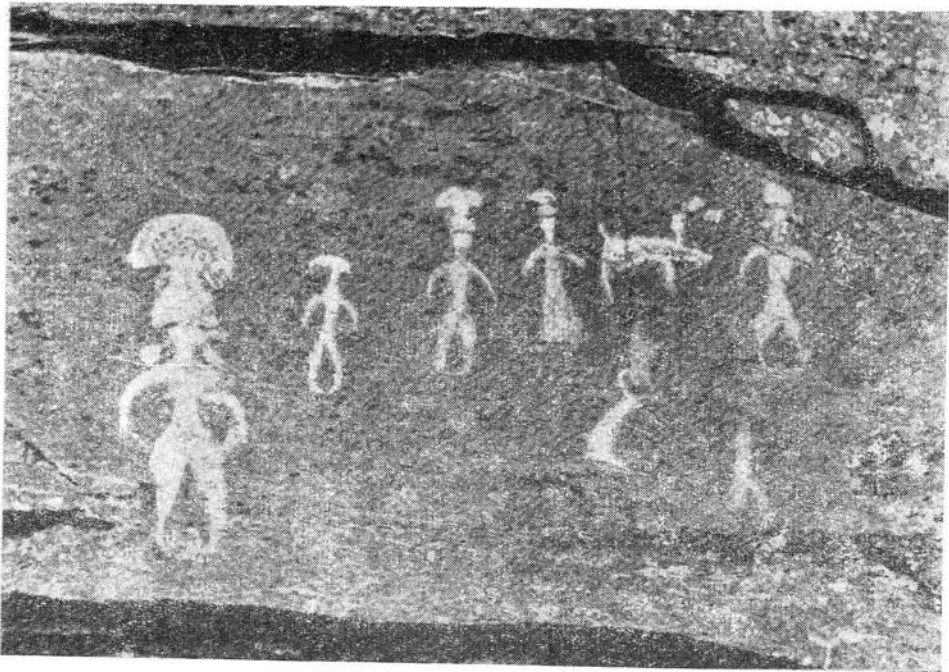

Рис. 21. Пляшущие мухоморы (камень III, петр. 14)

На пегтымельских скалах можно найти изображения и таких зверей, как песцы, волки (рис. 17, петр. 8, 11). Последние большей частью нарисованы преследующими оленей. Встречены также и фигурки водоплавающих птиц (петр. 54, 68).

Особую сюжетную группу составляют разнообразные человекоподобные фигуры мужского и женского пола, выполненные в разной стилистической манере, с большей или меньшей схематичностью (рис. 18; петр. 1, 7, 8, 12, 24, 46, 52, 58, 60, 69, 85, 89, 97, 98, 104). Среди них выделяются своим необычным видом антропоморфные изображения довольно загадочного характера, почему-то осененные огромными грибами (рис. 19—21). Их очень много, всего 34. Грибовидные силуэты над человеческими фигурами означают именно гриб, а не пышную прическу или головной убор. Ведь эти странные силуэты выбиты далеко не всегда на голове человеческого изображения, чаще они над ней или вместо нее и, следовательно, не отличаются общей особенностью любой прически или головного убора — быть связанными непосредственно и воедино с головой. Эти чудовищные грибы имеют, очевидно, свой особый, самостоятельный смысл и связаны с человеческой фигурой только

условно и в некотором роде символически. Заглянув в определитель шляпочных грибов, можно убедиться еще и в том, что это не грибы вообще, а именно скорее всего мухоморы, с их характерной расширяющейся внизу ножкой и выпуклой еще молодой шляпкой (петр. 14, 78, 81) или с уже распутившейся плоской (петр. 34, 70) ⁶.

В Арктике совсем не удивительно встретить такой образ: красный мухомор (*Amanita muscaria* Fr.), как и многие другие шляпочные грибы, здесь, как известно, растет и размножается ⁷. Хотя мухомор в заполярной Чукотке у Ледовитого океана появляется спорадически, тем не менее его значение здесь еще в недалеком прошлом в качестве опьяняющего наркотика достоверно устанавливается по этнографическим данным ⁸.

Принцип и манера соединения в одном образе гриба с человеческой фигурой тоже не являются абсолютно беспрецедентными. Они вполне соответствуют известной общей закономерности антропоморфизации животных или растений на определенной стадии у самых различных народов. Нам известны, например, подобные культовые полузвериные или полурастительные антропоморфные скульптуры из раскопок городища Кармир-Блур, изображения на бронзовых зеркалах у обских угров (манси) ⁹ и многие другие давно уже хорошо освещенные в литературе.

Именно такие человекоподобные грибы (теонанакатл) видим мы в каменной скульптуре древних майя в Центральной Америке. Достоинством удивления, что эти в высшей степени выразительные каменные грибы (высотой до 30 см) с выступающими из их ножек лицами, человеческими или звериными фигурами (рис. 22, 23) долгое время считали чем угодно, но только не изображениями грибов. Впервые давший их описание (в 1898 г.) известный географ Карл Заппер лишь условно назвал их «идолами в форме гриба». Другие исследователи думали, что это фаллические культовые предметы и даже особые сиденья. Только совсем недавно (в 1952—1957 гг.) американскому микологу Гордону Вэссону впервые удалось опознать в них именно грибы. Вместе с венгерским этнографом и археологом Ф. Борхеги он совершил увлекательнейшую экспедицию к индейцам Гватемалы в поисках загадки грибовидных идолов. В результате микологическое толкование каменных грибов было подтверждено окончательно и сами они были связаны с культом галлюциногенных грибов у древних майя и нынешних их потомков.

Восторжествовала самая простая и естественная гипотеза: каменные грибы древних майя были признаны грибами ¹⁰.

Нечто подобное произошло и с нашей микологической интерпретацией пегтымельских грибовидных фигур. Простое и непосредственное их восприятие было сразу же подвергнуто сомнению и критике. Остается надеяться не столько на убедительную очевидность самих пегтымельских изображений, сколько на приведенные выше исторические сопоставления и аналогии.

Рис. 22. Каменный гриб позднего до-классического периода майя (500—200 лет до н. э.)

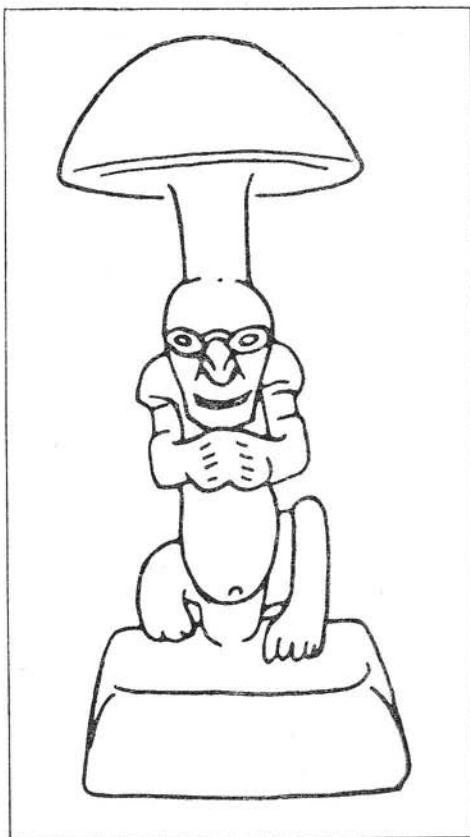

Рис. 23. Каменный гриб древних майя (500—200 лет до н. э.). Гватемала, Национальный музей (по Г. Вэссону)

Имеются совершенно определенные свидетельства авторитетного этнографа-североведа В. Г. Богораза об именно таком, как на скалах Пегтымеля, воплощении в человекоподобном облике мухоморов в мифологии чукчей. Вот что пишет В. Г. Богораз об «особом племени» опьяняющих мухоморов: «... мухоморы являются к пьяным людям в странной человекоподобной форме. Так, например, один мухомор явится в виде однорукого человека, а другой — похожим на обрубок. Это не духи, это именно мухоморы как таковые. Число их, видимое человеку, соответствует тому, сколько он их съел. Если человек съел один мухомор, он увидит одного мухоморо-человека, если съел два-три, увидит соответствующее число. Мухоморы берут человека за руки и уводят

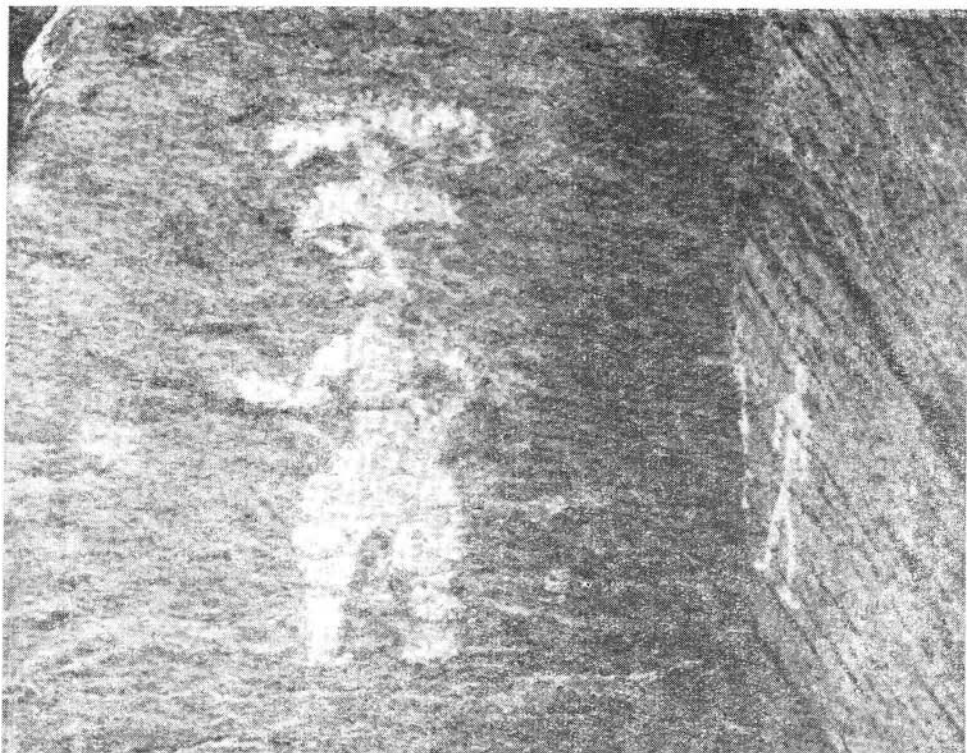

Рис. 24. Одетая в комбинезон-керкер фигура с двойным грибом (петр. 65, деталь)

его на тот свет, показывают ему все, что там есть, проделывают с ним самые невероятные вещи»¹¹. По наблюдениям В. Г. Богораза, чукчам свойственна и такая антропоморфизация вещей, когда предметы приобретают двойную сущность: обычный вид и полностью человекоподобный.

Очевидно, именно этой стадии антропоморфизации соответствуют петгымельские изображения человеко-грибов. Особенно это наглядно в тех композициях, где рядом с человекоподобными мухоморами за руку с ними нарисованы обычные человеческие фигуры (петр. 2, 3, 81). Не исключено, что перед нами подлинные, дошедшие из глубины веков картины, рисующие увод мухоморами живых людей к «верхним людям».

Мы еще вернемся к этим волшебным мухоморам в другой связи, а пока отметим, что они большей частью женского пола, с двумя косами (где это определимо), в одежде в виде мехового комбинезона-керкера (рис. 24, петр. 65, 79) или вовсе без нее, очень реалистиче-

ские (см. фронтиспис и первую слева фигуру на рис. 21) или совсем схематичные. Степень антропоморфизации их различная. Гриб может быть нарисован над головой или на ней (рис. 21, первая слева фигура), вместо головы — у мужских фигур (рис. 21, вторая слева фигура) и, наконец, вместо самой человеческой фигуры, — грибная ножка с руками и грибной шляпкой вместо головы (рис. 21, четвертая слева фигура). Иногда гриб рисуется двойной и даже тройной (рис. 24, петр. 2, 65). Почти все фигуры в фас, часто в позе, напоминающей пляску. Есть один профильный силуэт в виде обнаженной женщины с полустершимся грибом на голове (петр. 79).

Большинство петроглифов оказалось на камне IV, наиболее высоком и эффектным. На его широких плоскостях рукой древних художников выбиты большие многофигурные композиции. Здесь и сцены охоты на диких оленей на плавах, и охота на китов с байдар (вероятно, обтянутые моржовой шкурой), и единоборство охотника с медведем, и различные человеческие фигуры. На этом центральном камне оказалось большинство наиболее реалистических изображений оленей. Петроглифы на нем найдены в 37 местах.

Петроглифы на остальных «камнях» хотя и уступают рисункам этого центрального камня по количеству, но не менее интересны по содержанию. Однако здесь больше схематичных изображений.

В подобном распределении рисунков по камням, очевидно, не могла не сказаться как-то и их хронологическая последовательность.

Классификация

Обилие петтымельских рисунков, их сюжетное и стилистическое многообразие делают совершенно необходимой задачу их классификации и периодизации. Не решив этой задачи, нельзя использовать их как полноценный исторический источник. Но как правильно распределить по хронологическим группам весь этот обширный, разнородный и, конечно, разновременный петроглифический материал?

Особенности техники нанесения рисунков на скалу позволяют определенно выделить только две их группы: тонкопроцарапанные или прорезанные граффити и выбитые или протертые силуэты. Различия же внутри этих групп, как правило, не могут быть определены достаточно четко.

Даже в наиболее представительной группе силуэтных изображений различия носят большей частью чисто количественный характер, т. е. сводятся к несколько большей или меньшей глубине выбивки, и не могут быть, таким образом, надежным критерием для выделения хронологических групп. Мы можем выделить только небольшое число слабопротертых рисунков (петр. 1, 9, 14, 16, 31—35, 58, 69, 78) и несколько грубо выбитых (15, 27—29, 52, 60, 66), остальные отличаются средней глубиной выбивки в 1—2 мм.

Можно допустить, что мы имеем дело с общим огрублением техники, возрастанием глубины выбивки. В отдельных случаях это можно объяснить просто тем, что со временем изображения стираются, выветриваются. В таких случаях они относительно более темные и отличаются от совсем свежих и светлых, выбитых недавно, что особенно хорошо видно в тех случаях, когда одни изображения выбиты поверх других (рис. 25).

Мы учитывали все эти особенности техники наскального творчества, но в конце концов убедились, что они не отличаются необходимой определенностью и сами по себе явно недостаточны для периодизации петроглифов и что с этой целью различия в технике нанесения рисунков на скалу могут быть приняты во внимание только в корреляции с какими-то другими признаками.

Можно было попытаться расчленить петроглифы на разновременные группы по стилю. Прежде всего для такой операции подходят изображения оленей. Их здесь больше всего, и стилистически они наиболее разнообразны. И мы стали классифицировать оленьи изображения, сводя все их стилистическое многообразие к следующим пяти основным типам.

Рис. 25. Двуслойная группа изображений: более светлые фигуры оленей выбиты поверх большого более древнего силуэта оленя

1. Подлинно реалистические, исполненные жизни и движения (петр. 16, 33, 42, 69, 73; рис. 7, 8) и близкие им по мастерству, подчеркнуто изящные, несколько манерные, плавных очертаний (петр. 7, 9).

2. С широкой грудью, угловатым крупом, нередко с утрированно подчеркнутыми реалистическими подробностями: горбатые, с подшейным волосом, с двумя обозначенными рогами и т. п. (петр. 11, 17, 31, 32, 37, 46, 63, 69, 73, 79).

3. Более или менее схематичные, обтекаемые, с угловатым крупом (петр. 39, 79) и близкие им «треугольно-стилизированные» (петр. 13, 26, 32, 34, 35, 37, 40, 41, 43, 47, 49, 53, 66, 67, 75, 77, 80, 92, 93, 96, 104).

4. Примитивные, небрежно выбитые, ничем особым не характерные (петр. 3, 7—10, 14—17, 19, 21, 22, 30, 32, 37, 38, 41, 44—50, 52—54, 56—57, 59, 62, 64, 66, 71, 74—76, 81, 85, 86, 88, 91, 95, 100, 101). Они, очевидно, не выражают особой художественной «школы», лишь свидетельствуют о низком уровне мастерства некоторых художников.

5. Преувеличенно массивные, с грузным широким туловищем и толстыми ногами (петр. 15, 51, 52, 58—60).

Однако и тут вскоре мы увидели, что наметить эволюцию стиля оленьих изображений, исходя только из него самого, весьма трудно и вряд ли возможно. Только в одном случае зафиксировано налегание изображения оленя одного стиля (тип 4) на изображение оленя другого стиля (тип 3) — см. рис. 25. Судя по технике выбивки и по расположению рисунков на скалах, похоже, что совершенно различные стили часто синхронны. Рядом с аляповато выбитыми очень схематичными фигурами оленей в одной композиции нередко бывают настоящие шедевры реалистического искусства (петр. 16, рис. 6). Встречаются и не столь крайние стилевые сочетания, но и они создают впечатление невозможности как-то хронологически упорядочить весь петроглифический материал.

В конце концов мы пришли к выводу, что наиболее убедительной классификация станет только в том случае, если мы будем исходить не только из стиля, но также из содержания рисунков, т. е. из каких-нибудь наиболее устойчивых, обусловленных традиционным магическим смыслом изобразительных канонов. Напомним, что подобный принцип недавно успешно был применен Я. А. Шером для классификации каменных изваяний Семиречья¹².

С этой точки зрения все связанные с образом оленя наскальные сюжеты Пегтымеля четко распадаются на две основные группы: 1) фигуры животных без людей; 2) сценки охоты на оленей.

Первая группа менее удобна для дальнейшего генерального расчленения всего материала по смыслу и содержанию, так как содержит сравнительно мало хорошо определимых композиций. Ведь почти любую из них можно понять как совокупность отдельных разновременных фигур. В качестве разновидностей этой группы мы рассматриваем фигуры оленей, нарисованные боком и вверх ногами, и с меньшей уверенностью выделяем изображения оленей, стоящих попарно мордами

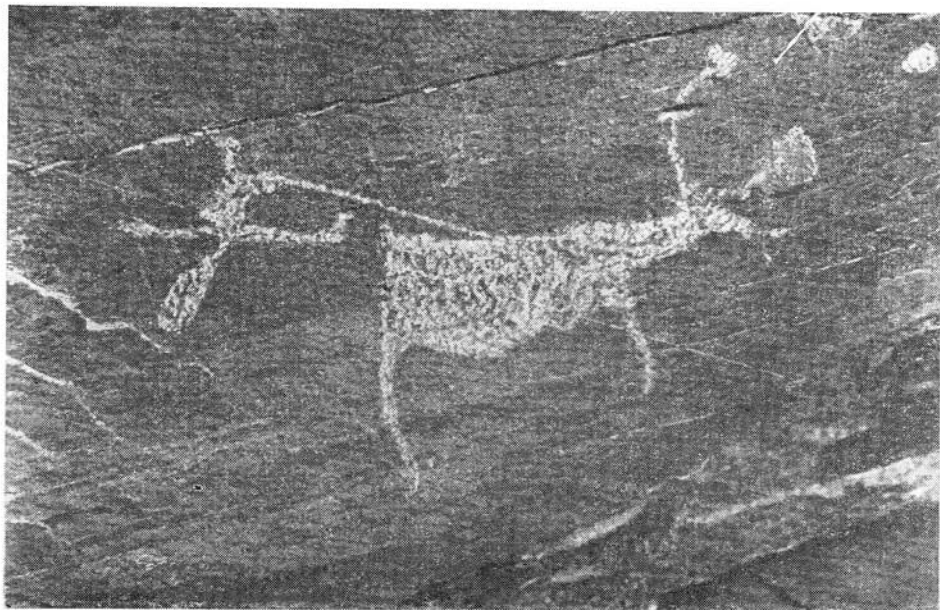

Рис. 26. Традиционная композиция: охота с каяка на плывущего оленя (третий изобразительный канон, петр. 63, камень VI)

друг к другу. Наиболее массовым и достоверным среди всех этих изображений является только один канон — одиночные фигуры оленей. Это первый твердо выделяемый нами изобразительный канон. Он соответствует определенному типу магических представлений, согласно которым изображение зверя считалось вместилищем его души и якобы должно было способствовать восстановлению стада полезным человеку зверей, их размножению¹³.

Вторая группа дает наиболее благодарный материал для дальнейшего выделения канонических изображений и, следовательно, для классификации. В нее входит большое количество (49) композиций, каждая из которых нарисована на скале в один прием и является неразрывным комплексом из нескольких элементов: оленя, лодки, сидящего в ней человека, двухлопастного весла и метательного оружия (рис. 26). Самое замечательное, что здесь четко различаются несколько последовательных вариантов изображений, имеющих смысл явно охотничьей магии. Таким образом, получаем:

Второй изобразительный канон: охотник, сидя в маленькой лодке, поражает копьём или гарпуном плывущего оленя, причем сам охот-

Сопутствующие образы				образы			Изобразительный канон	Стиль оленьих силуэтов				
7	6	5	4	3	2	1		1	2	3	4	5
		1	1				I	7	9	8	11	3
		1	1			2	II		5	15	6	
1		1			1		III		3	6	3	1
				1			IV			1	1	1
1	1			3			V				3	2

Рис. 27. Таблица-классификация петгымельских петроглифов (цифры на корреляционном поле означают число петроглифов)

ник обозначен предельно схематично одной вертикальной черточкой и без весла (петр. 7, 26, 31, 32, 35, 40, 41, 43, 49, 53, 54, 67—69, 72, 73, 82, 91, 95).

Третий изобразительный канон: та же композиция, только сидящий в лодке охотник выглядит более реалистично и кроме метательного оружия держит еще и двухлопастное весло (петр. 15, 25, 49, 63, 66, 75, 76, 90).

Четвертый изобразительный канон отличается от предыдущих положением двухлопастного весла отдельно от лодки с охотником, нарисованных весьма схематично (петр. 25, 76). Разновидностью этого канона является композиция с подчеркнутым выделением двухлопастного весла, но оно еще не отделено от лодки с охотником, хотя и поднято охотником высоко над нею. Сам охотник показан схематичной черточкой, и никакого оружия в руках он не держит. В одном случае весло вовсе не фигурирует в композиции (петр. 90), в другом оба оленя, нарисованных по сторонам от лодки, пронзены метательными копьями или дротиками (петр. 95).

Пятый изобразительный канон: рядом с оленем изображается только двухлопастное весло, охотник и лодка в композиции не участвуют (петр. 7, 17, 57, 58, 74).

Затем мы составили таблицу (рис. 27), выявляющую корреляционную зависимость между всеми изобразительными канонами (вертикальный ряд) и перечисленными выше пятью стилистическими группами входящих в канонические композиции оленей (верхний горизонтальный ряд 1—5 в правой части таблицы). В результате получили вполне определенную последовательность данных канонов, их относительную хронологию.

Нетрудно заметить, что развитие композиции подчинено определенной логике и выражает все большее возрастание в охотничьей магии роли двухлопастного весла. На последней стадии оно заменяет собой и охотника, и лодку, символизируя, очевидно, то наиболее существенное, что обеспечивает стремительную скорость лодки, каяка и, следовательно, успех охоты.

Данная последовательность канонов не является надуманной. Она построена с учетом как техники нанесения рисунков на скалу, так и стилистических особенностей входящих в изобразительный канон фигур оленей.

Первому изобразительному канону магии оживления — одиночным силуэтам оленей — свойственны все пять выделенных нами стилей (1—5), и ни в одном из последующих канонов охотничьей магии нет подлинно реалистических оленей. Поэтому одиночные реалистические изображения оленей (они выбиты неглубоко или только протерты) с полным основанием можно считать древнейшими на скалах Пегтымеля.

Второму изобразительному канону присущи только 2-й, 3-й и 4-й стилистические типы и только неглубокая выбивка или только протирка; третьему — 2-й, 3-й, 4-й, 5-й; четвертому — 3-й и 5-й; пятому — 4-й и 5-й, наиболее примитивные (для последних трех канонов характерна преимущественно более или менее глубокая выбивка).

Таким образом, мы наблюдаем здесь от канона к канону тенденцию снижения реализма в искусстве на фоне некоторого огрубления техники. Второму канону в наибольшей степени еще присущи некоторые реалистические традиции, об этом говорит весь облик оленей. Не случайно у них порой по оба рога и по четыре ноги. Другая реалистическая подробность — растопыренные наподобие гусиной лапы копыта плывущего оленя (рис. 11, петр. 67) — объединяет этот второй канон с реалистическими наиболее древними изображениями оленей (где эта деталь начинает появляться только спорадически — см. петр. 42), а также с третьим и четвертым канонами (рис. 26). Отсутствие же подобных «гусиных лап» у оленей пятого канона, для которого характерны наиболее примитивные олени изображения, вполне соответствует его положению в качестве последнего (см. крайнюю правую колонку 6 на таблице — рис. 27).

Стоит ли говорить, что налегающие в отдельных случаях на силуэты оленей 4-го и 5-го стиля еще более поздние линейные рисунки (рис. 28) только подчеркивают и усиливают эту общую тенденцию пегтымельских петроглифов к схематизации, отходя от реализма. И это

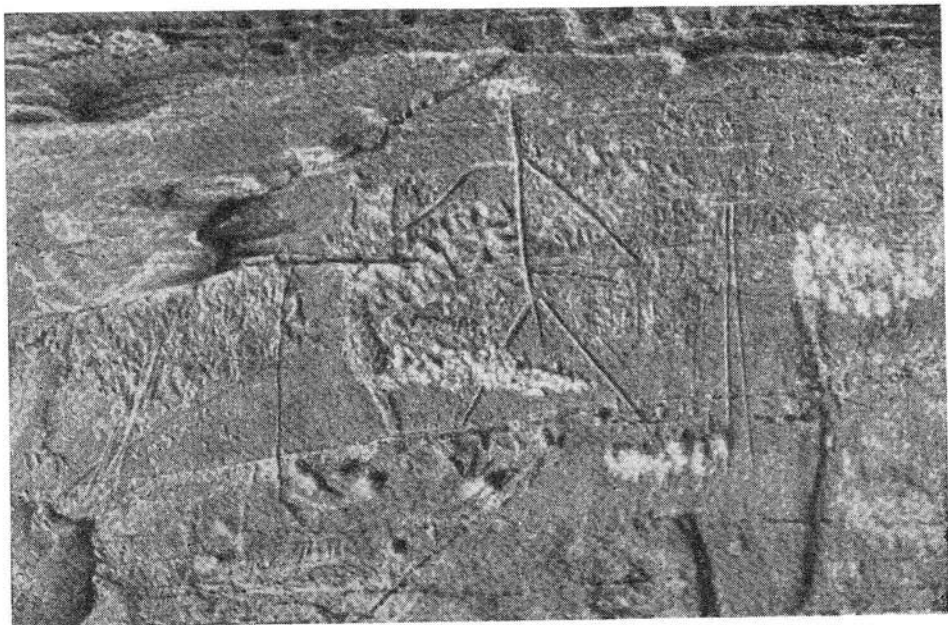

Рис. 28. Линейное антропоморфное изображение прорезано поверх сплошь выбитого силуэта оленя (петр. 52, камень IV, пещера)

вполне соответствует преобладающей (хотя и не всегда повсеместной) закономерности развития наскального искусства от живых полнокровных образов к схеме¹⁴. И тем самым делает еще более прочной предлагаемую последовательность изобразительных канонов.

Опираясь на их эволюцию, мы можем сделать попытку распределить по соответствующим им хронологическим группам и некоторые сопутствующие образы: антропоморфные мухоморы и многоместные лодки.

Антропоморфные мухоморы сопутствуют всем выделенным нами изобразительным канонам, кроме первого (см. рис. 27). При этом схематичные изображения человекоподобных мухоморов (тип 1) встречаются с каноном II, реалистические фигуры в комбинезонах-керкерах (тип 2) с некоторой осторожностью можно соотносить с каноном III (петр. 79), самые же реалистические изображения женщин-«мухоморов» без одежды связаны с канонами IV и V (петр. 55, 57, 74).

Большие многоместные лодки были здесь объектом искусства, очевидно, с самого раннего времени. Рядом с реалистическими силуэтами оленей они рисовались с высокоподнятой носовой частью и даже с головой животного на ее конце (рис. 8, петр. 16). Лишь рядом с бо-

лее поздними каноническими композициями они приобретают обычный чукотско-эскимосский облик кожаных умиаков (петр. 14). Вначале лодки, вероятно, еще не использовались для охоты на китов. Силуэты последних, судя по стилю выбитых с ними оленей, сопутствуют, вероятно, только двум последним изобразительным канонам охотничьей магии (петр. 99). Наиболее же древними являются, очевидно, изображения сравнительно мелких видов ластоногих (петр. 36).

В результате если не все, то во всяком случае большая часть силуэтных петроглифов распределяется по пяти последовательным комплексам в относительной хронологии так, как показано на таблице (рис. 27) в ее 1—5-м горизонтальных рядах. Шестой комплекс — граффити, преимущественно налегающие на самые поздние силуэтные петроглифы, — естественно, занимает положение одного из самых последних.

Теперь остается решить проблему абсолютной хронологии выделенных комплексов, проблему датировки.

То, что пегтымельские петроглифы не современные, а весьма древние, видно даже без специальных исследований. Многие из них основательно заросли лишайником, а одна глыба даже откололась от скалы («камня» V), скатилась вниз по склону и заросла землей так, что интересную и притом относительно позднюю композицию из лодок, оленей, женщины-мухомора и отдельного двухлопастного весла (петр. 55) нам пришлось откапывать из земли.

Плохая сохранность многих изображений, от которых уцелели только неясные следы, выветренность их контуров тоже свидетельствуют о седой древности.

Сами изображения своим содержанием говорят о том же. Среди силуэтных петроглифов полностью отсутствуют сюжеты, связанные с оленеводством; все они рассказывают о жизни первобытных охотников и в основной своей массе относятся к тому периоду, когда на Чукотке еще не было оленеводов, но уже были охотники на дикого оленя и на морского зверя¹⁵.

Судя по имеющимся археологическим данным, морская охота возникла на побережье Чукотки не ранее I тысячелетия до н. э., что и определяет ориентировочно нижнюю границу датировки этого сюжета пегтымельских петроглифов. Не исключено поэтому, что наиболее древние, предшествующие всем остальным петроглифам реалистические изображения одиночных оленей относятся, вероятно, к еще более раннему времени, возможно, к концу II тысячелетия до н. э.

Серия реалистических одиночных изображений оленей, исполненных с острым ощущением действительности (петр. 16, 33, 73), ближе всего подобным по стилю, хотя и значительно более крупным по размерам, позднеолитическим фигурам оленей и лосей на скалах верхней Ангары¹⁶.

Учитывая общую закономерность стилистического развития петроглифов Сибири, в частности верхней Ангары, мы вправе предположить позднеолитический возраст и для наших реалистических оленьих си-

луэтов. Допустимы, правда, сомнения в правомерности сопоставления столь далеких не только по расстоянию, но и по размерам и технике петроглифов (на Ангаре они крупнее и выбиты по контуру желобком), но вспомним, что в еще более далекой от Ангары Северной Норвегии в то же время (на грани III и II тысячелетий до н. э.) расцвело такое же реалистическое искусство неолитических охотников¹⁷.

Именно северонорвежским неолитическим петроглифам особенно близки пегтымельские реалистические олени по стилю, хотя и отличаются от них по технике исполнения и размерам. Огромные изображения оленей выбиты в Норвегии по камню так же, как и на Ангаре, только желобчатым контуром, а не по всему силуэту, но в конце концов и величина петроглифов, и техника их выбивки для сопоставлений в широком хозяйственно-культурном, а не в этническом плане не так, может быть, существенны. К тому же техника выбивки петроглифов «желобком» в сущности была известна и пегтымельцам (см. рис. 6).

Отмеченные самые общие аналогии как будто бы подтверждают нижнюю границу датировки пегтымельских реалистических оленей где-то в пределах II тысячелетия до н. э. Судя по тому, что подобных изображений на Пегтымеле сравнительно мало, возможно, эту нижнюю границу придется существенно подтянуть к верхней, к тому времени, когда на пегтымельских скалах были выбиты первые магические изображения охотника, закалывающего оленя с лодки.

К датировке всей следующей серии петроглифических комплексов, связанных с этим новым сюжетом, самое прямое отношение имеют находки с исследованных нами трех древних пегтымельских охотничьих стоянок. Все они в непосредственной близости от петроглифов, на краю обрыва, прямо над древними рисунками. Отсюда сверху открывается просторный вид на речную долину и широкие протоки Пегтымеля, через которые дикие олени переправлялись здесь весной по льду, а осенью вплавь, мигрируя к морю и обратно к зимним пастбищам. Лучшей позиции для охотничьего лагеря, для наблюдения за передвижениями диких оленей и для засады на них и не придумаешь.

На месте одной из стоянок, на камне II, еще в 1967 г. мы заложили раскоп и нашли скопление рогов диких оленей, огромное количество расколотых и пережженных оленьих костей, кремневые отщепы и обломок двусторонне обработанного оббивкой листовидного ножа неолитического облика (рис. 29, 4). Этот обломок и отщепы извлечены нами из культурного слоя из поверхностного коричневого суглинка. А в 1968 г. мы обнаружили там же и другую половину этого ножа (рис. 29, 4), кострища и снова расколотые оленьи кости и отщепы.

Раскопав затем кучу оленьих рогов в 10 м к северу от нашего раскопа на той же стоянке, мы окончательно убеждаемся в том, что она имеет прямое отношение к петроглифам. Куча оленьих рогов овальна в плане. Ее длина 3,5 м, ширина около 1,2 м. Рога уже частично вросли в землю. Судя по широким лопастям рогов, они принадлежали,

вероятно, не домашним, а диким оленям. На северо-западном краю кучи валялась пара рогов с особенно широкими и массивными лопастями.

После извлечения всех рогов под ними обнаружился край каменной плиты, выступающей из-под дерна. В результате последующих раскопок выяснилось, что на этом месте под рогами и под поверхностным слоем земли на глубине в среднем около 5—10 см была устроена незамкнутая оградка из плашмя положенных каменных плит. Длина этой каменной кладки 2,5 м, ширина в наиболее широком месте — 1,5 м. Эта кладка была устроена поперек кучи оленьих рогов, из очень длинных (до 95 см) и тонких каменных плит. Никаких находок, подобных тем, что были на предыдущем раскопе, здесь не оказалось. Зато под одной плитой, уложенной среди крайних с северо-западной стороны кладки, мы нашли большое скопление обломков белого кварца различной величины и веса (от нескольких килограммов до нескольких десятков граммов). Допустимо предположить, что эти куски кварца были как раз теми орудиями, при помощи которых выбивались на скале петроглифы. В таком случае мы столкнулись здесь с весьма своеобразным ритуалом захоронения инструментов художественного (магического по своему смыслу) творчества. Отсутствие в этом месте отходов производственной деятельности позволяет сделать вывод, что все это сооружение из оленьих рогов и каменных плит было не чем иным, как погребальным памятником. Ведь и наличие рогов, и само расположение каменных плит очень напоминает так называемые паляквины чукотских кочевнических погребений. Правда, «паляквины» (овальные оградки из камней) сооружались в тундре на поверхности почвы. Здесь же, очевидно, камни задерновались с течением времени, и это может свидетельствовать о значительном возрасте захоронения. Вполне естественно также, что не сохранилось никаких следов самого погребенного. Он, как и полагается по тундровому обряду, был положен, конечно, на земле посреди каменной кладки на съедение волкам. Сохранились только погребенные вместе с ним куски кварца; должно быть, он был одним из тех, кто исписывал рисунками пегтымельскую скалу.

Интересна и вторая стоянка, найденная и исследованная нами в 1968 г. на камне VIII. На этом весьма эффектным и крутом камне имеются большие выходы кварца. Быть может, именно поэтому здесь мы увидели также довольно небрежно выложенную из больших кусков кварца овальную кладку длиной 1,5 м и шириной 0,7 м. Вокруг кладки прямо на поверхности вершины скалы мы обнаружили довольно много кремневых, обсидиановых и халцедоновых отщепов и среди них — обломки двусторонне обработанного остроконечного орудия (рис. 29, 5) и два обломка обработанных с двух сторон уплощающей отжимной ретушью наконечников стрел — задняя часть наконечника с прямым насадом и удлиненно-треугольный кончик передней части (рис. 29, 2, 3). Все три обломка из кремня.

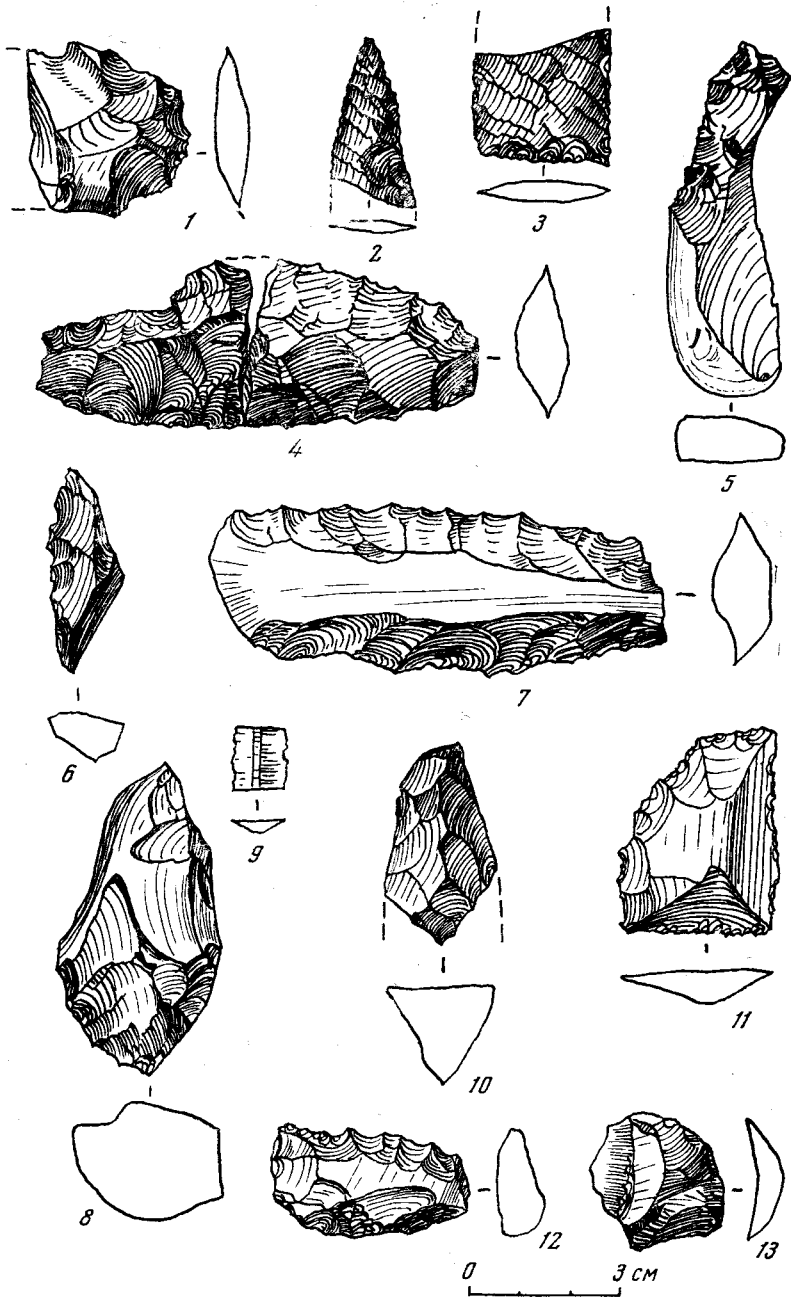

Рис. 29. Каменные изделия с пегтымельских стоянок
 Листовидные ножи (1, 4, 7); наконечники стрел (2, 3); скребки (8, 11—13);
 ножевидная пластинка (9)

В раскопе, заложенном вокруг кладки, тоже встретились отщепы, а также обломок двусторонне обработанного листовидного ножа из бурого кремня, точно такого же, как и в раскопе на камне II (рис. 29, 1).

Слой поверхностного суглинка постепенно выклинивался по направлению от реки к берегу, сменяясь мелкой щебенкой, так, что если на обращенной к реке стороне раскопа отщепы встречались в буром суглинке на глубине 10—15 см, то на противоположной стороне и дальше за пределами раскопа они были только на поверхности. Таким образом, нашим раскопом мы исчерпали возможности обнаружения остатков древней материальной культуры на вершине камня VIII.

Третья охотничья стоянка, изученная нами в 1968 г., приобрела для датировки петроглифов решающее значение. Она оказалась вместе с новым местонахождением петроглифов в 10 км от ручья Кайкууль на одиночной скале с правой стороны р. Пегтымель. Здесь на вершине скалы мы и увидели остатки пребывания древних охотников.

Скала омывается мелкой пересыхающей протокой реки. Широкая отмель отделяет скалу от основного русла. Скала могла служить удобным местом для высматривания оленей: с этого места хорошо просматриваются многочисленные здесь протоки реки и ее низкий противоположный берег (рис. 5).

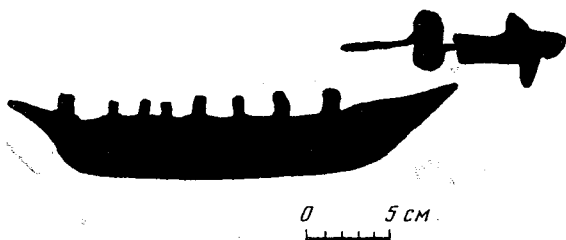
Скала очень эффектна. Каменный утес вздымается совершенно отвесно на высоту более 25 м. На середине его высоты на широкой скальной плоскости под карнизом выбита большая композиция из нескольких крупных силуэтных фигур и других знаков. Сюжет ее вполне определенный — это поколка оленей весной на лыжах по насту с собакой и осенью — с каяка на плавах. Последняя исполнена в точном соответствии с третьим изобразительным каноном (петр. 104)¹⁸.

Остатки охотничьего стойбища мы нашли на вершине скалы, на пологой мелкощебнистой поверхности. Собранный здесь подъемный материал состоял преимущественно из кремневых отщепов, нередко ретушированных и могущих служить орудиями. Наиболее же замечательными нашими находками здесь были две вещи: обломок обсидиановой призматической ножевидной пластинки (рис. 29, 9) и целый обработанный с двух сторон кремневый листовидный нож, такой же, как и те, что в обломках попадались на камнях II и VIII (рис. 29, 7).

Общий характер находок на всех трех стоянках (листовидные ножи, наконечники стрел, ножевидная пластинка) позволяет отнести их к той культуре, которая была исследована нами еще в 1959 г. на острове Айон на севере Чукотки, сравнительно недалеко от р. Пегтымель¹⁹. А так как третья стоянка приурочена к одному-единственному изобразительному канону, а именно к третьему — и в этом ее решающее значение для датировки, — то, следовательно, всю обширную группу петроглифов третьего канона, а также близкого к нему второго можно относить к айонской культуре, т. е. к периоду самого позднего или даже пережиточного неолита, вероятно, где-то в пределах I тысячелетия до н. э.

В бассейне р. Анадырь в это время завершала свое развитие усть-бельская культура охотников на дикого оленя. И весьма примечательно, что в одном погребении Усть-Бельского могильника еще в 1958 г. мы нашли не только сходные с пегтымельскими обработанные отжимной ретушью наконечники стрел, но и кремневую фигурку человечка, в общем очень похожую на некоторых «человечков», выбитых на Пегты-меле²⁰.

Рис. 30. Изображение, похожее на «крылатый предмет», рядом с байдарой и морским животным (петр. 58, верхняя часть)

Наиболее существенным датирующим признаком мог бы стать выбитый на камне V силуэт (рис. 30, петр. 58) наверху слева, напоминающий так называемые крылатые предметы древнеберингоморской культуры (рис. 31). О назначении этих искусно вырезанных из моржового клыка странных предметов с несколькими непонятными отверстиями высказаны самые различные предположения: это и украшение форштевня байдары, и навершие шаманского жезла или посоха, и утяжелитель древка гарпуна. То, что можно понять на наскальном рисунке как «крылатый предмет», очевидно, насажено на передний конец древка гарпуна в качестве его головки, к которой прикреплен и сам гарпунный поворотный наконечник. Весь снаряд направлен в какого-то морского зверя, похожего на кита, и нарисован по сравнению с ним непомерно большим. Он фигурирует рядом с байдарой морского типа в композиции с отдельным двухлопастным веслом и оленями (канон V).

Данный наскальный рисунок дает как будто бы весьма наглядное представление о применении «крылатых предметов» в качестве своеобразной головки поворотного гарпуна. Подтверждением подобного их употребления являются раскопанные нами в 1965 г. вблизи мыса Дежнева на Чинийском древнеэскимосском кладбище погребения, в которых мы нашли эти загадочные предметы *in situ* именно в таком положении: на верхнем (переднем) конце древка (рис. 32)²¹. Тем не менее данное изображение «крылатого предмета» все же несколько проблематично. Если же это действительно «крылатый предмет», то мы с полным правом могли бы датировать последний пятый изобразительный канон еще более поздним временем, чем второй и третий, отнеся его, пожалуй, вместе с четвертым к древнеберингоморскому времени, т. е. к первым семи-восьми векам I тысячелетия н. э.

Самое же определенное указание на древнеберингоморский возраст последних изобразительных канонов мы получили в результате исследования пещеры, обнаруженной в обрыве с петроглифами.

Пещера хорошо заметна, если смотреть на скалу IV Кайкуульского обрыва со стороны реки, лучше с противоположного ее берега (рис. 33). Она находится на середине высоты скалы, на высоте около

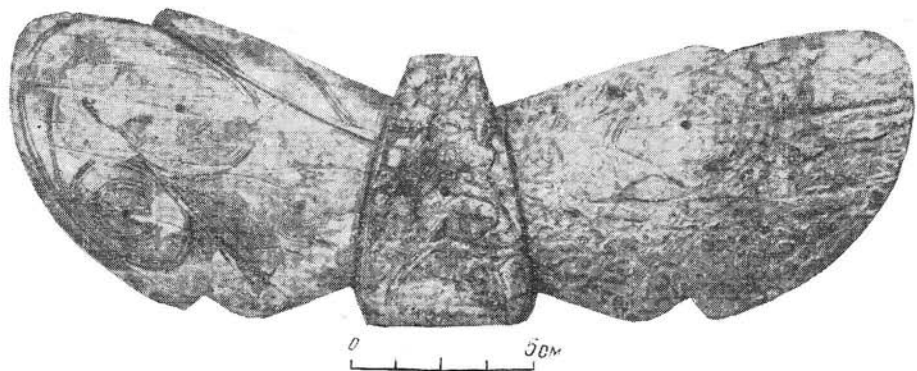

Рис. 31. «Крылатый предмет» (из Уэленского могильника)

15 м от уровня воды. Она очень узкая (2 м при входе и 0,7 м в глубине) и неглубокая (около 2,5 м от входа до задней стенки). Ее высота около 2 м. Ее вполне можно было бы назвать и просто расщелиной или щелью в скале. Пещера имела довольно значительные наносы с древними культурными остатками. Она, несомненно, служила местом пребывания человека и, несмотря на малые размеры, при случае могла, очевидно, вместить даже нескольких человек.

От задней, самой узкой стены пещеры дальше в глубь скалы ведет узкая очень глубокая щель, в пылевых отложениях внутри которой мы нашли нечто вроде костяного шила.

Основание пещеры было завалено крупными обломками скалы, после удаления которых обнажились рыхлые пылеватые отложения.

Общая глубина напластований в пещере в среднем достигала 0,5—0,7 м, постепенно переходя к низу в щебенку и дресву. Культурные остатки до средних глубин (до 0,4—0,5 м) состояли из большого количества расколотых оленьих костей, многочисленных обломков белого кварца, нескольких кремневых отщепов, халцедонового ретушированного осколка, кремневого наконечника стрелы и нескольких изделий из оленьего рога и моржового клыка (рис. 34).

Каменный наконечник стрелы был обнаружен в середине пещеры на глубине 0,35 м. Он имел форму листа с односторонней боковой выемкой внизу у черешка и был грубо обработан с двух сторон ретушью.

В сечении он довольно толстый, длина его 78 мм, ширина 19 мм (рис. 34, 5).

Рядом с наконечником мы нашли просверленный для подвешивания клык животного (рис. 34, 1).

Справа при выходе из пещеры среди специально уложенных камней сохранились следы очага с угольками. Здесь-то и были найдены все остальные костяные изделия. Прежде всего это обломок какого-то трехгранного наконечника, украшенный с каждой стороны глубоко врезанной линией. Он сделан из моржового клыка (рис. 34, 2). Из того же материала изящно вырезанная художественная вещица в виде миниатюрного фигурного стерженька с поперечной профилировкой в древнеберингоморском или ипиутакском стиле (рис. 34, 3). Эти два изделия лежали рядом с кострищем. Тут же была и какая-то непонятная поделка вроде обоймы из оленьего рога (рис. 34, 4).

Наконец, в щели возле очага между стеной пещеры и очажным камнем мы нашли большое скопление поломанных панцирных пластин из оленьего рога. Они двух типов: 1) длинные, широкие (до 3,5 см шириной), у них два или три отверстия вдоль поперечных краев, 2) длинные узкие (до 2 см шириной) с такими же рядами отверстий, но только по два в каждом. Эти панцирные пластины носят на себе следы обработки железным инструментом (рис. 35). Они являются, пожалуй, наиболее замечательной находкой в пещере, так как указывают на возраст, и притом относительно поздний, обнаруженных в пещере остатков культуры.

Радиоуглеродным анализом угля из очага пещеры возраст всех этих остатков определяется в 1460 ± 70 лет (МАГ-18, определение и расчет В. В. Носова), что соответствует последнему этапу древнеберингоморского периода.

Именно к этому времени, очевидно, относится большинство силуэтных петроглифов, обнаруженных нами в пещере. Вместе с резными линейными рисунками они почти сплошь покрывают все сколько-нибудь удобные плоскости ее стен. Здесь грубо выбиты (быть может, теми же кусками кварца, которые раскопаны нами в пещере) очень примитивные изображения волков или собак, многочисленных лодок, людей и оленей. Последние представлены только четвертой и пятой стилистическими группами, наиболее характерными, как выше было показано, для пятого, наиболее

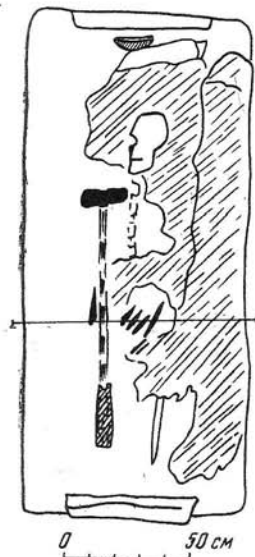

Рис. 32. «Крыластый предмет» на конце древка (на его противоположном конце — головка гарпуна) в древнеберингоморской могиле 17 на мысе Чини

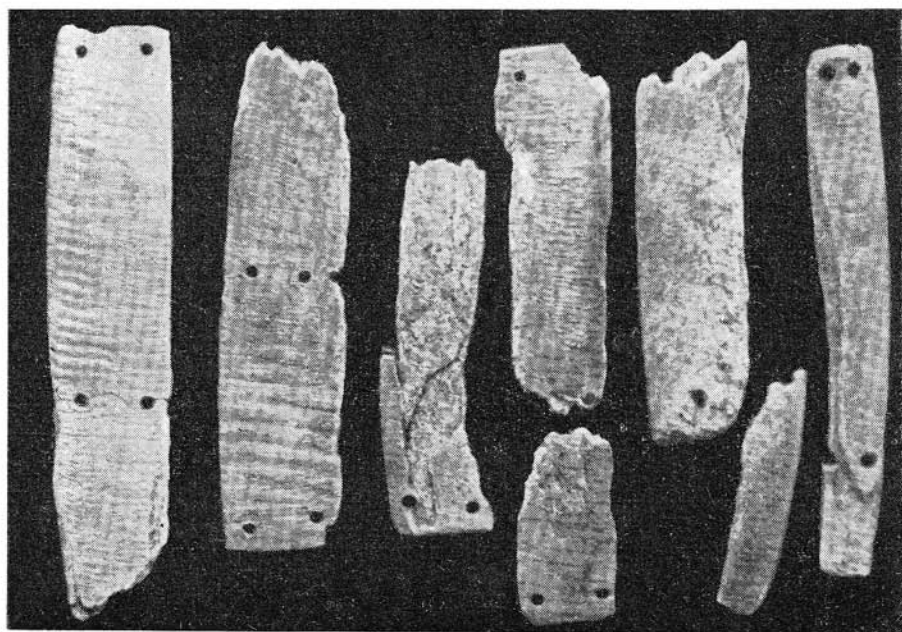

Рис. 33. Пещера в Кайкуульском обрыве

Рис. 34. Каменный наконечник стрелы и костяные изделия (из пегтымельской пещеры)

Рис. 35. Панцирные пластины из оленьего рога (из пегтымельской пещеры). Примерно $\frac{1}{2}$ нат. вел.

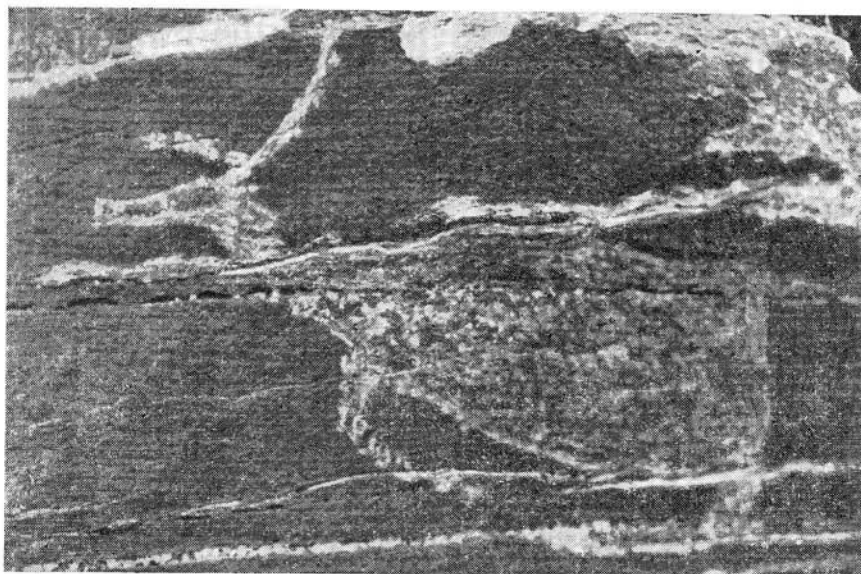

Рис. 36. Олень с подогнутыми ногами (петр. 42, камень IV)

позднего изобразительного канона. Тем самым его место в нашей схеме развития канонов получает еще одну хронологическую опору.

А теперь посмотрим, чем может помочь датировке всей обширной второй группы петроглифов (каноны II—V) сравнение с наскальными рисунками других территорий.

Весьма характерный образ — схематическая фигурка человека с поднятыми вверх руками возле изображения замкнутой ограды (если это только не солнце — см. петр. 7) — типичен для писаниц бронзового века Забайкалья²². К южносибирским мотивам раннего железного века²³ можно отнести и три изображения оленей с подогнутыми ногами (рис. 36, петр. 42, 46, 74), однако эти аналогии вряд ли могут расцениваться как определяющие дату, ибо олени в подобной позе изображались и в более позднее время, причем ближе к Чукотке — у эскимосов Арктической Америки²⁴.

Если обратиться к северной периферии Старого и Нового Света, то там можно найти наиболее убедительные датирующие аналогии. В наскальном искусстве Северной Норвегии бронзового века имеются близкие по общим контурам (хотя и заполненные в отличие от петымельских так называемыми внутренностями) треугольно стилизованные олени, символические изображения следов человеческой ступни (почти как на петр. 57 и 81) и даже нечто вроде стилизованных грибных человекоподобных фигур (вместо головы у них что-то вроде

грибной шляпки), датируемые 1000—500 гг. до н. э.²⁵ А на скалах Скандинавии²⁶, как и в Карелии²⁷, выбиты большие многоместные лодки с высокими носами, почти такие же, как и на Пегтымеле, где они приурочены, очевидно, к наиболее ранним изобразительным комплексам. Интересно, что подобные лодки известны примерно для того же времени и в наскальной живописи Северной Америки²⁸. Любопытно, что и сам сюжет охоты на плывущего оленя в близкой к пегтымельской трактовке можно найти там же, на северных окраинах Европы и Америки, например в Швеции среди петроглифов бронзового века²⁹ и у эскимосов-карибу в Канаде, где они относятся к этнографической современности³⁰.

В целом все эти аналогии не противоречат датировке, установленной по находкам на стоянках. Однако пока всю серию петроглифических комплексов, связанных с каноническими сюжетами охоты на оленя, можно датировать, пожалуй, только суммарно. Вся она, вероятно, укладывается в период поздней бронзы и раннего железа по хронологическим масштабам Северной Якутии и Чукотки или в период поздней усть-бельской (анадырской) и древнеберингоморской культур. И вся она, очевидно, относится к одной культурно-исторической эпохе: с I тысячелетия до н. э.— до середины I тысячелетия н. э., развитие петроглифического искусства в пределах которой поддается с достоверностью пока только относительной хронологизации.

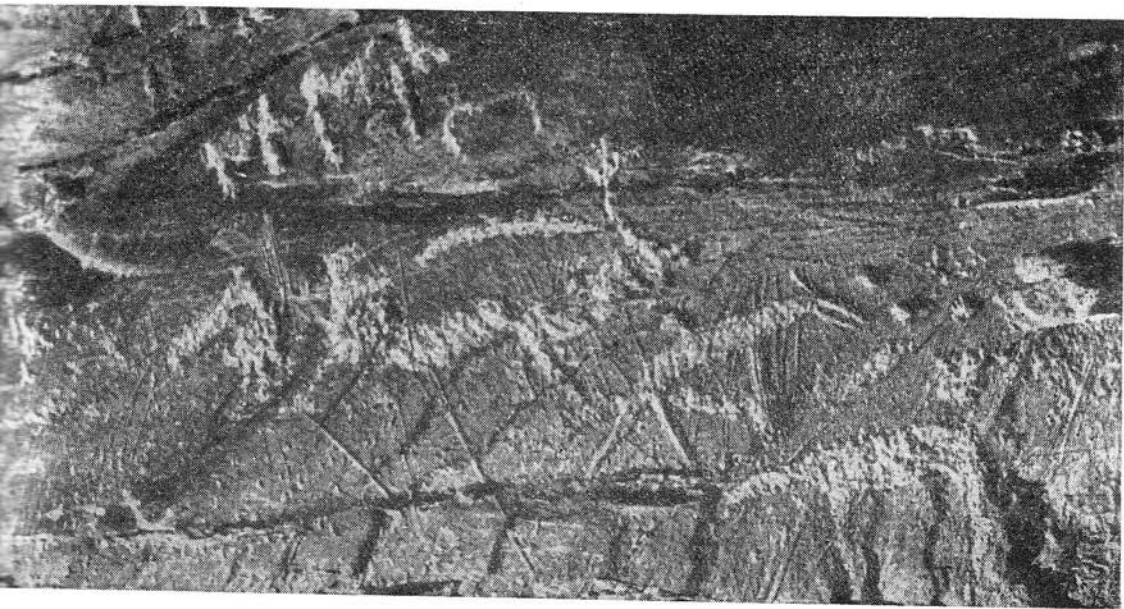

Рис. 37. Силуэты животных, выбитые поверх граффити (петр. 52)

Рис. 38. Граффити: байдара и фигурка человека (петр. 59, камень V)

Рис. 39. Изображение сосуда с
поясным орнаментом (петр. 49)

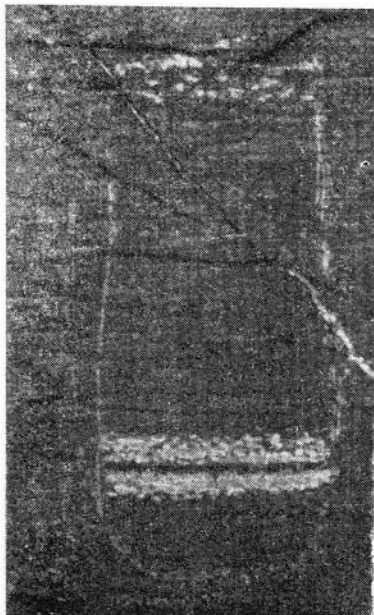
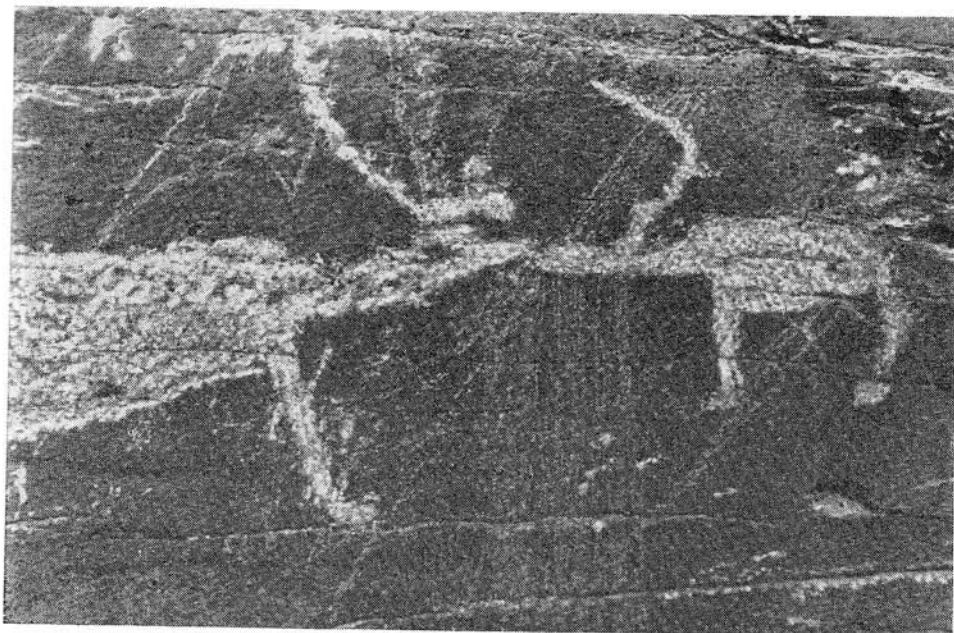

Рис. 40. Сочетание техники вы-
бивки и граффити в одной ком-
позиции (петр. 59, камень V)

Самые поздние рисунки Пегтымеля — граффити — относятся в основном к последнеберингоморскому времени. В пещере эти линейные изображения во многих случаях прорезаны поверх наиболее поздних силуэтных (рис. 28, петр. 52), значительно реже ими перекрыты (рис. 37, петр. 52) и обязаны, возможно, неоднократным вторжениям в пещеру пришлого населения.

Поздний возраст линейных рисунков ощущается в самом их облике, поразительно похожем по стилю на известные нам чукотские рисунки, собранные в свое время В. Г. Богоразом. Таков набросок прямо-таки чукотско-эскимосской байдары, небрежно процарапанный на камне V, такова находящаяся рядом с ней выполненная совсем на чукотский манер фигурка человека (рис. 38, петр. 59).

Надо полагать, что граффити принадлежат преимущественно третьему, завершающему периоду в использовании пегтымельских скал для рисования. Такое хронологическое положение пегтымельских резных линейных изображений в общем соответствует датировке граффити в Южной Сибири, где они обычно (например, у древних курыканов на Верхней Лене)³¹ перекрывают силуэтные рисунки и относятся чаще всего к железному веку.

Однако некоторое переходное время и сплошная силуэтная выбивка изображений, и граффити на пегтымельских скалах сосуществовали. Примером подобного синтеза может служить изображение сосуда, исполненное одновременно двумя совершенно различными техническими способами: контур его процарапан тонкой линией, а два декоративных пояска на нижней части тулова обозначены довольно широкими сплошь протертыми в камне полосками (рис. 39, петр. 49). О сочетании и, возможно, сосуществовании этих, казалось бы, взаимоисключающих технических традиций в наскальном искусстве ярко свидетельствуют также силуэты стоящих друг против друга оленей, выбитые на камне V. Они дополнены какими-то символическими линиями, как бы еще теснее связывающими животных попарно, и пучками линий, исходящими от их морд вниз. В этом можно усмотреть зачатки пиктографического письма, подобного известным юкагирским тосам³², и, следовательно, также еще одно косвенное указание на поздний возраст граффити (рис. 40).

Пегтымельские петроглифы рассказывают о жизни первобытных охотников

Итак, петроглифы запечатлели жизнь охотников, а впоследствии, вероятно, и оленеводов. В течение долгих столетий они использовали пегтымельские обрывы и для охоты, и для ритуального изобразительного творчества.

В прошлом, конечно, вблизи этих скал были сезонные переправы диких оленей через реку. Правда, в настоящее время олени форсируют ее несколько выше по течению, у ручьев Безводный и Тихий, но объясняется это только тем, что постепенное истощение зимних пастбищ заставило оленей уходить зимой все дальше на юг. Соответственно южнее и выше по реке нашли они себе и такое место для весеннего перехода реки по льду, куда они успевали дойти до ее вскрытия, а также для осенней переправы вплавь³³.

Вполне возможно, что в столь удобном для охоты месте добытчики диких оленей устраивали свои совместные празднества и игрища, сопровождаемые всякого рода ритуальными, в том числе и магическими, зарисовками на камне. Живописные, причудливых очертаний пегтымельские скалы вполне могли играть роль родовых или даже племенных святилищ.

Известно, что арктическим народам вообще свойственно одухотворение скал. Из шаманских видений, записанных в свое время В. Г. Богоразом, мы узнаем, что чукчи, например, верили в мужеподобную горную хозяйку, владеющую горными вершинами, матерью которой была Черная скала. В чукотских сказках и преданиях часто фигурирует Каменный хозяин и даже Каменный народ. Все эти представления связаны с персонификацией, одухотворением наиболее впечатляющих своим необычным видом скал, кекуров, утесов³⁴.

Конечно, и пегтымельские причудливые утесы настраивали подобным образом фантазию первобытных охотников. Здесь они совершали обряды магического убиения и магического размножения дикого оленя, тут же запечатлеваемые ими в соответствующих рисунках (см. например, на камне IV петроглиф 35, где изображены спаривающиеся олени).

Судя по данным этнографии, родовые, фратриальные и племенные празднества у многих народов с общинно-родовым строем были связаны не только с магическими охотничьими обрядами, но и с культом родовых, фратриальных и племенных предков-тотемов. И в пегтымельских петроглифах можно, пожалуй, усмотреть немало изображений явно тотемического характера.

Разве не к ним относятся выбитые на скале силуэты таких зверей, как волки (петр. 8) и косятки (петр. 60)? Они, конечно, не связаны с охотничьей магией по той простой причине, что древние обитатели крайнего Северо-Востока на этих животных вряд ли охотились.

У чукчей и эскимосов издавна распространено убеждение, что косятка и волк — это полезные для человека животные, которых убивать нельзя. Согласно широко бытовавшему среди эскимосов поверью, и волк, и косятка — это, собственно, одно лицо, человек-оборотень. В облике косятки летом он подгоняет к берегу китов и заставляет их выбрасываться на берег, чем приносит большую помощь охотникам. Зимой он в облике волка, нападая на оленей и уничтожая среди них слабых, тоже делает полезное дело³⁵. Олени кормят волка, но волк делает их сильными. Очевидную пользу от волков, пользу, которую обитатели тундры давно осознали, недавно путем своих интересных научных наблюдений подтвердил и Фарли Моуэт, проживший среди тундровых волков вблизи Гудзонова залива и до тонкости изучивший все их повадки³⁶.

В качестве тотемного можно было бы интерпретировать также изображение ворона, которого и чукчи, и эскимосы, и американские индейцы чтили как птицу зловещую, но неприкосновенную, с которой связано много легенд и сказок. Ее утрированно человекоподобный силуэт угадывается в петроглифе 87.

Наконец, с культом предка-медведя, очевидно, связаны силуэты этих животных, а также изображения, очень напоминающие медвежьи лапы (петр. 81, внизу).

Советский археолог и этнограф В. Н. Чернецов в результате своих наблюдений над обрядами обских угров сделал успешную попытку объяснить некоторые наскальные изображения Урала, в частности так называемые числовые знаки. По его мнению, эти многократно выбитые на камне линии аналогичны особым отметкам, которыми отмечались на бирках и дисках все действия и обряды на празднествах обских угров³⁷. Многие выбитые пятна или процарапанные штрихи на пегтымельских скалах вполне допустимо объяснять подобным же образом, как счетные знаки. Возможно, они фиксируют многократность использования того или иного изображения с ритуальной целью.

Несколько рисунков оленей и изображение ладьи, выбитые только по контуру широким желобком (см. рис. 6, 8; петр. 79, 16), свидетельствуют о существовании какой-то определенной, возможно, обусловленной обрядом технологической последовательности в создании изображений. Выбивка внутри контура производилась не сразу, и обе эти операции имели в обряде каждая, вероятно, свой смысл и значение.

Все это, конечно, очень фрагментарные и, к сожалению, во многом еще немые остатки тех сложных культовых и магических действий, свидетелями которых были пегтымельские скалы. Песни, сказания, театрализованные танцы в масках тотемных животных — все это теперь можно только вообразить, но вряд ли доказать, что все это происходило именно так, а не иначе. Несомненно одно: празднества у пегтымельских обрывов были сезонными, происходили весной и осенью. Не потому ли почти все петроглифы нанесены здесь на обращенных к югу, к солнцу плоскостях скалы? И не вследствие ли такой календарной приуроченности ритуала, связанного с петроглифами, к определенному положению солнца на небе солнечный круг включен даже в магическую сценку охоты на оленей вместе с человеческой фигурой, у которой молитвенно воздеты к нему руки (петр. 7)?

Только ли культовый и магический смысл у пегтымельских наскальных картин? Конечно, нет. В пегтымельском искусстве мы находим мощное реалистическое начало, и оно пробивается даже в позднейших, уже канонизированных магией схематических образах.

Взять хотя бы пегтымельские петроглифы, изображающие охоту на оленя. Это прекрасная иллюстрация к дошедшим до нас от XVII—XIX вв. многочисленным описаниям северной охоты на диких оленей на плавях, на их сезонных речных переправах. Вот описание охоты на Аню: «Когда он (табун оленей.— *Н. Д.*) опускается в воду и выплывает уже на середину реки, несколько веток (лодок.— *Н. Д.*) со скоростью стрелы бросаются на него, окружают и держат против воды; два или три человека, смотря на величие табуна, который бывает в 300 и 400 (я видел в 70), окружают его и колют маленькими копьями на длинном и тонком ратовье, меж тем другие, как женщины, так и дети, хватают уснувших (убитых.— *Н. Д.*) и вяжут на ремни, и кто что поймал, тот тем и владеет... Искусство их так велико, что они мелких колют до смерти (всегда в спинную кость), а у крупных оставляют токмо столько сил, чтобы ему доплыть до берегу»³⁸.

Художник рисовал вполне реальную сцену, живо схваченную им с натуры. И делал он это, вероятно, из разных побуждений. Одним из них могло быть стремление обеспечить успех в охоте обычным для первобытного общества магическим способом. Рисуя сраженного зверя, он надеялся, что тем вернее и успешнее будет сама предстоящая охота. И вожделенную добычу — дикого оленя — он высекает на скале большим и тучным, а лодочку с охотником — несоразмерно маленькими и схематическими. Человек в лодке обозначен просто одним штрихом. Олень же, добыча, показан в таких случаях очень реалистично и живо.

Выбитые на скалах силуэты оленей — это подчас настоящие, очень выразительные художественные произведения, очень верно передающие натуру.

Или обратимся к другому сюжету — к изображениям лодок с человеческими фигурами. От Скандинавии до дальневосточного Приморья встречаются наскальные рисунки не только обычных, но также и солнечных или погребальных ладей. Но нет надобности всякую лодку интерпретировать как солнечную или погребальную. На тех же Карельских скалах гораздо больше изображений обычных и реальных лодок с охотниками, чем лодок символических: солярных или погребальных.

Композиции с лодками, на которых сидят много гребцов, обнаруженные на пегтымельских скалах, изображают реальную охоту на морских животных. Быть может, и в них есть тот же магический смысл, что и в сценах охоты на оленя, может быть, и они с таким усердием выбивались на камне, чтобы обеспечить успех в охоте, но в них невозможно усмотреть что-либо космическое или потустороннее.

Мечта об обильной добыче определила общий смысл пегтымельского наскального искусства. Больше забить диких оленей, больше забить морского зверя — вот что вызвало к жизни это искусство. Независимо от того, высекались ли звери и сцены охоты на них с магической целью или просто из любви к искусству, как, вероятно, те изображения морских животных, на которых здесь на реке, конечно, не охотились.

В пегтымельских петроглифах образно отражено то, что более всего интересовало первобытного охотника. Это образное воспроизведение действительности было отражением той нерасчлененной формы общественного сознания, в которой слиты воедино и религиозные представления, и реальная действительность. В самом деле, в подавляющем большинстве высеченных на камне пегтымельских картин мы видим не только стремление магическим путем «овладеть» зверем, но и зоркость и наблюдательность охотника. Такое искусство, конечно, способствовало воспитанию объективного представления о мире.

В сущности, реально отражая действительность, пегтымельские петроглифы дают нам, как можно было уже неоднократно убедиться, массу новой, весьма ценной информации об историческом прошлом Чукотки, об этнографическом облике ее древнего населения.

Мы впервые увидели то, о чем раньше только предполагали или чего вовсе не знали. Стала бесспорной глубокая, восходящая по крайней мере к I тысячелетию до н. э. древность в заполярной Чукотке охоты на диких оленей весной на лыжах с собаками (петр. 104) и осенью на плаву как одного из основных видов хозяйственной деятельности.

Весенней порой, вероятно, практиковались и приемы так называемой искусственной поволоки, когда оленей загоняли на лед реки с помощью махавок, своего рода пугал, подобно тому, как это еще не-

давно делали на Таймыре нганасаны³⁹. Кроме махавок, подобных нганасанским, если они здесь вообще применялись, для загона оленей использовались собаки. Яркую сценку такого загона оленей с помощью собак мы видим на камне IV (см. рис. 12, петр. 4).

Мы впервые с достоверностью знаем теперь, как, с помощью каких именно лодок и оружия производилась осенняя охота на плаву. Для поволоки переплывающих реку оленей применялись обычно большие лодки, с большим количеством гребцов. Мы видим их на многих петроглифах (см. рис. 6, петр. 9, 13, 15, 16, 36, 40, 55, 58). Порой с них велась, видимо, и сама поволока оленей (см. рис. 13), но основное назначение этих многоместных лодок — не дать оленям уплыть вниз по течению реки.

Особо ответственную, решающую роль играли в поволоке маленькие юркие лодочки с двухлопастным веслом. Судя по тому, как они изображены на пегтымельских скалах, это большей частью самые настоящие каяки — совершенно водонепроницаемые обтянутые со всех сторон кожей лодки со специальным люком для гребца. Они двух основных разновидностей: с высоким острым носом, как у эскимосов-карибу (петр. 31, 37, 43, 59, 63, 66, 69, 76, 82, 87), или с одинаково низкими, но приостренными кормой и носом, как у гренландских эскимосов (петр. 67, 68, 72, 75, 77). Имеются и промежуточные типы (петр. 5, 15, 16, 17, 49, 53, 55, 68, 91, 104), а также — с острым носом и тупой кормой (петр. 25, 26, 53, 59, 95), близкие чукотско-эскимосским менее совершенных форм каякам.

Новым для столь древнего времени является факт какого-то особого выделения двухлопастного весла в некоторых композициях, особое подчеркивание его роли в охоте. В этом едва ли нельзя не увидеть тоже очень древние местные истоки известного по этнографическим данным культа весла (правда, однолопастного, байдарного) у чукчей и эскимосов.

Не является вполне неожиданным, но теперь об этом можно предполагать с большей определенностью, употребление на поволоке оленей каких-то гарпунов, вероятно, даже поворотных, вроде обнаруженного нами в 1959 г. в могиле древнего охотника на оленей возле Усть-Белой в центре Чукотки⁴⁰. В подавляющем большинстве канонических композиций оружие, которым охотник поразил оленя, изображено не прямой чертой, а кривой линией, в виде плавной дуги. Вернее всего, так можно нарисовать не копые или рогатину с их прямым древком, а именно ремень (линь) от уже вонзившегося в тело животного гарпуна.

Более глубокой древности, чем прежде считалось, оказалась и морская охота.

В наиболее древних сценах охоты на китов, нерп, белух и других морских животных изображены большие лодки с высокими носами, иногда украшенными головами животных, и с большим количеством гребцов (петр. 12, 15, 27, 78). Изображения таких лодок неоднократно

встречаются, как мы выше сказали, также и в сценах охоты на оленьих плавях. В остальных же сценах морской охоты мы всюду видим уже совсем другие, очевидно, более поздние лодки. В них легко узнаются типично чукотско-эскимосские многоместные кожаные байдары. В большинстве из них сидит по 8 человек, что соответствует количеству охотников в полностью укомплектованной чукотско-эскимосской байдарной артели ⁴¹.

Если на камне V (петр. 58) изображен крылатый предмет (рис. 30), — а это, скорее всего, так и есть, — то он впервые увиден теперь так, как он применялся: на конце древка в качестве своеобразной головки поворотного гарпуна.

Среди петгымельских петроглифов мы находим также рисунки и других орудий труда: мотыги, молота, каменного ножа и тесла на длинной рукоятке (петр. 32). Особенно интересен рисунок глиняного сосуда высокой баночной формы, украшенного поясным орнаментом (рис. 39, петр. 49), — уникальный документ чисто бытового характера и вместе с тем, вероятно, ритуальный символ женского труда. В этой связи небезынтересно, что в прошлом у эвенов семейный котел — к тому же и первый помощник всех волшебниц ⁴².

Есть много и таких сюжетов, из которых еще полностью не извлечена вся возможная информация и которые являются, очевидно, перспективными для дальнейшего изучения.

Это прежде всего петроглиф, изображающий человека, который одной рукой поднял над головой какое-то большое животное или человека (рис. 41, петр. 13). Быть может, это охотник несет убитого зверя, например оленя, или же это иллюстрация к старому преданию оленьих эскимосов о сверхъестественных женщинах, которые в челноках и лодках охотятся за китами, а супруга носят на плече ⁴³.

Затем это перевернутые изображения оленей и медведей (вверх ногами или хвостовой частью вниз), вероятно, связанные с какими-то еще не вполне понятными магическими действиями, означающие, возможно, убитых, тонущих животных (петр. 31, 43, 50, 84). Среди этих перевернутых фигурок изредка встречаются и человеческие (петр. 98).

Вероятно, это также и изображения, напоминающие овцебыка или бизона (петр. 44) и лебедя (петр. 37, наверху слева), — сюжеты, которые могли бы оказаться интересными не только для палеозоологов.

И, конечно, это антропоморфные грибы различных видов. Этот многократно повторенный сюжет не поддается пока однозначной интерпретации.

Допустим, что на скалах изображены неядовитые грибы; тогда можно предположить, что они выбиты охотниками с магической целью: ради возрождения и размножения этого величайшего лакомства оленей и в конечном счете для привлечения последних. В таком случае в некоторых петроглифах можно признать совершенно новое в первобытном пантеоне божество, чаще богиню, владычицу, вероятно, покровительницу и хранительницу оленей ⁴⁴. Ее облик странен и необычен

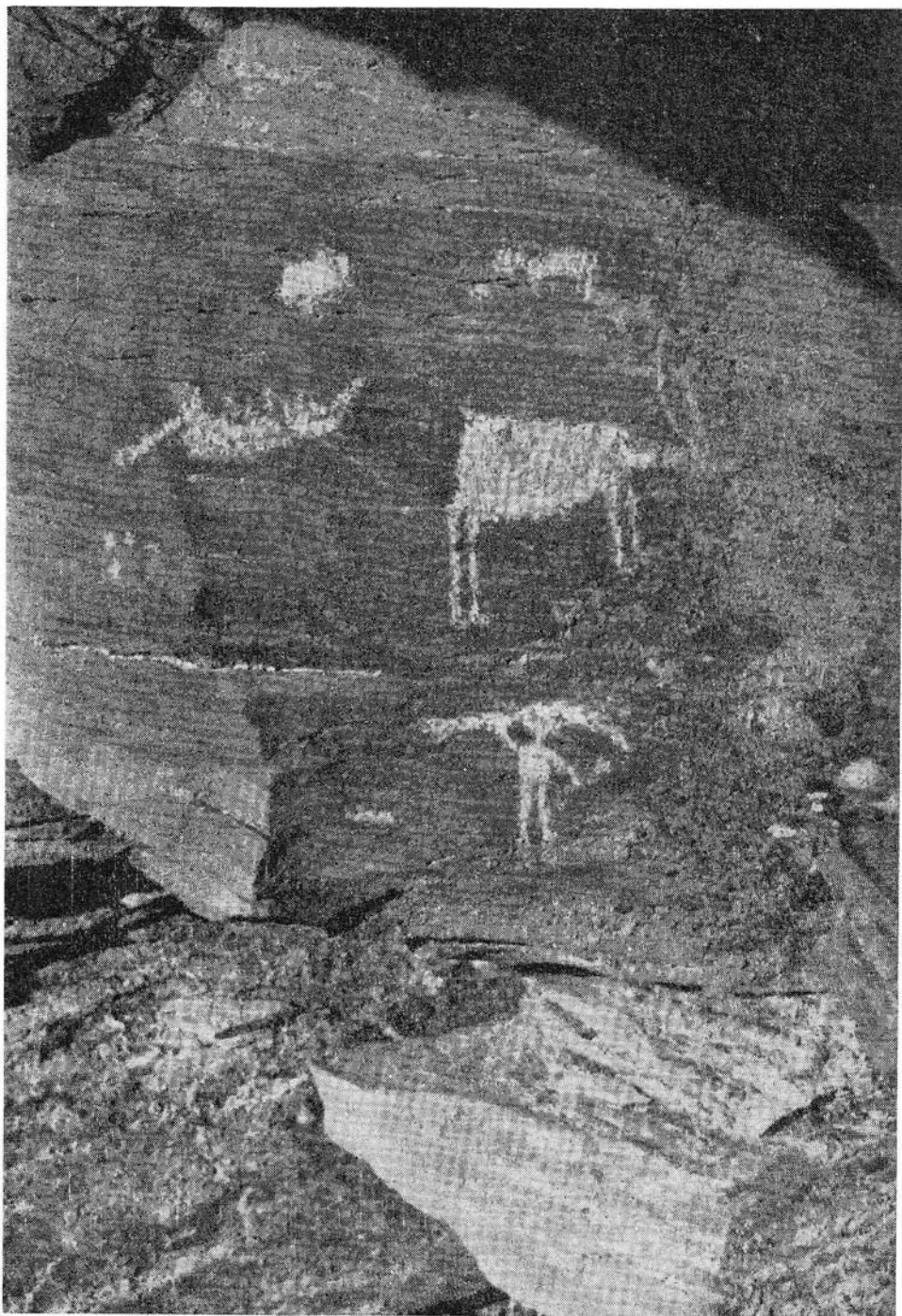

Рис. 41. Петроглиф 13 на камне II

Рис. 42. Человекоподобные мухоморы и байдара (петр. 78)

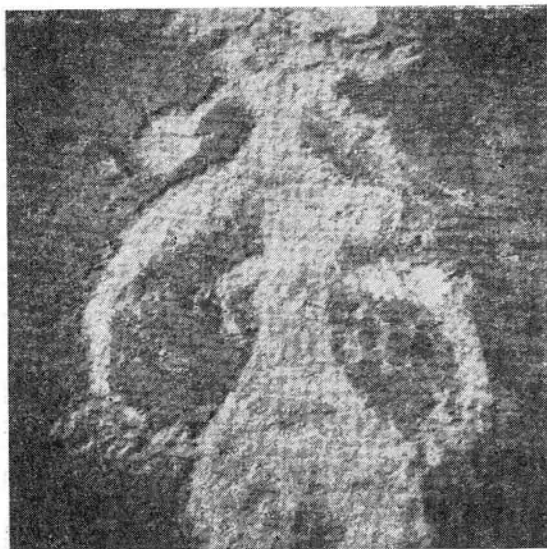

Рис. 43. Фрагмент изображения женщины-мухомора (петр. 14, камень III)

(рис. 42, 43). Кварцевым резцом художника водит явное стремление выразить какой-то высший идеал; с реалистической, можно сказать этнографической, достоверностью он стремится изобразить ее прическу, косы (рис. 43), иногда одевает ее в меховой комбинезон-керкер (см. рис. 24, петр. 65, 79) и всегда высекает чудовищно огромный гриб над ее головой. Художник не впадает в излишнюю детализацию, стремится решить фигуру изящно и лаконично. Когда это ему удается (как, например, на камнях III и IX — см. петр. 14 и 78), получается очень выразительный и впечатляющий силуэтный образ. И невольно возникает вопрос: не это ли та самая Мать диких оленей, Мать-Земля, культ которой так широко был распространен у циркумполярных охотников на дикого оленя? ⁴⁵ Или это какая-нибудь другая владычица из северной мифологии?

Однако, по мнению известного советского миколога Б. В. Василькова, среди наших петроглифов нет определенно оленьих грибов (подберезовиков) и хорошо опознаются, как выше мы уже отметили, только мухоморы. Поэтому более вероятно несколько иное их объяснение.

Давно замечено, что пьяные у первобытных народов воспринимаются как прорицатели ⁴⁶ и что всякого рода прорицатели и шаманы использовали для приведения себя в состояние «профессионального» опьянения и искусственного психоза самые различные психохимические средства, обычно растительные источники атропина, в том числе и ядовитые грибы. Далее мы приводим сведения по этому вопросу из книги советского психиатра В. Л. Леви. Под влиянием белладонны, пишет он, пророчествовали дельфийские пифии, а «трава дьявола» — дурман и белена — была излюбленной травой колдунов в средние века. Первые курильщики табака — индейцы были заядлыми любителями «божественного пейотля» — извлекаемого из кактуса сильного галлюциногенного снадобья, содержащего мескалин и вызывающего состояние опьянения с причудливыми видениями ⁴⁷. А у потомков индейцев майя венгерским этнографом С. Борхеги недавно установлено наличие древнего культа галлюциногенных древесных грибов, наделенных активным, вызывающим искусственные психозы веществом — псилоцибином ⁴⁸. От самих майя, как отмечали мы выше, осталось большое количество каменных изображений этих или подобных им грибов (рис. 22, 23), а также тексты, в которых упоминаются таинственные «холом окош» (шляпка ритуального гриба, в которой содержатся эти вещества) ⁴⁹. Наконец, небезынтересно, что галлюциногенные грибы, причем, вероятно, именно красные мухоморы, были в ходу у викингов, правда, для несколько иной цели. Обьевшись ими, обезумевшие рыцари-«берсерки» бросались в битву голой грудью («берсерк» — голая грудь), не различая порой в слепой одержимости своих от врагов ⁵⁰.

Итак, мы видим, что в использовании галлюциногенных средств, в частности ядовитых грибов, обитатели Чукотки не были исключением. Их пегтымельские предки, как и современные северные народы, конечно, не ели никаких съедобных грибов, а в некоторых ядовитых

разновидностях, прежде всего в мухоморе, видели, вероятно, опьяняющее, наркотическое средство. Эта грибная «психохимия» служила им, скорее всего, для шаманских действий, для установления «непосредственного» контакта с духами. И вполне возможно, что наскальные изображения мухоморов выбивались с магической целью, чтобы вызвать обильный урожай мухоморов в тундре.

Как бы то ни было, все эти пляшущие фигурки людей-мухоморов свидетельствуют, очевидно, о весьма глубоких истоках шаманизма на северо-востоке Сибири. Известно, что от жевания мухомора человек становится на несколько дней просто сумасшедшим и начинает галлюцинировать. Чем не состояние шаманского экстаза, достигаемое обычно исступленным шаманским камланием, изнурительным битьем в бубен? Изображения этого неперемennого шаманского атрибута — бубна или трещотки — можно заметить в руках некоторых пляшущих человечков (петр. 46, 82) — еще одно свидетельство возможной древности шаманизма на Чукотке. И не только на Чукотке. Теперь совсем по-другому можно взглянуть на некоторые загадочные изображения, встречаемые в других областях Сибири, Дальнего Востока и на севере Европы. В качестве антропоморфных мухоморов можно теперь интерпретировать, например, статуэтку человека «с головой, напоминающей две обращенные в разные стороны птичьи головы» (а попросту — с грибной шляпкой вместо головы), развитого неолита Приладожья и, возможно, некоторые антропоморфные фигуры с так называемыми «лунарными» или «солярными» знаками на онежских петроглифах, одна из которых очень похожа на пегтымельские антропоморфно-грибовидные изображения⁵¹.

Разумеется, наделенные сверхъестественными свойствами мухоморы должны были играть большую роль в мифологии. Некоторые пегтымельские петроглифы, очевидно, запечатлели забытые теперь мифы (вроде упомянутого выше мифа о племени мухоморов, записанного В. Г. Богоразом у чукчей), где и мухоморы — одни из главных персонажей.

Итак, пегтымельское искусство, изумительное и резко своеобразное, безусловно, достойно внимания исследователей. Оно открыто в чукотской тундре впервые и охватывает в своем развитии много столетий. Мы убеждаемся, что творчество древних художников прошло здесь длительный путь от полнокровного и живого реализма ко все более схематизированным канонам. В конце концов на скалах начали появляться граффити — резные линейные очень схематичные рисунки, и в развитии петроглифов наступил перелом, связанный, очевидно, с появлением на Пегтымеле первых оленеводов.

Пришел ли это новый народ и если да, то кого он сменил на Пегтымеле — вот те последние вопросы, которые нам остается теперь рассмотреть.

Проблема этнической принадлежности петроглифов Пегтымеля

Не так-то просто решить эту весьма сложную, но необходимую и увлекательную проблему.

Долина Пегтымеля издавна входила в зону контактов разных этносов. Об обитавших здесь в прошлом эскимосах дошли отрывочные сведения от путешественников XVIII—XIX вв. Участник экспедиции И. Биллингса (1787—1793 гг.) доктор К. Мерк сообщает о распространении вплоть до мыса Шелагского уэленского диалекта эскимосского языка⁵², а капитан Шишмарев — об употреблении там костяных лабреток, своеобразных эскимосских украшений, продаваемых в отверстия щек и губы⁵³.

В загадочных шелагах (по имени которых назван Шелагский мыс западнее устья р. Пегтымель) по отрывочным сведениям начала XVIII в. некоторые исследователи видят юкагирское племя оленеводов-чуванцев (чувандзи). Основанием этому служит то, что колымские юкагиры называли последних «шолилау» (отсюда русифицированное «шелаги»), анадырские же чукчи — «чаванами» (чему соответствует название Чаунской губы)⁵⁴.

Оседлыми обитателями морского побережья в районе устья р. Пегтымель в XVII в., вероятно, были чукчи. Однако определение их границы с юкагирами до сих пор является дискуссионным. По И. С. Вдовину, она проходила по р. Чаун⁵⁵, согласно Б. О. Долгих и И. С. Гурвичу — по р. Пегтымель, т. е. значительно восточнее⁵⁶. Заслуживающим внимания представляется мнение И. С. Гурвича, полагающего, что чукчи (изредка и коряки) глубоко проникали в XVII в. на территорию расселения юкагиров между р. Пегтымель и р. Чаун и, таким образом, там с ними сосуществовали⁵⁷.

Итак, из тех народностей, которые в прошлом могли обитать в районе Пегтымеля, нам известны по крайней мере три: эскимосы, юкагиры и чукчи.

Небезынтересно произвести своего рода «примерку» наших петроглифов к каждому из этих этносов, посмотреть, к какому из них

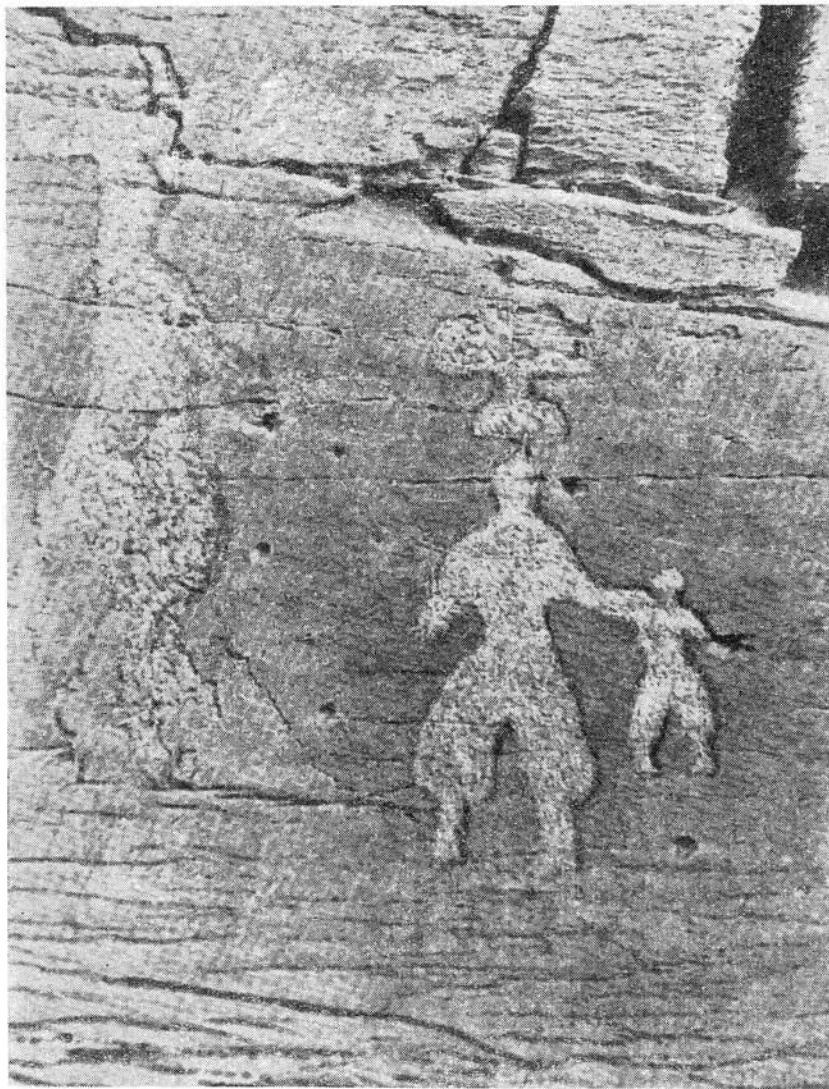
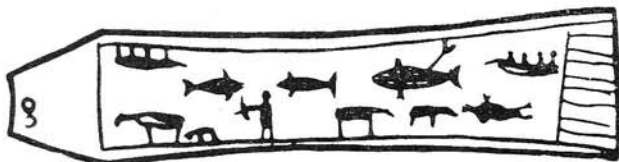

Рис. 44. Антропоморфные фигуры в керкерах (петр. 79, камень IX)

петроглифы подойдут больше в этнографическом отношении по стилю и содержанию.

Меньше всего общего у силуэтных петроглифов Пегтымеля с юкагирами, которые к приходу в XVII в. на Чукотку русских распространились со стороны Якутии и бассейна р. Анадырь вплоть до Чаунской губы, т. е. весьма близко к р. Пегтымель или даже до нее самой.

Рис. 45. Эскимосская гравировка на кости периода Туле (по де Лагуне)

Изображения мухоморов, в частности прическа в виде двух кос у женщин-мухоморов, рисунки челноков или каяков еще можно было бы интерпретировать как юкагирские. Противоречит же этой интерпретации наличие среди петроглифов сцен охоты на морского зверя и изображение керкера — совсем чуждой для современных юкагириров одежды в виде мехового комбинезона — на некоторых из женщин-мухоморов (рис. 44, петр. 65, 79). К тому же среди петроглифов нет ни одного имеющего отношение к культу лосося — наиболее характерной черте юкагирской духовной культуры. Это тем более странно, что лоси водились здесь до середины XIX в.

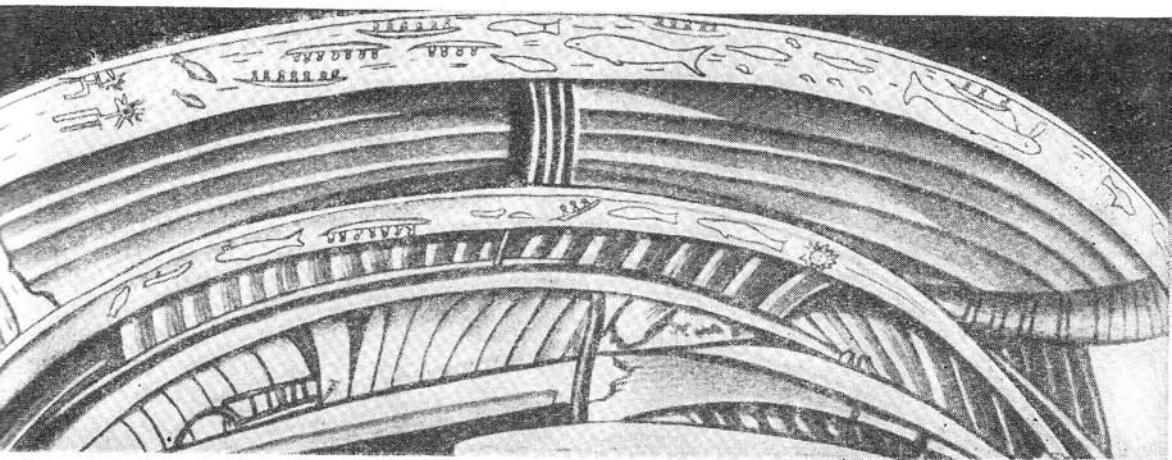

Рис. 46. Рисунки на стропилах (нитовых ребрах) в чукотской землянке XVIII в. (рисунок участника экспедиции Мерка — Луки Воронина)

Зато весьма много общего у пегтымельских петроглифов по стилю и содержанию с чукотским и эскимосским изобразительным искусством последних столетий, особенно с костерезным. Знаток искусства сибирских народов С. В. Иванов пишет, что «чукотские и эскимосские рисунки и изображения, гравированные на кости, настолько сходны, что нет никаких оснований рассматривать их по каждому народу отдельно»⁵⁸.

И силуэтность наших петроглифов явно перекликается с силуэтно-стью, заштрихованностью как эскимосских, так и чукотских изображений на кости, а у чукчей — и на коже⁵⁹. Наивно-реалистическая их трактовка тоже близка. Близкие силуэтным петроглифам мотивы — сценки охоты на оленей и морских зверей — находим мы на культовых веслах и байдарных скамейках, на праздничных дощечках или луках и стрелах как чукчей, так и эскимосов (рис. 45)⁶⁰. Доктор Мерк видел такие рисунки на китовых ребрах — стропилах чукотской землянки XVIII в. (рис. 46), советский этнограф и языковед Е. С. Рубцова сообщает об украшении ими больших зимних домов у эскимосов села Чаплино лет сто назад⁶¹. И татуировка лица человеческими фигурками, сходными с фигурками пегтымельских скал, одинаково присуща и чукчам, и азиатским эскимосам⁶².

Очевидно, прав И. С. Вдовин, выделяя обширный комплекс общих элементов культуры, духовной и материальной, у этих двух соседних народов, один из которых, эскимосы, был ассимилирован пришедшими на берег моря чукчами, воспринявшими в свою очередь много эскимосского в хозяйстве и культуре⁶³. Многие элементы пегтымельских наскальных рисунков мы можем соотнести именно только с чукотско-эскимосской хозяйственно-культурной общностью в целом, а не с каким-нибудь из этих народов конкретно. К таким элементам относятся охота на морских животных с байдары, в которой находится обычно восемь охотников, культ косатки (петр. 33, 60), культ ворона (петр. 87), упомянутые выше керкеры — типично чукотско-эскимосская одежда (рис. 35, петр. 79).

Однако очень специфический и существенный сюжет пегтымельских петроглифов является определенно чукотским, а не эскимосским признаком — это многочисленные и подчас явно канонизированные человекоподобные изображения мухоморов. Здесь мы находим опору у В. Г. Богораза, в его красочном и подробном (приведенном нами выше, см. стр. 25) рассказе о специфически чукотских представлениях, связанных с этим редким, но все же встречающимся у Полярного океана ярко-красным грибом «вапаком». Именно в чукотском, а не эскимосском языке есть особые названия для различных стадий развития мухомора («вапак»): «кылик» — только что показавшийся мухомор, «рыратыльын» — ставший плоским, «какынтон» — потрескавшийся мухомор⁶⁴. Несомненно, за этой терминологической дифференцированностью названия одного и того же гриба кроется его важная роль в жизни чукчей в прошлом.

Имеются в пегтымельских силуэтных рисунках и чисто эскимосские признаки.

Это изображения каяков, пожалуй, преимущественно все-таки эскимосских, а не каких-либо других. У них часто подчеркнуты точно такие же, как у каяков эскимосов-карибу, круто загнутые вверх высокоостроконечные носы (петр. 43, 53, 76, 82)⁶⁵ или же одинаково остроконечные, но умеренно приподнятые корма и нос, как у каяков гренландских эскимосов (петр. 67, 72)⁶⁶. У американских эскимосов-карибу мы находим чрезвычайно интересный рисунок, не силуэтный, а линейный, изображающий охоту на плывущего оленя-карибу копьем или гарпуном с каяка, и последний нарисован одной кривой чертой

Рис. 47. Охота на плывущего оленя. Рисунок эскимосов-карибу (по Биркет-Смиту)

с характерным приподнятым носом, т. е. почти точно так же, как и на пегтымельских скалах (рис. 47)⁶⁷.

Правда, встречаются на Кайкуульском обрыве рисунки и других каяков — с прямо срезанной кормой (петр. 15, 25, 59, 95), больше похожих, вероятно, на чукотские, по крайней мере если судить о них по чукотским рисункам на коже⁶⁸.

«Крылатый предмет», изображение которого можно усмотреть на камне V (петр. 58, рис. 30), следует считать исключительно древнеэскимосским признаком.

Что же касается выбитых на Пегтымеле больших многоместных лодок с высоким носом, то ближайшей аналогией им оказываются байдары алеутов, родственных эскимосам по языку и, следовательно, по происхождению⁶⁹. Те и другие в прошлом имели, вероятно, еще более сходную, чем ныне, культуру.

Таким образом, среди доступного нам материала больше связей с пегтымельским искусством мы находим все-таки у предков эскимосов или у тех, кого мы предполагаем их предками.

В древнеэскимосском искусстве кроме сходных с некоторыми пегтымельскими изображениями каменных фигурок людей и зверей⁷⁰ встречается довольно большое количество костяных женских статуэток, очевидно, если не прямо, то косвенно, через основную идею, через подразумеваемую в них роль женщины в магии связанных с женскими образами Пегтымеля. Статуэтки эти выкопаны нами из древнеберингоморских могил на мысе Чини на Чукотке. Известны они и в американской эскимосской культуре Туле. Интересно, что у некоторых ста-

туэток прическа несколько иная, чем у эскимосов: не две косы, а волосы (если только это волосы) собраны наверху (рис. 48, 1) ⁷¹. Подобных причесок нет ни у одной из женских фигурок, изображенных на пегтымельских скалах. У некоторых же статуэток то, что мы условно назвали прической, очень напоминает гриб (рис. 48, 2) ⁷².

Также и эскимосские гравировки по кости периода Туле (II тысячелетие н. э., до XVII в.) некоторыми изображениями оленей и водоплавающих птиц напоминают наскальные силуэты Пегтymeля. Однако часто они не силуэтные, а просто линейные, а манера изображения людей как будто бы несколько иная, более свободная, динамическая ⁷³.

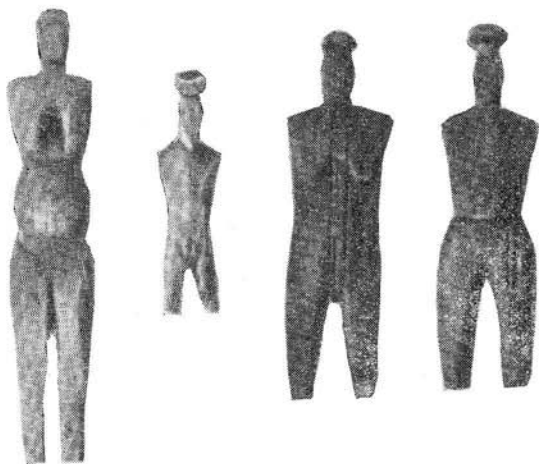

Рис. 48. Эскимосские статуэтки периода Туле (по Маттиассену)

Впрочем, было бы странно ожидать абсолютного тождества в стиле изображений, выполненных в столь различном материале.

Итак, все наши сравнения до сих пор говорят о том, что вряд ли можно относить пегтымельские петроглифы к предкам какого-то одного из ныне обитающих на Чукотке аборигенных народов: чукчей, эскимосов или тем более юкагиров.

Если реалистические изображения (канон I) действительно самые древние и оставлены охотниками на дикого оленя, не занимающимися еще морским промыслом, эти изображения могут быть отнесены к изначальной хозяйственно-культурной фазе перечисленных народностей.

Для основной массы силуэтных петроглифов, т. е. для петроглифов, связанных с канонами II—V, этнический признак первого порядка — хозяйственно-культурный тип — можно определить с большей уверенностью ⁷⁴. Он характеризуется сочетанием охоты на диких оленей с промыслом морских животных и соответствует древней фазе развития хозяйства эскимосов ⁷⁵, а также образу жизни приморских чукчей.

Когда же мы пытаемся по этим силуэтным рисункам определить этнические признаки второго порядка, то сталкиваемся с непонятным на первый взгляд противоречием: некоторые петроглифические сюжеты (крылатый предмет, каяки с высоким носом и др.) типичны для эскимосов, употребление же мухоморов на северо-востоке Сибири особенно характерно для чукчей, коряков, юкагиров и ительменов⁷⁶. Таким образом, признаки второго порядка, которые могли бы послужить более конкретному определению этноса, казалось бы, этнически несовместимы, так как принадлежат к совершенно различным в языковом отношении этническим общностям (преимущественно к чукотско-корякской и эскимосско-алеутской).

Однако нас не должно особенно удивлять отсутствие в пегтымельских петроглифах полного этнографического соответствия какому-то одному из современных народов Чукотки. Время этих наскальных рисунков отдалено от нас даже не сотнями, а более чем тысячу лет, между тем как этническая история северо-восточной Сибири даже в последние 200—300 лет характеризуется большой изменчивостью⁷⁷. Поэтому прямой экстраполяции в столь далекое прошлое данных о расселении и этнографии народностей в XVII в. нельзя, разумеется, решить интересующую нас проблему.

Обнаруживаемое в петроглифах, казалось бы, несовместимое сочетание этнических признаков — это реальный исторический факт, и его противоречивость должна найти объяснение в диалектике этнического развития.

Иными словами, проблему этнической принадлежности пегтымельских наскальных рисунков надо решать, исходя из конкретной исторической картины развития и распространения древних культур в рассматриваемом районе Чукотки.

Считается общепризнанным, что в древности предки эскимосов обитали по северному побережью Чукотки вплоть до Баранова мыса и Медвежьих островов вблизи устья р. Колымы⁷⁸. Древние становища в этих местах (в том числе ближайšie к р. Пегтымель на острове Шалаурова) и обнаруженные в них вещи относятся к I тысячелетию н. э. и отличаются эскимондными чертами. Судя по остаткам поворотных гарпунов, установлено, что они принадлежат к поздней древнеберингоморской и бирнирской культурам⁷⁹. В относительной близости к этому району, в Ванкареме, автору удалось в 1963 г. обнаружить в культурном слое даже типичный древнеберингоморский «крылатый предмет»⁸⁰.

Судя по последним нашим раскопкам, этой эскимондной приморской культуре на Чукотке предшествовала внутриконтинентальная культура охотников на дикого оленя и рыболовов. В ее каменном инвентаре очень много вещей, сходных с древнеберингоморскими: разнообразные плоские треугольные тщательно ретушированные наконечники стрел, концевые скребки, тесла. А в Усть-Бельском могильнике оказался даже очень архаичный наконечник поворотного гарпуна и виль-

чатые костяные держатели плоских каменных наконечников стрел, украшенные простейшим узором оквикского древнеэскимосского стиля⁸¹. Весьма вероятно поэтому наличие каких-то генетических связей между континентальной поздненеолитической культурой конца II — начала I тысячелетия до н. э. и приморской культурой начала I тысячелетия н. э.

Эти генетические связи как будто бы подтверждаются и скудными пока антропологическими данными. Существует мнение, что череп, найденный в Усть-Бельском могильнике, в частности его зубы, обладает многими древнеберингоморскими признаками, характерными для недифференцированного протоарктического и протоюкагирского антропологического типа⁸². Правда, этот же усть-бельский череп обладает и такими чертами, которые были признаны проточукотскими. Отмечалось, в частности, что по сочетанию признаков байкальского и арктического типов (кроме вертикальной профилировки) он наиболее близок оленым чукчам⁸³. Однако именно такое сочетание признаков объясняется антропологами как проявление изначальной неспециализированности и нейтральности арктического типа черепов из наиболее древних эскимосских могильников⁸⁴.

Рассмотренные выше археологические и антропологические факты свидетельствуют о большой древности протоэскимосского этнического субстрата на Чукотке, в частности в районе пегтымельских петроглифов, что и нашло в них свое отражение.

Наличие же в пегтымельских наскальных изображениях также и чукотского этнического компонента (мухоморы и др.), а также нерасчленяемых чукотско-эскимосских элементов (керкеры и др.) приводит нас к выводу, что пегтымельское наскальное искусство в значительной части принадлежит предкам чукчей, ассимилировавшим протоэскимосов, а потом, к середине I тысячелетия н. э., испытавшим влияние приморских эскимосов — древнеберингоморцев и бирниркцев.

Наиболее поздние рисунки — граффити — принадлежат, вероятно, чукчам-оленоводам.

Интересно, что данные топонимики (пока еще, к сожалению, недостаточно разработанные) не противоречат нашей гипотезе об этнической принадлежности пегтымельских петроглифов. Хотя большинство названий к северу от р. Малый Ануй чукотские, последние являются, вероятно, все же относительно поздними, налегающими на более древнюю, отчасти, возможно, эскимосскую топонимику⁸⁵. Есть основания считать, что часть из них относится уже к олениводческому периоду. Само название р. Пегтымель, например, на чукотском языке может означать: река, где «сломались полозья»⁸⁶, или еще более определенно — «сломал нарту»⁸⁷. Между тем у охотников на дикого оленя до олениводческой поры основным средством передвижения была лодка и вряд ли были нарты, а следовательно, и слова «полозья», «нарта». Так назвать реку могли только чукчи-олениводы, а с ними мы можем связать только самые поздние рисунки Пегтымеля — граффити. Что же

касается более древнего названия р. Пегтымель — «Веркон» (или «Веркунь») ⁸⁸, то в основе оно содержит чукотское «верка» (веркавер) ⁸⁹ и эскимосское «вирка» ⁹⁰. Оба эти слова почти одинаково звучат и означают снежный «заструг»; это название передает ту же выраженную названием «Пегтымель» особенность реки. Зимой на этой реке, очевидно, о заструги часто ломались нарты. Интересно при этом, что эскимосское «вирка» относится к древнейшему эскимосскому диалекту — сиреникскому. Нет сомнения, что дальнейшее исследование топонимики северо-западной Чукотки, так же, как и ее археологии и антропологии, позволит решить проблему этнической принадлежности пегтымельских петроглифов еще более определенно.

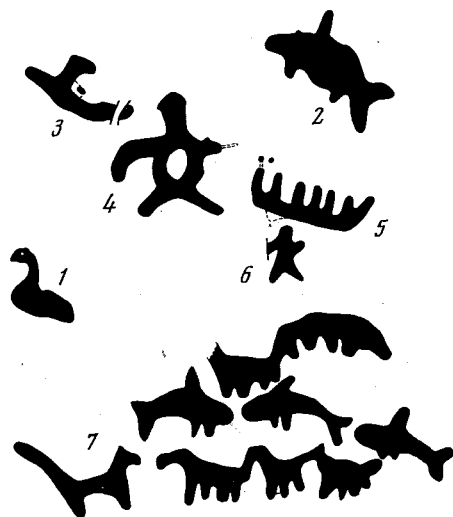

Рис. 49. Писаницы в заливе Кука на Аляске (по де Лагуне)

А теперь несколько слов о других наскальных рисунках, наиболее близких пегтымельским петроглифам в этническом отношении.

Давно уже известны наскальные изображения, открытые на берегу залива Кука, на юго-западе Аляски де Лагуной. Правда, они не выбиты, а нарисованы по камню минеральной краской, но именно они дают наиболее полное сходство с пегтымельскими силуэтами морских животных, байдар, каяков, птиц и некоторых человекоподобных фигур (см. рис. 49) ⁹¹. Особенно близких им по стилю «человечков» (см. рис. 6) и изображение женщины в профиль (см. рис. 33, слева) нашли мы в 1968 г. на камнях XI (петр. 97, 98) и IX (петр. 79). Полное отсутствие среди писаниц юго-западной Аляски сюжетов оленьей охоты является менее существенной чертой отличия от пегтымельских петроглифов, чем перечисленные выше признаки сходства. Аляскинские писаницы находятся непосредственно у моря, и это в значительной мере

предопределило их одностороннюю сюжетную направленность. Вопреки распространенному мнению они, вероятно, не эскимосские, а алеутские (на голове сидящего в каяке человека ясно видна типично алеутская деревянная шапка с длинным козырьком от забрызгивания волной (рис. 49, 3).

К сожалению, писаницы залива Кука пока не датированы. Судя по их специализированной морской тематике, они, возможно, значительно позднее пегтымельских.

В другом направлении от р. Пегтымель, к западу и юго-западу, простирается еще очень мало исследованная область выбитых на скалах петроглифов. Они замечены на серых песчаниках в северной Якутии, в бассейне средней Колымы и на Омолоне. Судя по скудным описаниям, они несколько отличаются своим содержанием от пегтымельских, хотя и сходны с последними по технике исполнения. Среди них нет ни одной сценки охоты на морских зверей, и это вполне естественно, так как эти петроглифы расположены очень далеко от моря. Основной их сюжет: человек, вооруженный луком и стрелой, охотится на лося, оленя или белку. Наиболее интересными и вместе с тем наиболее сходными с пегтымельскими являются наскальные изображения на притоке Омолона — речке Хунханде: за безрогим оленем бежит собака с высунутым языком, а за нею человек на лыжах с луком и стрелой⁹².

Названными петроглифами, вероятно, отмечен особый этнический пласт, территориально отчасти совпадающий с областью расселения юкагиров в XVII в. Похоже, что пегтымельские петроглифы имеют с ним общий палеоазиатский источник происхождения. Рисунок сосуда с поясным, типично палеоазиатским орнаментом (рис. 39, петр. 49) и все другие отмеченные нами выше в общем тоже палеоазиатские палеозтнографические черты пегтымельских петроглифов вполне соответствуют такому допущению.

Выделение широкой палеоазиатской территориальной группы петроглифов на северо-востоке Сибири вполне оправданно, хотя и требует дальнейшего уточнения и подкрепления новыми материалами.

Далее на юг и юго-запад, начиная с рек Май и Олекмы, простирается область уже совсем иных, исполненных красной охрой писаниц и, надо думать, совсем иной этнический мир.

Нам пришлось убедиться, что в наши дни никто на Чукотке уже не помнит о пегтымельских и других рисунках на скалах. Они наивно забыты.

Тем интереснее, что в горах южной Мексики и Гватемалы еще и поныне бытует таинственный культ галлюциногенных грибов, восходящий к цивилизации древних майя, к тем каменным грибам, о которых мы говорили выше.

Вэссоном и Борхеги было доказано, что каменные грибы майя, по-настоящему похожие на пегтымельские, относятся еще к I тысячелетию до н. э. Эти исследователи полагают также, что у майя могли

быть и еще более древние изображения грибов — деревянные, которые до наших дней попросту не сохранились⁹³.

В таком случае напрашивается вопрос: а не связаны ли центральноамериканские культовые изображения грибов с пегтымельскими не только хронологически, но и генетически? Нет ли у них какого-нибудь общего источника? Может быть, они представляют собой пережиточные отголоски какой-то забытой древней культуры, простиравшей свое влияние и на Чукотку, и в Америку? Тем более, что там и тут мы обнаруживаем порой совершенно неожиданно общие стилистические приемы в наскальном искусстве, например стилизацию растопыренных оленьих копыт наподобие «гусиных лап»⁹⁴.

До сих пор отмечались обычно связи между древними эскимосскими культурами и азиатским Дальним Востоком, с народами Амура, Советского Приморья, Японских островов⁹⁵. Но почти совсем не обращается внимания на древние связи Чукотки и арктической Америки с южными областями Северной Америки и с Центральной Америкой. Возможно, эти связи были действительно значительно слабее азиатских, но вряд ли правильно отрицать их вовсе. Наличие пегтымельского ритуального микрофильства и центральноамериканского вполне позволяет ставить вопрос о генетических или контактных связях между ними.

Наскальное искусство Сибири исследуется уже давно и плодотворно. Вышло большое количество книг и статей о петроглифах и писаницах Енисея, Ангары, Лены, Амура. Постепенно разрастается своего рода энциклопедия сибирского наскального изобразительного творчества. Уже вырисовываются целые большие области и мощные очаги совершенно своеобразного, по-своему неповторимого искусства — в сибирской тайге, в степном Забайкалье, на Амуре⁹⁶.

И вот последнее открытие — еще одно в высшей степени самобытное ответвление сибирского искусства, самые северные в Азии наскальные рисунки Пегтымея, несомненно, еще один мощный очаг древнего искусства Сибири, на этот раз в заполярной тундре, на Чукотке.

Проходя вдоль пегтымельского обрыва (умозрительно путь можно совершить, обратясь к описанию всех петроглифов в конце книги), нельзя не заметить, насколько важным центром общественной, художественной и религиозной жизни древнего населения был он на протяжении очень длительного времени. От скалы к скале мы видим вместе с тем, как менялись стиль и сам дух искусства. На центральном, наиболее эффектном камне IV лучшее место заняли удивительно реалистические этюды с живой натуры. Более поздние, скованные утилитарными магическими канонами, подчас совсем схематические рисунки расположены преимущественно на крайних периферийных камнях. Более поздние изобразительные каноны можно заметить чаще только в стороне, на камнях V, VII, VIII, X. История, ход времени приобретают, таким образом, как бы пространственное выражение.

Анализ содержания рисунков позволяет довольно наглядно представить картину древней жизни; виды хозяйственной деятельности, может быть, даже ход заселения этой окраинной азиатской территории на стыке с Америкой в неолите и позже, в какой-то мере и этническую принадлежность тех, от кого остались петроглифы.

Словом, исследованные в 1967—1968 гг. пегтымельские петроглифы имеют чрезвычайно большое значение как исторический источник. Вместе с тем они представляют собой ценный источник для изучения всемирной истории искусства, ярко демонстрируют неповторимо самобытный творческий вклад в нее живущих у полярного моря «гиперборцев».

Приложение

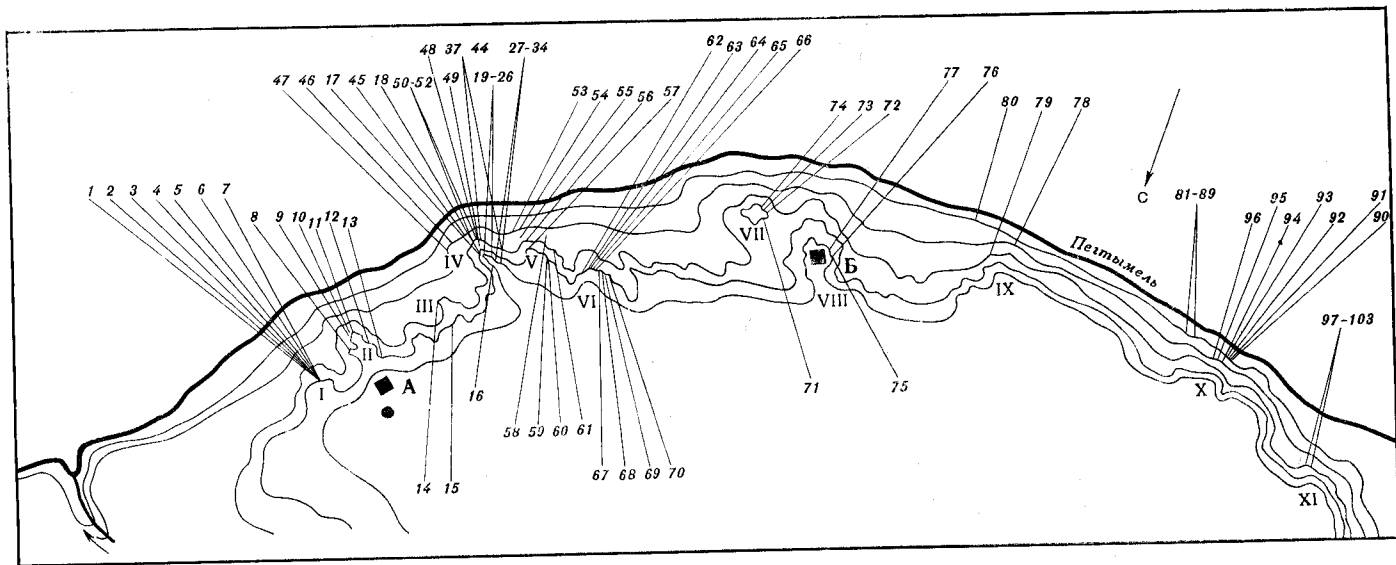

Рис. 50. Схема расположения петроглифов Кайкуульского обрыва
А -- раскоп первой стоянки и погребение; **Б** — раскоп второй стоянки

Пегтымельские наскальные изображения

Петроглифы Кайкуульского обрыва

Описание петроглифов дается в порядке их расположения на одиннадцати скалистых уступах обрыва («камнях») сверху вниз по течению р. Пегтымель (см. рис. 50). Нумерация публикуемых в конце книги эстампажей наскальных изображений отвечает нумерации данного описания петроглифов.

Камень I

Как видно на рис. 51, камень расчленен на множество блоков с довольно крупными поверхностями скальвания. На пяти из них, обращенных к югу, мы видим следующие композиции.

1. Крайняя справа нижняя группа петроглифов. Примечательна тем, что здесь ясно различимы два слоя изображений. Посредине очень неглубоко выбит (в стиле третьем) большой силуэт оленя, обращенного головой налево. Его окружают олени силуэты меньших размеров, выбитые (в стиле четвертом) значительно глубже. Два из них направлены навстречу идущим к ним справа четверем (передний сохранился частично). Четко видно, что нога верхнего из этих более светлых и, следовательно, относительно более поздних силуэтов налегает на большую слабовыбитую центральную оленью фигуру. Две маленькие глубоко высеченные фигурки оленей изображены в перевернутом виде. Нижняя из них перекрывает собой переднюю ногу большого оленя. Выше последнего выбиты несколько пятен. В правой части разрисованной плоскости — схематическая мужская фигура. Данная двуслойная композиция петроглифов имеет исключительное большое значение для уяснения стратификации их стиля и техники исполнения (см. рис. 25).

2. На метр выше предыдущей группы. Две человеческие фигуры идут, взявшись за руки. Над головой левой фигуры гриб с двойной шляпкой, а рядом силуэт собаки, обращенной мордой к этим антропоморфным изображениям. Чуть выше — маленькая фигурка оленя без рогов.

3. Центральная композиция в 2 м левее группы 2: антропоморфная фигура с грибом на голове посреди двух других. У всех троих ноги и руки расставлены в стороны. Фигура справа — мужского пола. Рядом с ней — маленькая фигурка оленя, обращенно-го головой к ней. Выше правой фигуры — пятно. Изображения выбиты неглубоко, контур их нечеток.

4. Одиночная человекоподобная фигура с грибом над головой. Руки и ноги ее разведены в стороны. Вышлифована на 40 см ниже композиции 3, под изображением оленя на смежной плоскости скальвания.

5. Чуть ниже и левее фигуры № 4 — лодка с человеком.

6. На смежной плоскости, чуть левее предыдущей. Очень мелко нарисованная сцена охоты с лодки на плывущего оленя.

7. Еще немного левее. Посредине круг — кольцо (солнце?), слева два антропоморфных силуэта (бесполоых или женских), сверху — безрогий олень, справа более крупная, но полустершаяся фигура оленя, над ней весло, а внизу справа — схематичная антропоморфная фигурка с воздетыми вверх руками.

Камень II

Так же как и на предыдущем камне, все шесть композиций этого камня размещаются на его верхних скалистых уступах. Но в отличие от предыдущего они располагаются не с одной стороны камня, а с трех сторон его и на значительном расстоянии друг от друга.

8. С восточной стороны. В верхней композиции — семь аляповато и неглубоко выбитых идущих влево оленей, под ними две схематичные человекоподобные фигурки с расставленными ногами и руками («пляшущие человечки»), одна из них — мужская. А еще ниже — два идущих влево оленя, по стопам которых следуют один за другим два волка.

9. С южной стороны, на 3 м ниже группы 8. Стадо оленей идет направо. Впереди большой олень. На его маленькой изящной голове рога загнуты назад. Вся его фигура отличается редкой грациозностью. Остальные три меньшие по размеру оленя исполнены более примитивно, они расположены ниже. Четвертая фигура оленя, неясная, расположена позади большого оленя. Еще левее, за ними — лодка с острым, поднятым вверх носом, с шестью гребцами в виде вертикальных черточек. Изображения сделаны техникой протирки, контуры их нечеткие.

10. То же с южной стороны камня, в 5 м от предыдущей. Интересна тем, что олени изображены друг против друга. Всего шесть довольно аляповатых слабовыбитых или протертых силуэтов: два один за другим смотрят направо, два других — налево, навстречу первым, остальные два нарисованы в нижнем ряду под последними двумя, но смотрят вправо. Рога этих оленей выгнуты вперед.

11. С юго-западной стороны, в 20 м от предыдущей группы. В верхней ее части силуэт весьма своеобразно стилизованного оленя с рогами, выгнутыми вперед (на них спереди два отростка) и с подшейным волосом. Спереди на него идет волк, сзади тоже. У обоих волков агрессивно выгнутые горбом спины. Чем-то их фигуры напоминают и песцов (см. рис. 17). Слева чуть выше — неясная полустершаяся фигура, еще выше фигурка оленя в иной, более простой стилистической манере, расположенная вертикально. В нижней части композиции два нарисованных один под другим оленя, так же как и на центральной фигуре изображенных с подшейным волосом, но в отличие от нее — с рогами, прорисованными каждый в отдельности, а не спроецированными один на другой. Изображения мелко выбиты.

12. Группа петроглифов с северо-западной стороны камня. Находится на 5—6 м выше предыдущей, у самого верхнего края скалы, под навесом. Глубокая продольная трещина разделяет ее на две части. Верхняя часть изображает сцену охоты на оленей во время их переправы через реку. Четыре оленя устремлены вперед — направо. В последнем уже вонзилось копые, направленное с нарисованной остроносой ладьи с тремя гребцами. Пятый олень нарисован позади лодки и плывет (или идет) в противоположную сторону, налево. Сценка очень динамична, чувствуется, что охотничья лодка прорвалась в самую гущу плывущего стада. Олени изображены лаконично, но очень живо (см. рис. 13).

Нижняя часть композиции изображает сцену морской охоты. С остроносой лодки загаргунен кит (в лодке восемь человек, переданных вертикальными черточками). Позади и ниже еще две плывущие лодки (в задней — шесть, в нижней — восемь гребцов), а еще ниже опрокинутую, тонущую лодку (четыре гребцов в ней) топчет и топчет антропоморфная фигура схематичного облика. Руки и ноги ее разведены в стороны. С ле-

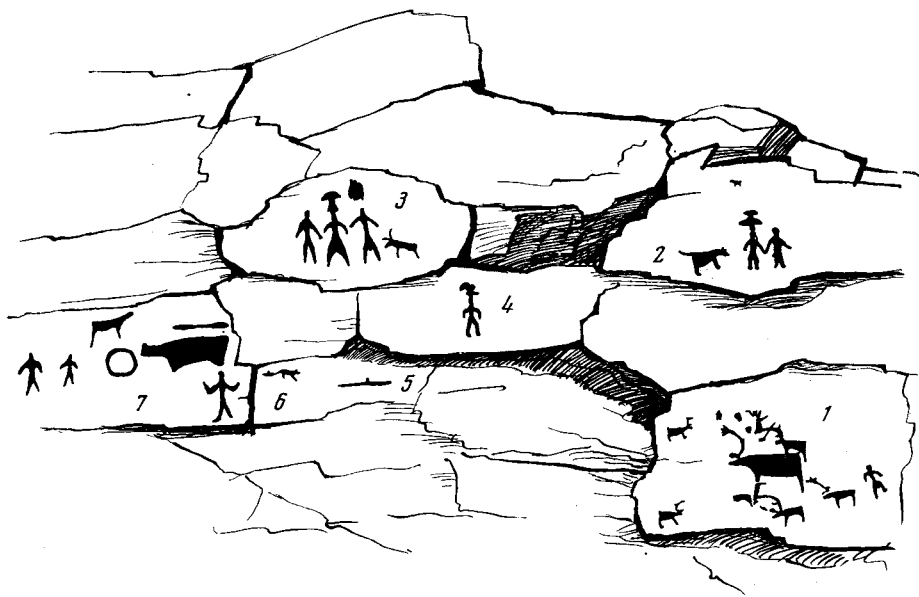

Рис. 51. Расположение петроглифов на камне I

вой стороны в эту композицию среди лодок врисованы три оленя. Все изображения выбиты мелко, контуры их нечеткие.

13. На отдельном выступе скалы чуть правее предыдущих петроглифов. Мелко выбиты треугольно стилизованный олень с двумя рогами и четырьмя ногами (все они показаны отдельно), за ним высоконосовая лодка с четырьмя сидящими в ней людьми. Внизу — фигурка человека, держащего над головой какого-то большого зверя (см. рис. 41).

Камень III

Расположен примерно в 150 м от камня II. Петроглифы обнаружены в двух местах: на верхнем уступе и несколько ниже.

14. На гладкой плоскости, обращенной к югу, под неглубоким навесом. Исписанная рисунками плоскость рассечена двумя горизонтальными трещинами. В верхней части — охота на кита с байдары. Байдара типично чукотско-эскимосская, судя по ее форме — кожаная, с веслом. На носу ее гарпунер, нацелившийся на кита. Позади чуть ниже олень, еще ниже — волк. В средней части несколько фигур оленей, неглубоко выбитых в небрежной манере.

Нижняя часть плоскости сохранила одну из самых великолепных сцен: пять пляшущих антропоморфных фигур и три силуэта оленей, два из которых изображены вертикально — очевидно, убитые (см. рис. 21). Крайняя слева фигура — женская, с большим грибом на голове, выполнена очень реалистично. Руки и ноги ее расставлены в стороны, ясно обозначены две косы (рис. 43). Следующая фигура мужская, с грибом вместо головы, за ней следует снова женская с грибом над головой (см. рис. 00). Все эти

три фигуры обнаженные. Следующая же, четвертая, изображает человека в одежде до пят (если это только не ножка гриба), с грибом вместо головы и еще одним над головой. Затем дальше — олень и последняя, пятая женская фигура с грибовидной шляпкой над головой. Все фигуры, как, впрочем, и все остальные наскальные антропоморфные изображения, показаны фронтально, лицом на зрителя. Все они слабо выбиты, и контуры их во многих местах нечеткие.

15. На гладкой плоскости, обращенной к востоку, на 3—4 м ниже предыдущей композиции. Состоит из большого количества оленьих фигур, идущих главным образом в левую сторону, к реке. Среди них есть и большие фигуры, и маленькие, но все они изображены весьма небрежно и грубо. Между ними вкомпонованы силуэты одноместных и остроносых многоместных лодок, а ниже — фигура волка и отдельные пятна. Здесь мы впервые видим сочетание техники мелкой выбивки с глубокой точечной выбивкой. Последней выбита только самая большая фигура оленя. Интересно, что среди одноместных лодок этой композиции одна изображена с двухлопастным веслом.

Камень IV

В непосредственной близости от камня III. Имеет наиболее эффектный вид. Утес крутой и величественный, с небольшой пещеркой на высоте около 15 м (см. рис. 33). Со всех сторон много хороших плоскостей. Почти все они использованы под рисунки. Всего их здесь 37 групп.

16. На восточной стороне камня, на косо распадающейся широкой плоскости (см. рис. 7). На темном фоне ясно видны светлые силуэты многочисленных оленей, идущих преимущественно в сторону реки. Почти все они выполнены в реалистической манере с тонким чувством природы, весьма изящно и живо. Особенно великолепна фигура пасущегося оленя — самая большая на этом «полотне». Среди оленьих фигур (прошлифованных или мелко выбитых) заметны также крайне схематические человекоподобные фигурки и полустершиеся изображения лодок. Наиболее крупная из них, многоместная и выбитая по контуру желобком, имеет высокий нос, увенчанный головой животного (см. рис. 8).

17. На той же восточной стороне камня, но значительно выше, на небольшом скальном выступе, — сцена поколки оленей. Они нарисованы головой направо. Силуэты оленей, силуэт шестиместной лодки с высоким носом выполнены техникой протирки и весьма небрежно. В нижней части композиции выбито двухлопастное весло.

18. Еще выше на торце каменного блока — силуэт оленя, исполненный высокохудожественно и реалистично, длиной 20 см (головой налево).

19. С противоположной стороны камня, на его юго-западной стороне, наверху, на высоте 4 м над тропой, опоясывающей камень поверху. Силуэт одиночного оленя головой направо. Сделан в грубой манере.

20. На 2 м ниже — одиночный олень головой направо. Его силуэт длиной 15 см выбит неглубоко.

21. Вверху над скальным карнизом. Изображены семь оленей; волк, стоящий мордой к верхнему центральному оленю в окружении четырех пятен. Позади нижней группы из трех оленей — одноместная лодочка.

22. Тоже наверху под карнизом, чуть левее. Выбиты треугольная фигура, пятно и идущие к ним слева фигуры двух оленей и двух собак.

23. Еще в 40 м левее — два фрагмента каких-то силуэтных изображений, в одном из которых угадывается человек с палкой (посохом?).

24. Двумя метрами ниже — сцена охоты на медведя: человек берет его на рога-тину, позади медведя — три атакующие его собаки.

25. Примерно на 2 м левее композиции 24 — сцена охоты на плавях. Пять оленей окружены шестью собаками, один из них загарпунен охотником, сидящим в лодке с двухлопастным веслом. Фигуры выбиты неглубоко (см. рис. 12).

26. Рядом, чуть левее, на широкой плоскости скальвания. В левой части — антропоморфная грибоподобная фигура и олень. В правой — самая большая (около 0,5 м)

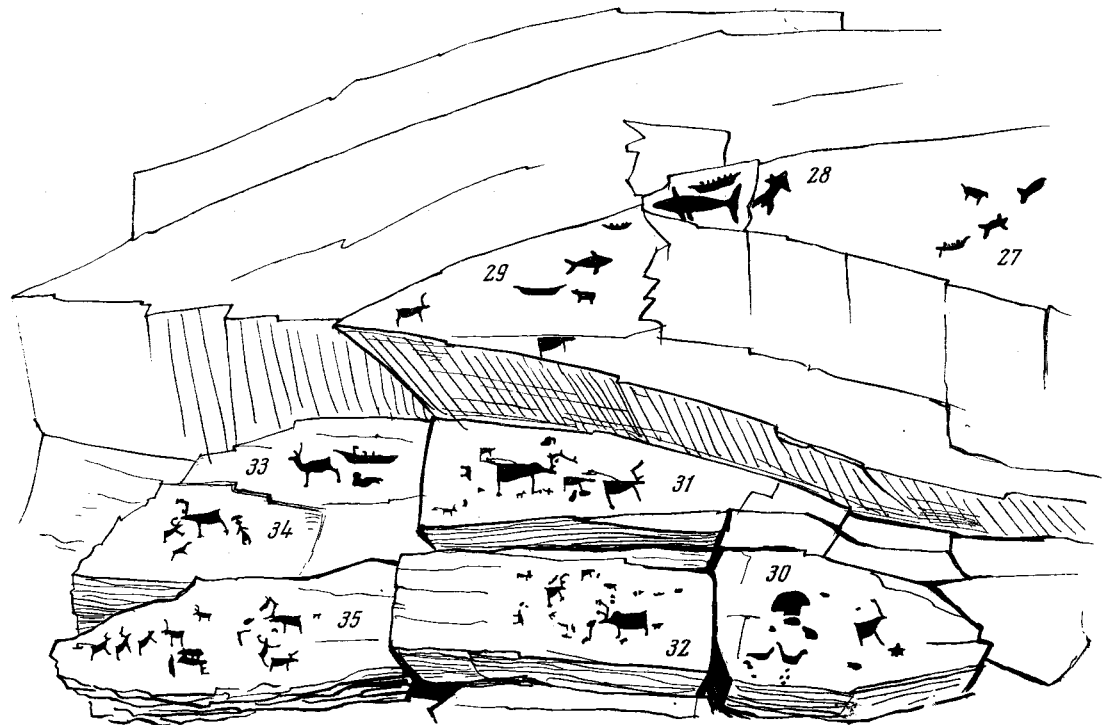

Рис. 52. Расположение петроглифов на верхней части камня IV

едва заметная подшлифованная фигура загарпуненного оленя (треугольно стилизованная). Охотник поражает его, сидя в маленькой лодке. Олень обращен головой направо, к реке. Под ним еще два маленьких оленя.

27. Эта и следующие группы (28—35) тесно расположены друг к другу и заполняют отвесную обращенную к югу плоскость скалы под далеко нависающим карнизом (см. рис. 52). Отдельные группы выделяются нами по разделяющим их скальным трещинам и выступам. Данная композиция является крайней справа. Она изображает морскую охоту: за двумя морскими животными гонится многоместная лодка с высоким носом. В лодке сидят восемь человек, обозначенных, как обычно, черточками. На корме лодки нарисовано рулевое весло. Силуэты сделаны глубокой (самой глубокой) выбивкой — около 1 см глубиной. В верхней части сохранился фрагмент какой-то фигуры, очевидно оленя. Еще левее — изображение нерпы (см. рис. 14).

28, 29. Являются продолжением предыдущей в левую сторону. На выступе, ограниченном трещиной, такой же глубокой выбивкой изображены три многоместные морские байдары, косатка, кит и белый медведь. Все в целом выражает ту же морскую охоту (см. рис. 15). Возможно, здесь две самостоятельные композиции, так как названные животные, преследуемые байдарами, показаны плывущими в разные стороны, навстречу друг к другу. Байдары, особенно две, поразительно похожи на чукотско-эскимосские. В одной из них восемь гребцов, или восемь пар (группа 29), в другой — пять (группа 28). Еще левее на самом краю — силуэт оленя, обращенного мордой к этим байдарам и морским животным. Такая же фигура идущего в ту же сторону оленя выбита и в нижней части этого верхнего яруса изображений, посвященного морской

тематике. Интересно, что полоса петроглифов, сохранившихся ниже, под глубокой трещиной, тоже относится почти целиком к тематике, связанной с жизнью тундровых охотников на дикого оленя.

30. Крайняя группа справа в нижнем ряду композиций 30—35 (все они слабо выбиты или только протерты). Среди нескольких маленьких выбитых в скале пятен — силуэт оленя, смотрящего вправо, а позади него фигура наподобие женского каменного ножа или гриба с очень короткой и широкой ножкой.

31. Левее и выше предыдущей. Изображена поколка на плавах: пять оленей, три из которых загарпунены с лодок. Три оленя (два из них загарпунены) крупные, один совсем маленький и рядом с ним крохотная лодочка с охотником. Самый крупный олень с горбом и морда его своеобразно стилизована (с поперечными выступами снизу и сверху). Между оленьими фигурами — отдельные выбитые небольшие пятна, а на левой стороне с краю — силуэт белого медведя вниз головой.

32. Ниже, под трещиной. Здесь такой же горбатый олень, но с двумя рогами, а не с одним, как обычно на пегтымельских скалах. Он смотрит налево, и перед мордой его молот. Навстречу ему плывет другой олень. Задние ноги его провисают и копыта растопырены, как гусиные лапы. Он плывет направо. Позади его, впереди и внизу — фрагменты четырех оленьих силуэтов меньшего размера, а также несколько пятен. Чуть правей и выше большого горбатого оленя угадывается силуэт маленькой лодки с охотником. Такая же лодочка с охотником и перед этой оленьей фигурой, между молотом и топором и еще каким-то орудием в виде удлиненного узкого прямоугольника. На левом краю этой композиции — фигура собаки, нарисованная по вертикали, хвостом вниз.

33. Рядом слева, на поверхности скола, сделанного уступом. Изображена остроносая байдара, перед нею весьма реалистично и изящно выполненный олень, а под нею фигура, напоминающая какое-то морское животное вроде лахтака или моржа. Слева и снизу от всего этого — маленькие округлые пятна.

34. Слева, ниже, на отдельном изломе той же скальной плоскости изображены треугольно стилизованный олень, стоящий мордой в левую сторону, и два оленя меньшего размера, обращенных мордой к нему спереди (один из них, нижний, вероятно, олененок). Справа от большого оленя — антропоморфная фигура мужчины с двойным грибом вместо головы.

35. Под двумя предыдущими группами, ниже глубокой трещины. В левой части — загарпуненный с лодки олень, плывущий за двумя другими. Напротив них изображены еще два оленя, под передним — листовидная фигура и два пятна неопределенных очертаний. В правой части композиции — олень, окруженный пятнами, позади него совсем маленькая оленья фигурка, а ниже — два спаривающихся оленя. Слева от последних изображение мотыги-кирки.

36. Открывает собой серию петроглифов, сохранившихся на нижнем ярусе скалы. Это одна из крайних слева (если смотреть со стороны реки) групп. Выбиты довольно грубо и примитивно два оленя, идущих или плывущих направо, а левее и чуть выше них — байдара с рулевым веслом и тремя сидящими в ней людьми.

37. Правее, 19 большей частью полустершихся фигур, судя по всему, изображают поколку оленей. Два силуэта оленей уцелели полностью. Позади одного из них нарисованы в обычной схематичной манере две лодки: с одним человеком и четырьмя. Уцелел фрагмент оленьей фигуры с передней ногой, копыто которой растопырено как гусиная лапа. Слева наверху — нечто вроде летящего лебедя.

38. Справа от предыдущей группы. В середине — четыре фрагментированные грубо выбитые оленьи фигуры, идущие налево. Напротив них слева стоит еще один олень, а зади их — два силуэта волков или собак (хвосты опущены, как у волков).

39. Еще правей и несколько выше. Хорошо сохранившийся силуэт оленя, бегущего налево. По стилю близок к «треугольно стилизованным».

40. Ниже, среди четырех пятен неопределенных очертаний — сцена охоты на плавах. Олень с преувеличенно большими растопыренными копытами изображен между двумя лодками. Одна из них, маленькая одноместная — позади оленя; другая, большая с высоким носом в виде головы животного — впереди. Ниже на отдельных выступах еще две обособленные оленьи фигуры.

41. Справа от группы 39. Верхняя группа из пяти идущих и плывущих налево оленей (выбиты неглубоко). Один из них заколот с одноместной лодки. Среди оленей схематичное изображение человека с расставленными ногами (руки не сохранились) и какие-то предметы, один из которых похож на гриб или скребок для обработки шкуры. Слева еще одна человеческая фигурка с расставленными руками и ногами, а также маленький одиночный силуэт оленя, идущего навстречу всему оленьему стаду.

Вторая группа этой композиции состоит из очень светлых слабовыбитых силуэтов и располагается на 10 см ниже. Состоит из двух антропоморфных фигур и оленьей фигуры, изображенной слева от них головой вниз (сама голова не сохранилась). Руки левой антропоморфной фигуры изображены «фертом», на поясе, а над головой ее большой гриб, шляпка которого очерчена контуром. У этой женской и, судя по положению ног и рук, пляшущей фигуры хорошо видны две короткие косы. Вся она покрыта поверх светлой выбивки небрежной штриховкой из тонких линий, нанесенных вертикально или несколько наискось наподобие «дождика» на детских рисунках. Вместе с тем штриховка производит впечатление, как будто кто-то хотел эту фигурку зачеркнуть, уничтожить. Правая фигура также изображает, очевидно, пляшущее антропоморфное существо с относительно маленьким грибом на голове. Одна из его расставленных в стороны рук гипертрофированно удлинена.

42. Правее и ниже, за поворотом скалы. Здесь три мелко выбитых изящных силуэта: большого с растопыренными копытами плывущего оленя, собаки и маленького оленя с подогнутыми ногами (см. рис. 36).

43. Правее и ниже выбиты три собаки, две идут направо, третья навстречу им, вверх ногами. Ниже олень, загарпуненный с одноместной лодки, и сценка охоты на какое-то большое животное вроде оленя. Из его спины торчат концы вонзившихся стрел или копий, а впереди его — антропоморфная фигура с мужским признаком пола и грибовидной головой и маленькая фигурка волка или собаки внизу.

44. Еще правее и еще ниже, рядом с пещерой. В верхней части шесть небрежно выбитых оленей и антропоморфная фигура с грибом на голове, в танцующей позе, с руками «фертом», на бедрах. Внизу — фрагменты еще пяти-шести таких же оленей, среди них хорошо сохранилось изображение, очень напоминающее бизона (с массивным туловищем, тупой короткой мордой, рогами, выгнутыми вперед).

45. На 4 м ниже предыдущей. Шесть оленей идут вправо. Возле нижнего, заросшего лишайником, сохранились остатки изображения двух грибов, связанные же с ними антропоморфные фигуры стерлись. В левом нижнем углу уцелели два схематично изображенных «человечка».

46. Правее предыдущей на 2,5 м, под пещерой. В левом верхнем углу — фигура человека с каким-то округлым предметом в правой руке (с бубном?), а правее и ниже — целое стадо оленей (всего семь), идущих в разные стороны. Один из них с подогнутыми ногами выбит более изящно.

47. Еще на 4—5 м правее. Три оленя идут направо и три навстречу им. Все выбиты очень небрежно.

48. На 5 м выше пещеры. Пять полустершихся оленьих фигур (одна незаконченная, выбита только по контуру).

49. Рядом, правее. Два отдельные мелко выбитые сценки поколки оленей, одиночный олень и рисунок сосуда. Первая сценка поколки изображает двух плывущих налево оленей и одноместную лодку позади них. Сидящий в лодке изображен весьма своеобразно: вертикальной чертой и тремя короткими поперечными, с копьём или покологой в руке. Вторая, справа расположенная сценка показывает только одного загарпуненного с двух одноместных лодок оленя, выбитого грубо и в характерной позе плывущего с растопыренными копытами. Все эти олени ориентированы головами налево. Одиночный же олень изображен головой направо. Сосуд небрежно процарапан в самом низу. Он высокой баночной формы. Вдоль края венчика идет черта, а между ними четыре точки, передающие, очевидно, ямочный орнамент. Нижняя часть туловища сосуда украшена двумя тщательно протертыми параллельными полосками (см. рис. 39).

50. На задней стене пещеры. Глубоко выбиты олень и за ним нечто вроде собаки, а выше еще один олень вверх ногами. Изображения весьма небрежны.

51. Налево при входе в пещеру. Грубо выбиты горбатый олень с длинным подшей-

ным волосом (самец!) и впереди него маленькая фигурка какого-то животного вроде собаки. Довольно непонятное животное, очевидно все-таки собака, изображено стоящим им навстречу с раскрытой пастью и длинными ушами. Не исключено, однако, что и это небрежное изображение оленя.

52. На противоположной, правой стене пещеры. Это одна из самых больших петроглифических групп, но она не отмечена мастерством исполнения. К тому же составляющие ее грубо и глубоко выбитые фигуры очень плохо сохранились. Создается даже впечатление, что они кем-то были нарочно затерты. Весьма интересно, что поверх, бесспорно, более древних силуэтных изображений нанесены более поздние линейные рисунки или просто штриховка (см. рис. 28). Это один из немногих случаев явной двуслойности петроглифов (см. также петр. 1). По содержанию рисунки на правой стороне пещеры довольно однообразны и мало выразительны.

Нижний слой представлен изображениями оленей, идущих преимущественно в одном направлении, направо, к выходу из пещеры, к реке. Всего здесь сохранилось или угадывается около 12—13 изображений оленей. Один из них, нижний, наиболее крупный и обращает на себя внимание своей подчеркнутой тучностью. Три или четыре собачьих фигуры и несколько лодок дополняют общую картину, придавая ей вполне определенный смысл: здесь перед нами все та же поколка на плавах. Лодки одноместные и многоместные, две из них, очевидно, перевернуты. Наконец, ясно различимы здесь намеренно выбитые пятна и в самой гуще среди них на левом краю композиции — схематическая человеческая фигура с расставленными ногами и руками.

Во втором слое среди налегающих на силуэты линейных рисунков наверху мы видим такую же схематическую человеческую мужскую фигуру с прямоугольной головой (см. рис. 28). Это человекоподобное изображение прорезано глубокими штрихами поверх большого полустершегося оленьего силуэта, голова которого перечеркнута тремя такими же глубокими штрихами. Ниже различимы еще два линейных рисунка: вероятно, два оленя, но оба без головы, ориентированные в противоположные стороны. Туловище одного из них, нижнего, заштриховано или зачеркнуто поперечными линиями. Кроме того, хорошо различается штриховка и поверх других силуэтов, преимущественно в средней части стены. Создается впечатление, что этой штриховкой кто-то стремился перечеркнуть прежние, более древние выбитые в пещере рисунки. Однако на левой стороне стены, хотя и значительно реже, наблюдается обратная картина: относительно более светлые и, следовательно, более свежие силуэты оленей и собак выбиты поверх этой штриховки (см. рис. 37).

Камень V

Находится совсем рядом с камнем IV. Петроглифы на нем сохранились на отдельных плоскостях как наверху, так и ниже. Один петроглиф (55) мы нашли на склоне, на оторвавшемся от скалы большом камне.

53. На верхнем краю скалы, с правой стороны ее. На широкой плоскости камня — многофигурная силуэтная картина поколки оленей. Их фигуры выбиты неглубоко и довольно небрежно, но все же заметна их стилизация под треугольник. У одного самого крупного оленя показаны оба рога. Олени плывут в разные стороны, один тонет (хвостом вниз). По краям и в середине оленьего стада пять маленьких лодок, с одной из них охотник уже поразил оленя.

54. Самая нижняя неглубоко выбитая группа, на высоте не более 10 м. От сцены поколки уцелели только два оленьих силуэта, их фрагменты, а также фрагменты изображений нескольких лодок и несколько отдельных пятен. Зато прекрасно сохранились 12 силуэтов водоплавающих птиц.

55. Эта очень динамичная картина выбита на обломившемся от скалы и скатившемся по склону большом продолговатом камне. Он уже глубоко врос в землю и находится несколько выше петроглифа 54, под уступом с рисунками 56 и 57, откуда он, очевидно, и откололся. Нижнюю часть этой композиции пришлось откапывать, и когда изрисованная плоскость камня была вскрыта, нам предстала картина весьма эффек-

ной поволоки на оленьих плавах. Три большие байдары (по 5, 6 и 8 гребцов) устремились слева на двух оленей, очевидно, символизирующих целое стадо. Оленьи фигуры треугольно стилизованы; верхняя, с длинным подшейным волосом (очевидно, самец), поражена гарпуном с односторонней лодки, нижняя, более крупная, хотя и без подшейного волоса, еще не загарпунена. Позади оленей — канонический образ пляшущей женской обнаженной фигуры с двумя косами и большим грибом над головой, с разведенными в стороны руками и ногами. В охоте принимает участие и собака (слева за байдарками).

56. Над предыдущей композицией метра на 3—4 выше ее, под карнизом. Выбита сцена поволоки оленей, от которой сохранилось полностью только одно изображение оленя; другое изображение оленя и силуэты двух собак сохранились частично.

57. В узкой и глубокой щели между выходами скалы, еще на 4 м выше. Выбита женская антропоморфная фигура в пляшущей позе (руки, ноги врозь) с грибом над головой, рядом с ней два больших продолговатых пятна (руки, ноги врозь) с грибом над головой, из них одно большее пятно в сочетании с двумя маленькими образуют нечто похожее на след от человеческой стопы). Правее нарисован силуэт китообразного животного вниз головой, а под ним олень и весло.

58. Левее на 6—7 м. На левой стороне камня, на средней высоте, на 7—8 м от верхнего края обрыва. Два больших оленя, идущих или плывущих направо, выбиты очень неглубоко. Передний с длинным подшейным волосом, очевидно, самец. Фигура сзади идущего оленя окружена сверху и снизу большими байдарками, в которых сидят по 5—8 гребцов. Над этими байдарками нарисовано по одному двухлопастному веслу, а над верхней байдарой — к тому же и нечто вроде «крылатого предмета», насаженного на конец палки, возвышающейся в какого-то китообразного морского зверя (см. рис. 30). Под нижней байдарой выбита из мелких фигурок сценка поволоки оленя с маленькой лодки, причем между загарпуненным оленем и двумя фигурами других двух оленей изображена антропоморфная фигура с грибом на голове.

59. На левой стороне камня, на самом верху над предыдущей группой. Здесь мы видим сочетание двух петроглифических приемов: мелкую выбивку силуэтов и изображение посредством процарапывания линий. Силуэты изображают две пары стоящих друг против друга оленей, а также восемь одиночных оленей. От морды семи из этих оленей отходят пучки длинных штрихов, символизирующих, возможно, либо выходящую из ноздрей оленя душу, либо какие-то связи, пока еще не поддающиеся расшифровке, но очень похожие на связи юагирских тосов. Любопытно, что подобный пучок линий соединяет морды центральной пары наиболее крупных оленей (см. рис. 40). Позади одного из этих животных выбит силуэт собаки, позади другого — односторонняя лодка. Лодка с одним охотником нарисована также и позади нижнего одиночного оленя. Над этой лодкой выбито двухлопастное весло, и в сторону оленя с лодки устремлено копьё или гарпун. В левом верхнем углу изображены очень мелко две сценки поволоки оленей с таких лодок, причем преследуемые олени смотрят в противоположные стороны. Дополняют эту силуэтную композицию несколько пятен в разных ее местах, некоторые из них очень напоминают следы от лап, другие же являются, возможно, остатками стершихся изображений. Наиболее поздними элементами этого сочетания петроглифических образов являются, на наш взгляд, линейное изображение байдары и антропоморфной фигуры, расположенные на правой стороне разрисованной плоскости камня. По стилю они очень похожи на известные опубликованные В. Г. Богоразом рисунки чукчей (см. рис. 38).

60. Несколькими метрами левее, на верхнем крае обрыва. Под глубоко высеченным изображением косатки — мелко выбитые олень и под ним направо два непонятных по смыслу продолговатых пятна и линейная схематичная фигурка человека.

61. Ниже на том же выступе скалы. Две собаки идут друг за другом, а перед ними спиной к ним медведь.

Рядом с предыдущим, дальше к западу. В правой верхней его части, в 6 м от верхнего края обрыва, скалистые уступы образуют широкую и глубокую открытую сверху нишу, обращенную в южную сторону, к реке. Петроглифы обнаружены как на стенах этой ниши, так и по сторонам от нее (в 1968 г. мы сочли целесообразным изменить нумерацию камней, объединив близко расположенные камни VI и VII в один камень VI).

62. Направо от ниши, с внешней стороны образующего ее выступа скалы. Выбиты пять силуэтов оленей разной величины, идущих в одну сторону, налево. Сохранившиеся у одного из них рога изображены двойными.

63. На правой стене ниши. Слабо вытертый силуэтный рисунок изображает треугольно стилизованного оленя с «гусиными лапами», настигнутого охотником, сидящим в лодке и уже пронзившим его своим копьём или гарпуном со спины (см. рис. 26).

64. На фронтальной стене. Сохранились едва заметные следы нескольких мелко выбитых оленьих фигур.

65. На той же стене, левее. Наверху большая антропоморфная фигура (в керкере?) с двойным грибом над головой (см. рис. 24). Справа от нее две антропоморфные фигуры. На 60 см ниже еще две человекоподобные фигуры с грибами над головой (одна фрагментированная) и нечто вроде лодки, а также горизонтальная черта справа (см. рис. 19). Верхние фигуры выбиты мелко, нижние — глубже.

66. На левой стене. Большой глубоко и грубо выбитый олень, несколько «треугольно стилизованный», обращен налево, в сторону реки. Он настигнут охотником, сидящим в лодке, который поразил его копьём в спину. Перед рогами оленя пятно с отходящей от него чертой (см. рис. 10). Композиция дополняется еще девятью довольно глубоко высеченными фигурами оленей меньшего размера, расположенными как перед центральной большой оленьей фигурой, так и сзади и несколько выше ее, причем одного из верхних оленей также колет с лодки охотник. Среди оленей изображена такой же глубокой выбивкой схематичная фигура стоящего человека. Судя по тому, что олени на этой композиции обращены в разные стороны, причем таким образом, что образуются пять групп из идущих в одну и ту же сторону (направо или налево), здесь мы имеем дело, очевидно, не с одной композицией, а с пятью, четыре из которых изображали сцену поколки на плавах. Во всяком случае, в двух из них, где охотники поражают оленей, это ясно видно; в других двух охотничьи лодки, вероятно, уже стерлись. Пятая композиция (над центральной большой фигурой оленя) изображает маленького оленя, преследуемого волком.

67. Вправо от выемки с петроглифами 63—66, на открытой скальной плоскости плывут налево один за другим два треугольно стилизованных оленя с растопыренными, как гусиные лапы, копытами. Заднего оленя зацепил своим гарпуном или копьём человек, сидящий в лодке. Под этим оленем нечто вроде лодки, но без гребцов; сзади — овальное пятно. Все фигуры шлифованы (см. рис. 11).

68. Еще правее. Здесь мы видим двух оленей, в хвостовую часть которых вонзились копыта или гарпуны, направленные с односторонних лодок. Над верхним из этих довольно аляповато выполненных оленей мужская антропоморфная фигура, пятно неопределенных очертаний, три птички и фрагмент еще одной оленьей фигуры.

69. На верхней левой части камня, налево от ниши с петроглифами 63—66, под навесом, на фронтальной стене скальной выемки. Центральной фигурой композиции является большой треугольно стилизованный олень с «двойными рогами» и глазом в виде просвета на силуэте морды и «тремя» ногами. Этот олень изображен загарпуненным с лодки, под его мордой такой же почти олень, но значительно меньшего размера. Оба силуэта выбиты неглубоко и очень светлые. Остальные олени нарисованы совсем в иной манере, почти такой же реалистической, как на композиции 16 на камне IV. Два из них бегут над большим оленем один за другим (под брюхом у последнего — олененок), а за ними по пятам гонится собака. Чуть выше и правее — передняя половина оленьего силуэта, а перед ней наверху какая-то непонятная, очевидно, человекоподобная фигура. Правее повернуто — сцена поколки оленя с лодки; под загарпуненным оленем пятно и еще один аляповато нарисованный олень. Нижние пять оленьих

силуэтов выбиты неглубоко и очень светлые; верхние темнее. Здесь, по-видимому, две-три разновременные композиции.

70. На боковой стене той же выемки. Изображена пляска антропоморфных мухоморов и просто человечков. У двух фигур мухомор (двойной) над головой, у одного — на голове, а еще у одного — вместо головы. Одна человеческая фигура мужского пола, остальные, скорее всего, женские. Две фигуры (человека и мухомора) пляшут подбоченясь, у остальных руки разведены в стороны. Наверху — фигура какого-то животного. Все силуэты очень светлые и выбиты неглубоко (см. рис. 20).

Камень VII

Этот камень на 10 м ниже предыдущих и отделен от них широким участком склона. Здесь зафиксированы четыре петроглифические композиции.

71. На левой стороне камня, наверху. Здесь хорошо заметны две небольшие зооморфные фигуры (олени без рогов или собаки без хвостов) и одна антропоморфная мужская фигура с разведенными в стороны руками и ногами.

72. Чуть ниже и правее. Четыре довольно изящных мелко выбитых силуэта оленей, три из них идут друг за другом налево, четвертый плывет под ними направо, а за ним одноместная лодочка. Кроме того, сохранился фрагмент силуэта пятого животного.

73. На том же каменном выступе, но за углом, на другой его плоскости. Наверху маленькая антропоморфная очень схематичная фигурка и под нею, очевидно, верхняя часть сосуда, нарисованная техникой граффити: между краем его венчика и параллельной ему линией — четыре точки, изображающие, вероятно, ямочный орнамент. Еще ниже два стоящих задом друг к другу оленя. Большой из них, обращенный налево, с длинным подшейным волосом и с парой нарисованных рогов, отличается своеобразием стилизации. Меньший олень выбит в реалистической манере, очень изящен, рога изображены спроецированными друг на друга: над этим оленем силуэты двух птиц (в профиль и снизу). Правее — два не полностью выбитых оленьих силуэта.

74. В нижней части скалы, на ее фронтальной, обращенной к реке стороне. Центр композиции (выбитой неглубоко) образует большой олень с вытянутой вперед головой и подогнутыми ногами. Ниже два оленя поменьше и собака позади одного из них. Справа от большого оленя женская пляшущая фигура с шляпкой гриба над головой. Еще правее рядом с этой женской фигурой — двухлопастное весло, два непонятных пятна и еще один олень.

Выше этой группы (примерно в полуметре) два фрагментированных оленьих силуэта.

Камень VIII

Он интересен тем, что на его вершине имелись две каменные кладки, вокруг которых мы нашли остатки неолитического производства. Это весьма эффектный камень, почти такой же впечатляющий, как камень IV. Петроглифы на нем замечены в четырех местах.

75. С левого края, на боковой стороне подпризматического останца скалы. Изображена поколка оленей. Три оленя плывут направо, четвертый, очевидно, тонет (хвостовой частью вниз). Позади оленей две лодки. В верхней шестию черточками обозначены охотники, уже загарпунившие какого-то морского зверя; в другой одноместной лодке изображен в более реалистической манере человек, метнувший копье или гарпун в оленя. За спиной этого охотника в ряд четыре овальных пятна (счетные знаки?). Все изображения выбиты довольно глубоко (примерно 1—2 мм).

76. За углом на передней плоскости упомянутого останца, где и композиция 75. Здесь тоже выбита (неглубоко) картина поковки на плавах. У одного из четырех оленей, плывущих налево, копыта характерно растопырены. В этой сцене фигурирует и

собака (справа в верхнем углу, за оленем). Лодки здесь только одноместные. Изображение одной сохранилось только частично: гребец в ней с двухлопастным веслом в руках; эта лодка явно догоняет левого самого крупного оленя. Во второй лодке гребец одной рукой придерживает весло, второй же поразил оленя гарпуном. Необъяснимой остается пока весьма странная круто изогнутая линия, идущая вниз от морды оленя, пораженного гарпуном. Она более темная, чем силуэт оленя, и очевидно, более древняя. Петроглифы этой группы поросли лишайниками.

77. В нескольких метрах правее, далее по направлению к реке и на той же высоте, что и предыдущие петроглифы. Слабой выбивкой изображены плывущий налево олень, а за ним лодочка с одним охотником, замахнувшимся копьём или гарпуном.

Еще далее в том же направлении на расстоянии нескольких метров от петроглифа 77 изображены два оленя мордами направо, один под другим, а под ними лодка с несколькими охотниками, каждый из которых обозначен, как обычно, просто черточкой.

Камень IX

Эта широкая скала образована каменистыми алевролитово-песчаниковыми выходами наверху и в средней части обрыва, внизу она перекрыта крутой осыпью этих пород. Петроглифы здесь сохранились в трех местах, на трех различных уровнях на правой стороне скалы.

78. На высоте около 6—7 м сразу над насыпью, в основании обнажения скалы. Очень слабой подшлифовкой изображена пляска людей-мухоморов, а под ними ладья с высоким носом и кормой. Антропоморфных фигур пять, но две из них едва заметны, остальные сохранились довольно хорошо. Одна из них, центральная, точно такая же, как и на композиции 14 на камне III: с чудовищно большим грибом над головой, украшенной двумя косами с круглыми украшениями на их концах. Ясно обозначены груди; руки и ноги разведены. Справа фигура неопределенного пола в той же позе и с грибом на голове. Мужская фигура слева с грибом вместо головы, ее руки и ноги в таком же положении, но концы рук утолщены, изображены в виде огромных кулаков, хотя не исключено, что художник хотел изобразить и нечто другое, может быть, какие-то круглые предметы в каждой руке этого полугриба-получеловека. От следующей влево фигуры сохранился только силуэт гриба с двойной шляпкой (в два яруса), пятая же фигура совсем почти стерлась.

79. На 12—13 м выше предыдущей, под скальным навесом, в широком и низком нишеобразном углублении. Поверхность, использованная для петроглифов, выбитых здесь неглубоко, расчленена трещинами и выступами, вследствие чего то, что мы условно назвали композицией, распадается по крайней мере на четыре петроглифические группы. Первая, наиболее обширная, состоит из пяти оленей, бегущих или плывущих направо, двух преследующих их собак и четырех антропоморфных фигур уникального облика. Олени воспроизведены реалистично и динамично, в манере, близкой лучшим образцам этого рода на пегымельских скалах. Копыта у трех из них растопырены. Весьма существенной особенностью является то, что две олени фигуры (очевидно, не законченные) в отличие от всех остальных силуэтов даны контуром, так называемой желобчатой техникой, широко распространенной в таежной Сибири бронзового века (см. рис. 6). Примечательно, что две антропоморфные фигуры даны не в фас, как обычно, а в профиль. Одна из них, меньшая, крайняя слева, полусогнута налево навстречу двум бегущим к ней оленям; другая стоит прямо, и над головой у нее наполовину разрушенная выветриванием шляпка гриба. Две другие человеческие фигуры, изображенные в фас, тоже представляют собой совершенно уникальную пару. Одна из них, большая, с грибом на голове, одета в типично чукотско-эскимосский керкер, что сразу же выдает в ней женщину, левой рукой она держит за руку ребенка, тоже одетого в керкер (см. рис. 44).

За поперечной трещиной, ограничивающей справа эту большую композиционную группу, наверху мы видим обычную сценку: плывущего налево, к женским фигурам, оленя с характерно стилизованными растопыренными копытами поразил гарпуном с

лодки сидящий в ней охотник. Ниже, под горизонтальной трещиной — сценка несколько необычная: с большой морской байдары «загарпунен», а возможно, просто поражен копьем большой, очевидно белый медведь. В байдаре сидит пять-шесть охотников, обозначенных, как всегда, просто вертикальными черточками; под медведем короткая и широкая вертикальная черта, под байдарой четырехконечное непонятное пятно.

Примерно в 50—60 см правее и несколько выше, на отдельном выступе, ограничивающем нишу справа, имеется фрагментированное изображение бегущего налево оленя. Рога у него не сохранились, и самое интересное, что силуэт его фигуры выбит на скале не сплошь, а с просветами, идущими поперек туловища (фиг. 79-а). Такая изобразительная манера внешне напоминает так называемый скелетный стиль сибирского бронзового века. Однако, на наш взгляд, данное изображение является просто неоконченным: внутри желобчатого контура выбивка не завершена.

80. Собственно, это изображение только одного грубо выбитого «треугольно стилизованного» оленя. Оно сохранилось на большой глыбе камня, лежащей в основании осыпи у самой воды поперек бечевника. Олень нарисован на левой стороне глыбы, и, таким образом, он движется по направлению от реки к скале.

Камень X

Это та самая скала, на нижних плоскостях которой Н. М. Саморуков в 1965 г. заметил несколько петроглифов. Он их обнаружил под нешироким навесом в нишеобразном углублении и по его сторонам (в радиусе 5—6 м от ниши) на высоте около 5 м. Нами эти петроглифы были найдены только в 1968 г. Они оказались здесь на участке скалы протяжением 10 м (№ 81—89). Кроме того, еще семь групп изображений (№ 90—96) мы нашли выше на высоте 15—20 м, на левой стороне этой же скалы, в 20—30 м от петроглифов, впервые увиденных Н. М. Саморуковым.

81. На правой стороне ниши наверху, под карнизом на вытянутой горизонтально отвесной плоскости, слева вдоль верхнего края плоскости мелко выбит ряд человеческих следов, ниже рядом параллельно ему следы какого-то животного, вероятно собаки. Правее, сразу же как кончаются эти следы и расширяется площадь для рисования, художник изобразил в ряд байдару с пятью гребцами в виде черточек, далее какое-то животное, возможно оленя, от изображения которого сохранился только непонятный фрагмент, затем очень реалистическую фигуру оленя, идущего или плывущего направо, два следа идущего человека, две схематичные антропоморфные фигуры с расставленными руками и ногами, вторая из которых имеет голову в виде гриба, и два следа стоящего человека. Под последними маленький силуэт «тонущего» (хвостовой частью вниз) оленя и большой продолговатый след лапы какого-то животного (или просто пятно) и после интервала в 8—10 см фрагмент большого силуэта какого-то животного (возможно, оленя), еще один маленький силуэт животного вроде оленя, тоже хвостом вниз (тонущего или убитого), продолговатое пятно вроде следа и след (медвежий?) с двумя ясно различимыми когтями. Два больших шестипалых следа и фрагмент силуэта какого-то животного под упомянутыми выше антропоморфными фигурами составляют второй, нижний ряд образов данной композиции, имеющей в целом ясно выраженный повествовательный характер.

82. Выбита (неглубоко) в самой середине ниши, на двух взаимно-перпендикулярных плоскостях одного из нижних сланцевых блоков, на которые расчленена широкими и глубокими трещинами стена ниши (см. рис. 1). На лицевой, передней плоскости с левого края высечены лодка с сидящим в ней человеком (последний в виде черты) и под нею странная, очень схематичная человеческая фигура с расставленными вытянутыми в стороны одной прямой линией руками. Конец правой руки (если считать, что фигура смотрит на зрителя) слегка загнут вниз, на конце левой руки выбито большое округлое пятно (бубен?). Под последним вертикальная широкая короткая черта и рядом правее такая же. Еще восемь примерно таких больших пятен и отдельные скопления мелких точек нанесены в разных местах композиции вокруг следующих далее вправо фигур. Центральным образом всей композиции является большой олень,

плывущий налево к упомянутой выше длиннорукой фигуре. Олень изображен реалистично, хотя и несколько стилизовано. Голова у него узкая и маленькая, шея плавно переходит в расширяющееся к заду туловище, копыта слегка стилизовано растопырены. Вокруг заднего копыта овальное пятно из близко одна к другой выбитых точек. Туловище оленя очерчено желобчатым контуром, все пространство внутри которого заполнено густо выбитыми точками (см. рис. 1). За оленем следует лодка с сидящим в ней человеком (в виде черточки) и животное, очень напоминающее песца, хотя это может быть и волк, и собака; конец хвоста его переходит на следующую плоскость, перпендикулярную к данной (за угол), — на эстампаже это выразилось в резком перегибе хвоста — и действие на той плоскости разветвляется дальше. Там мы видим еще две оленьи фигуры, идущие в том же общем направлении (налево), они расположены одна под другой, и верхняя из них сохранилась лишь частично.

83. Рядом с предыдущей, правее и выше нее, за широкой трещиной. Состоит из одних только неглубоко выбитых пятен-следов разных размеров и формы: относительно крупных овальных — справа и мелких округлых — слева. Среди них угадываются оленьи, собачьи и человеческие. Очевидно, эта композиция продолжается и вниз, где за трещиной на другой уже плоскости также выбиты идущие рядом сверху вниз следы и где имеются к тому же различные фигуры животных и людей, вероятно, связанные со всеми этими следами (см. композицию 84).

84. По сторонам от идущего сверху от левого края предыдущей композиции 83 двойного ряда следов выбиты маленький олень головой вниз, вероятно убитый, и скопление из шести следов: трех крупных и трех мелких овальных, возможно человеческих. Далее вниз эта двойная цепочка следов переходит в ряд различных фигур, идущий сначала направо и горизонтально, а затем вверх полукольцом к правому краю следов композиции 83. Обе композиции составляют, таким образом, единое замкнутое кольцо из следов и различных мелко выбитых очень светлых фигур: оленьих, собачьих и антропоморфных. Одной из главных фигур является, очевидно, как обычно, антропоморфное изображение гриба (гриб на голове человека), нарисованное под двойным вертикальным рядом следов слева. Рядом с ним, но еще левее и выше выбито нечто вроде собаки или песца и еще три фигуры, от которых сохранились фрагменты, напоминающие человека (две фигуры сверху) и оленя. Правее, продолжая полосу образов, размещается центральный и, судя по размерам и выразительности, конечно, главный персонаж композиции: большое, хотя и схематичное, изображение человекоподобной фигуры с широко расставленными и округло спущенными вниз руками (ноги его сохранились не полностью, вероятно, они тоже были расставлены в стороны). Справа от этой фигуры две горизонтальные черты, означающие, скорее всего, две лодки, одна под другой; они устремлены от центральной человекоподобной фигуры направо, вслед за тремя оленями, преследуемыми двумя собаками. На повороте композиционной полосы кверху над крайним справа оленем выбито какое-то очень странно стилизованное длиннохвостое животное, а выше, завершая полосу, — олень, обращенный своей маленькой головой на изящно очерченной шее направо; над хребтом этого оленя выбита вышуклой своей стороной вверх подковообразная полоса. Если не считать последнего оленя, то стиль этой композиции отличается небрежностью. Тем не менее у остальных оленей, хотя и аляповато выполненных, прорисованы оба рога, а у одного даже две передние ноги.

85. Сразу же вправо за композицией 83, за трещиной на отдельной плоскости. Слева очень схематично выбита антропоморфная фигура с расставленными ногами и воздетыми вверх руками, правее — фрагмент изображения какого-то животного, может быть, оленя, след человеческой ноги и еще два пятнышка поменьше.

Ниже, на узком изломе плоскости камня продолжение композиции: фигура оленя хвостовой частью вниз (убит?), шляпка от гриба и верхняя часть антропоморфной фигуры с двойным грибом на голове.

86. На правой боковой стороне ниши: аляповатое изображение оленя головой направо, к реке и под ним антропоморфная фигура с грибом на голозе. Руки и ноги ее разведены, под нею черта.

87. Там же, правее: антропоморфная фигура с короткими раскинутыми, наподобие ласточкина хвоста, ногами и разведенными руками, одна из которых очень похожа на крыло птицы (ворон?). Правее наискось черта и гриб.

88. На торце продолговатой плиты среди нагромождения камней перед нишей, ближе к ее левому краю. Выбиты две байдары (в одной четыре человека), под ними олень мордой направо.

89. С правой стороны ниши, под карнизом на большой отвесной плоскости огромной останцовой глыбы. Значительная часть петроглифов (выбитых неглубоко) была здесь покрыта лишайником. После его удаления открылась большая (около 30 см высотой) фигура человека, стоящего в спокойной позе со слегка разведенными руками; два оленя над нею и вереница из пяти плывущих к этой фигуре больших байдар, среди которых нарисована и одна одноместная лодочка. Все эти силуэты выбиты довольно небрежно, но благодаря диагональной компоновке в целом хорошо передают движение. Примечательно, что у оленей нарисовано по два рога, по четыре ноги и по одному уху. В байдарках сидят по 4, 5, 6 и 10 человек.

90. Открывает серию петроглифов (90—96), сохранившихся значительно выше ниши с петроглифами с левой стороны камня X. Это самая нижняя композиция, на высоте 12 м от уровня реки, на расстоянии около 20 м влево от ниши. Среди фрагментов трех совсем почти стертых неопределенных фигур хорошо сохранился только силуэт плывущего направо оленя с одноместной лодкой позади него.

91. Сразу же под композицией 90, на отдельной плоскости, тоже на совсем вертикальном углу скалы. Изображает идущих влево медведя, треугольно стилизованного оленя с одноместной лодкой позади него, многоместную байдару, очень аляповато выбитого оленя и три пятна (фрагменты фигур?) между ними и байдарой.

92. Несколькими метрами правее и немного выше предыдущей, на соседнем вертикальном уступе скалы. Выбиты треугольно стилизованная фигура оленя, идущего направо, и одноместная лодка.

93. На торце плиты, выступающей справа от предыдущего петроглифа, на 2—3 м правее него. Изображен идущий вправо треугольно стилизованный олень с широклопастными рогами. Сзади на него набрасывается собака. Между нею и оленем овальное пятно, такое же пятно перед оленем.

94. На соседнем уступе, на 2 м выше и правее. Грубо выбит олень.

95. Еще на 2 м правее и выше, на отдельном выступе. Картина не столько реальная, сколько символическая. Посредине каяк, обозначенный вертикальной черточкой, сидящий в лодке охотник гребет двухлопастным веслом. По сторонам лодки два движущихся в противоположные стороны оленя, каждый из которых поражен каким-то метательным оружием, направленным в спины животных от места чуть выше головы охотника. Каждый из этих метательных снарядов обозначен прямой линией, входящей одному оленю в хвостовую часть, другому — в спину.

96. Еще на 1,5 м выше и правее предыдущей, на выступе того же гребня скалы. Выбит один треугольно стилизованный олень, идущий направо.

Камень XI

Эта последняя разрисованная скала возвышается там, где бечевник правого берега реки Пегтымель постепенно переходит в отлогую песчаную косу. Все петроглифы здесь обнаружены со стороны крутой ложбины на южной, обращенной к реке стороне каменного останца. Все они выбиты неглубоко, очень светлые, почти белые. Находятся в одном месте совсем рядом, на изломах большой плоскости скалистого уступа (см. рис. 53). Занимая сравнительно небольшую площадь (около $2 \times 0,8$ м), они тем не менее не образуют одну композицию, а сгруппированы в несколько обособленных, объединенных каждая своим сюжетом композиционных групп.

97. В левом верхнем углу поверхности — фигура стоящего человека с вытянутыми в стороны руками.

98. На 60 см левее и ниже — почти такая же фигура, только с признаком мужского пола и в горизонтальном положении.

99. На 55 см правее предыдущего петроглифа. Занимая всю площадь отдельного излома поверхности — сценка охоты на кита с байдары. В байдаре 6 человек. Пятеро из них обозначены, как обычно, вертикальными черточками. Шестой, передний, стоящий на носу байдары, изображен более реалистично. В его руке гарпун, которым он поразил ки-

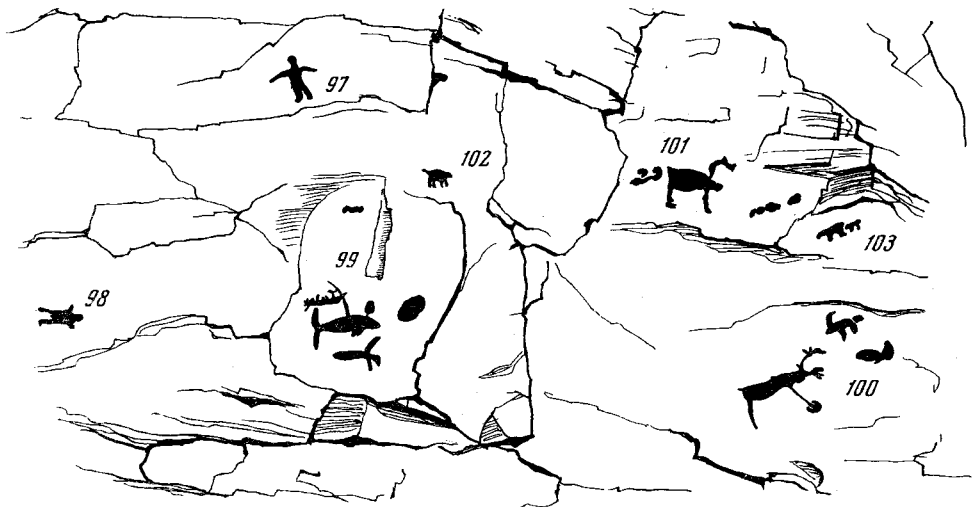

Рис. 53. Петроглифы на камне XI

та. Из дыхала его бьет фонтан (в виде пятна густо выбитых черточек). Фигура кита и байдара выбиты глубоко. Ниже кита выбито менее глубоко еще одно изображение китообразного с непомерно длинными плавниками. Перед носом загарпуненного кита — округлое пятно из густо выбитых точек (см. рис. 16).

100. В 80 см правее композиции 99 выбита группа из трех фигур. Олень с открытой пастью идет направо. Копыто его задней ноги стилизовано под птичью лапу, а вокруг переднего копыта — кружок. Другая тоже, вероятно, оленья фигура, обращенная мордой к первой, выполнена совсем небрежно, а от третьей сохранился только фрагмент (см. рис. 9).

101. На расстоянии 65 см вправо от композиции 99. Очень аляповато выбитый олень окружен с боков и снизу несколькими пятнами неопределенных очертаний. В двух из них (позади животного) угадывается лодка с охотником.

102. На расстоянии 30 см влево от этой сценки охоты на оленя (петр. 101) — изображение собаки, у которой нарисованы все четыре лапы.

103. На расстоянии 10 см от пятен композиции 101, за уступом плоскости изображены медведя и идущего за ним медвежонка.

Петроглифы возле третьей стоянки

Одинокая скала с обнаруженными в 1968 г. петроглифами находится в 10 км ниже ручья Кайкууль, впадающего с правой стороны в р. Пегтымель. На вершине скалы сохранились остатки третьей пегтымельской стоянки древних охотников. Скала вздымается совершенно отвесно на высоту более 25 м (см. рис. 5). На середине ее выбита большая композиция (см. рис. 54).

104. Три оленьих силуэта плывут направо. Впереди (один под другим) два поменьше и позади крупный (около 40 см длиной), а за ним маленькая лодка. Сидящий в лодке охотник держит двухлопастное весло и пику, нацеливаясь в оленя. Ниже этой лодки за оленем следы его копыт; выше лодки силуэт преследующей оленя собаки. И, наконец,

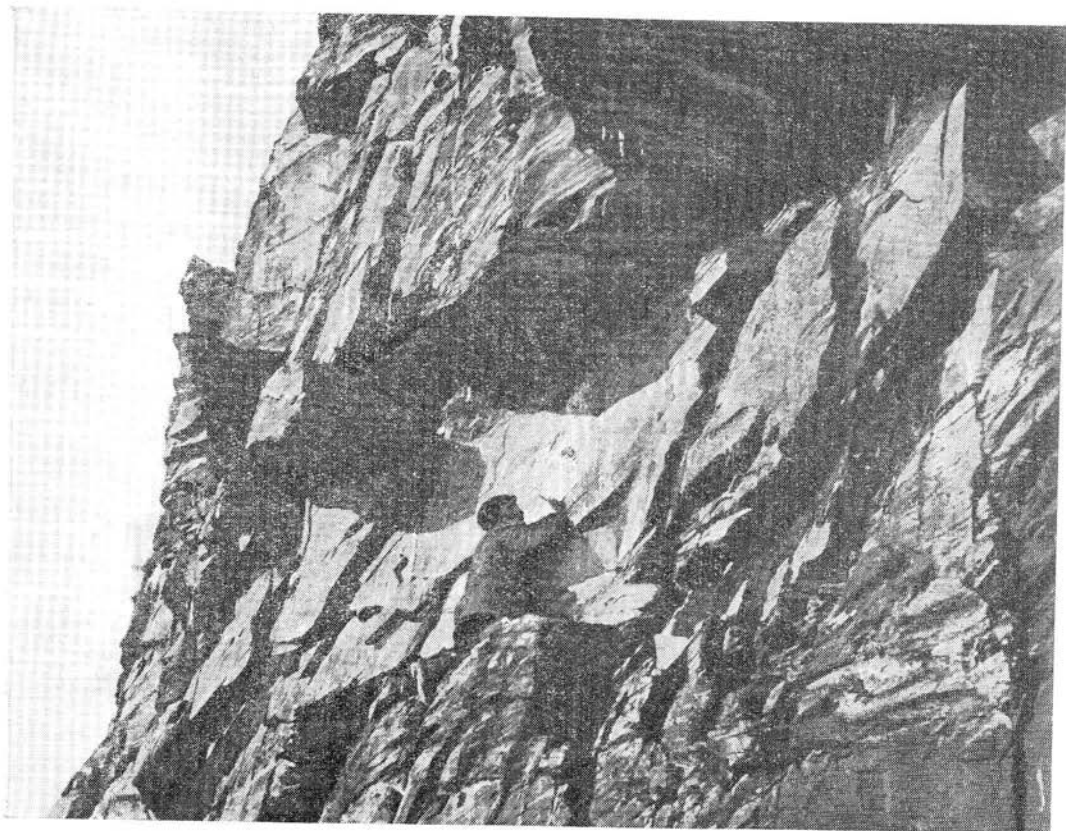
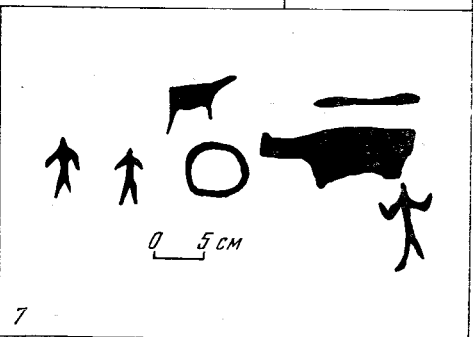
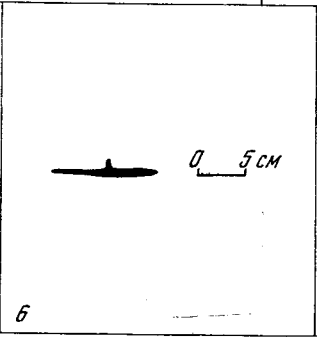
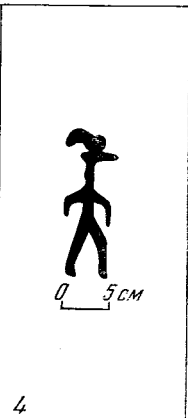
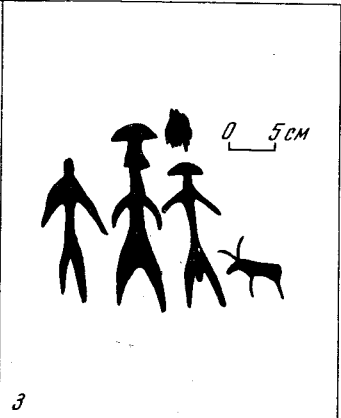
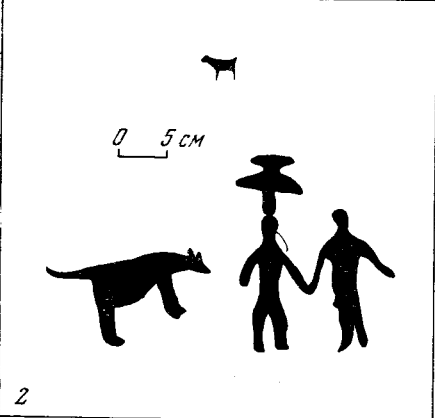
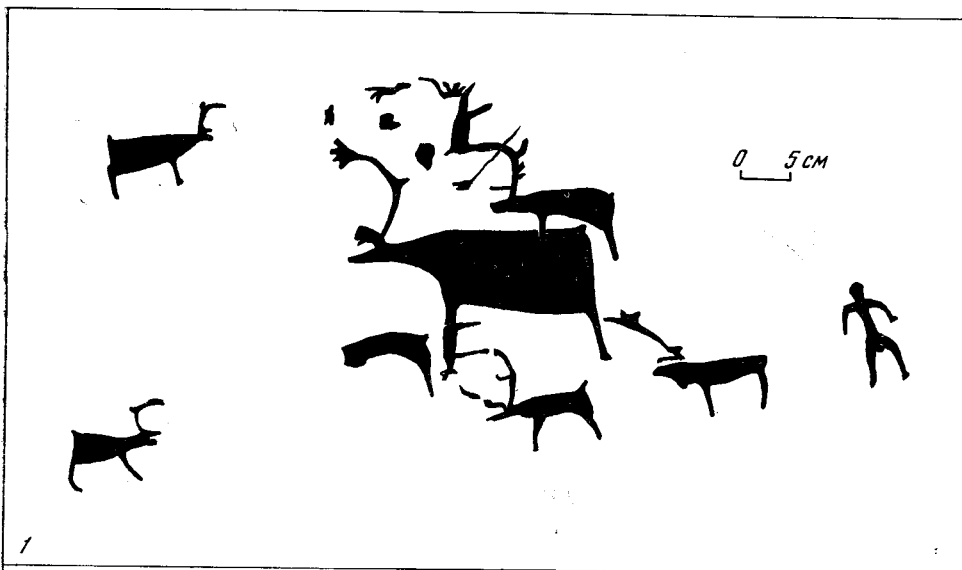
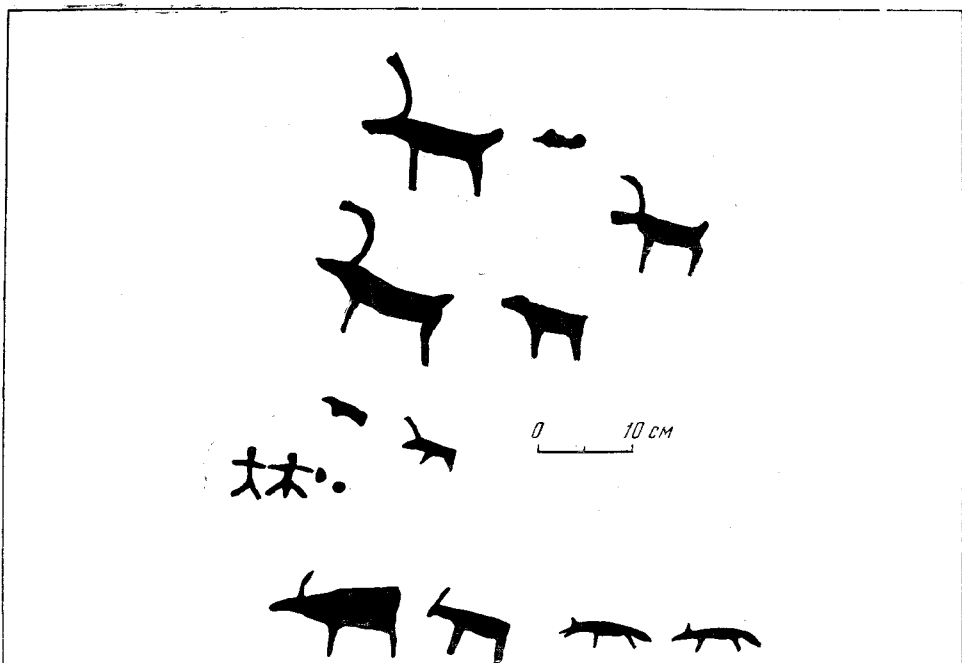

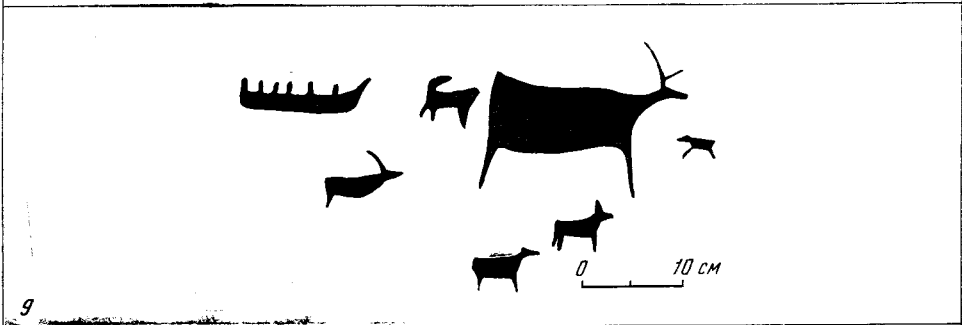
Рис. 54. Вид на скалу с петроглифической композицией 104

самое интересное: позади собаки выбита длинная цепочка ее следов — пять раз по четыре следа с интервалом между каждой четверкой следов; а на другом конце этой цепочки — грубо и схематично выбита фигура идущего по этим следам человека с палкой. Человек изображен в профиль сбоку. Очевидно, он идет по собачьему следу на лыжах, возможно на коротких, типа чукотских «вороньих лапок», и поэтому лыжи у него особо не обозначены. Возможно также, что лыжи на рисунке просто стерлись. Надо заметить, что сохранность этих интереснейших, но неглубоко выбитых петроглифов весьма неудовлетворительная. Во многих местах, особенно поверх средней части композиции, имеются большие натеки птичьего помета. Глифы обосновались на этой неприступной скале прочно и, видимо, давно; их гнезда устроены выше наскальных рисунков, а также в глубокой щели слева от них, где накопились мощные отложения птичьих капролитов.

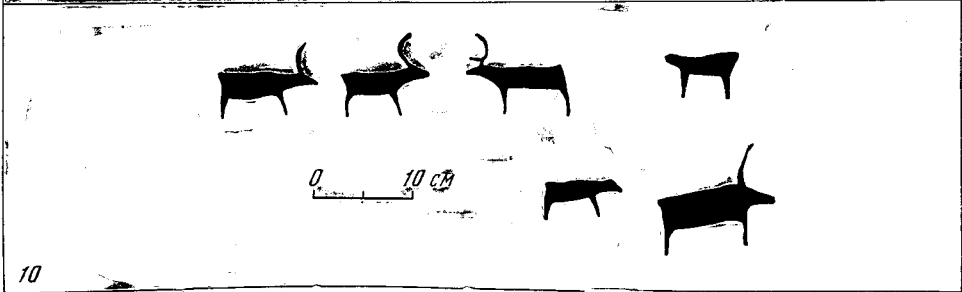

8

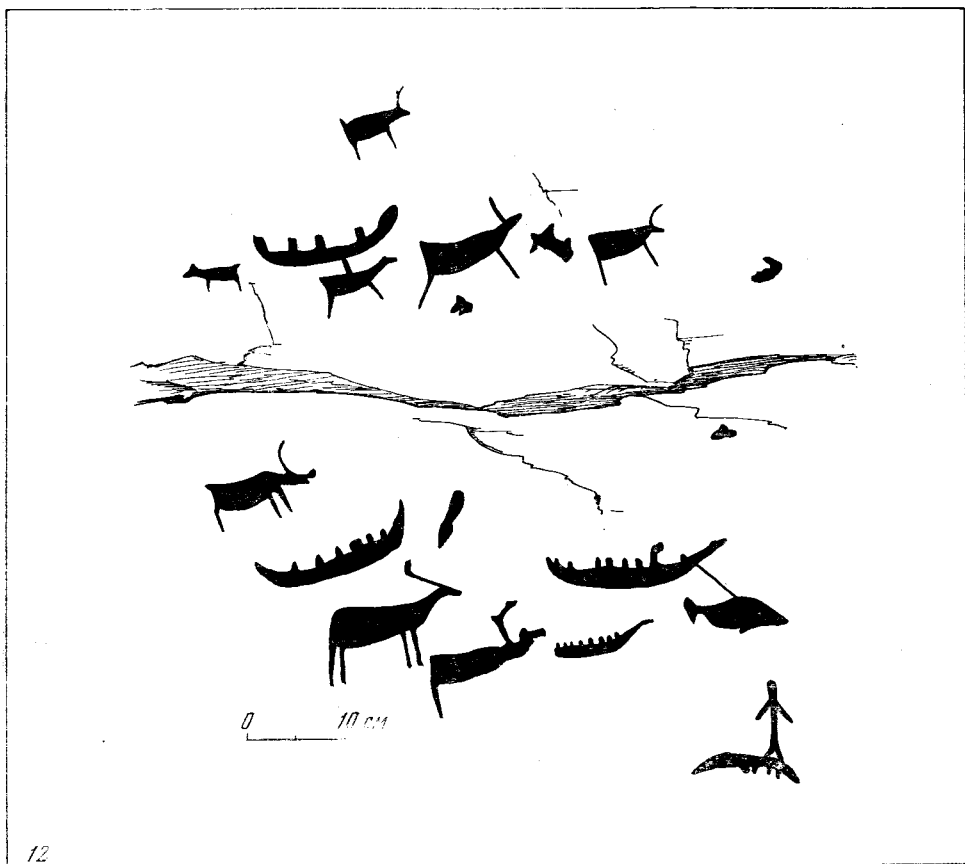
9

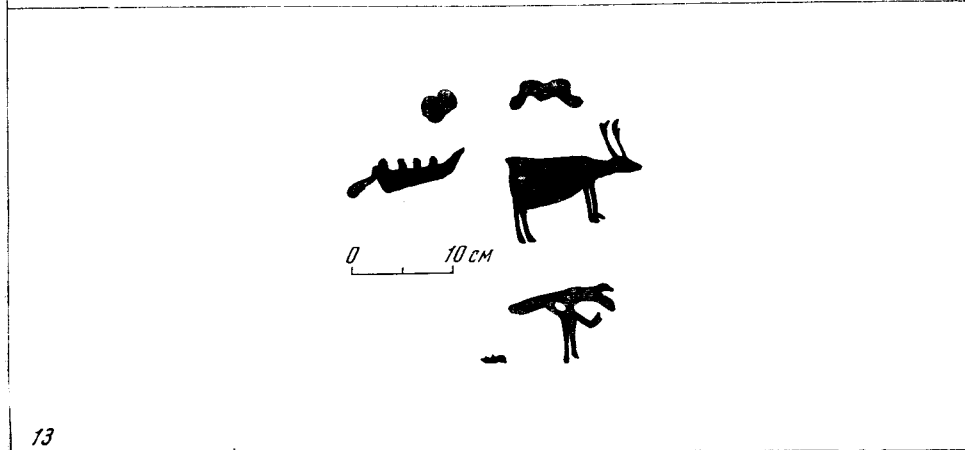
10

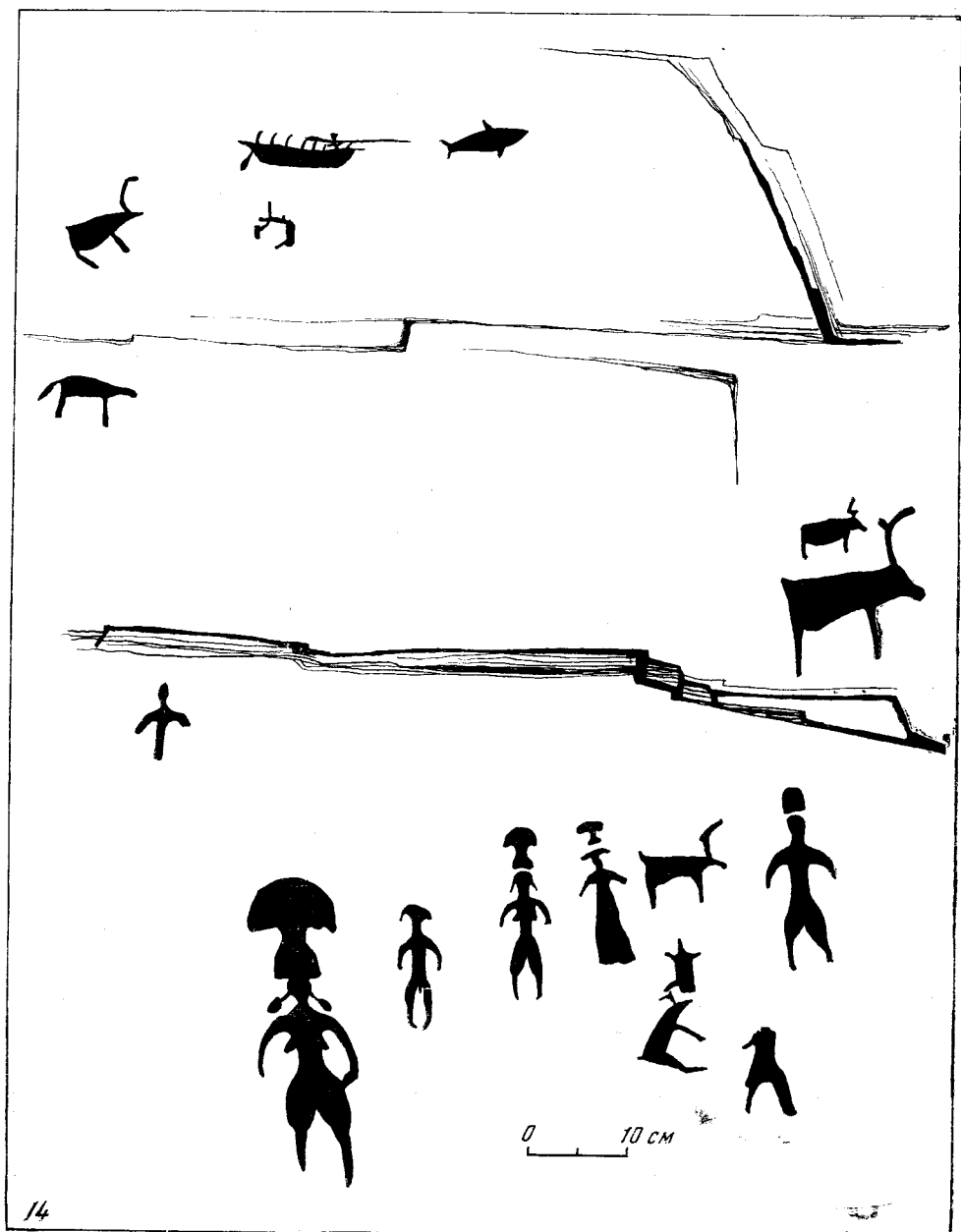

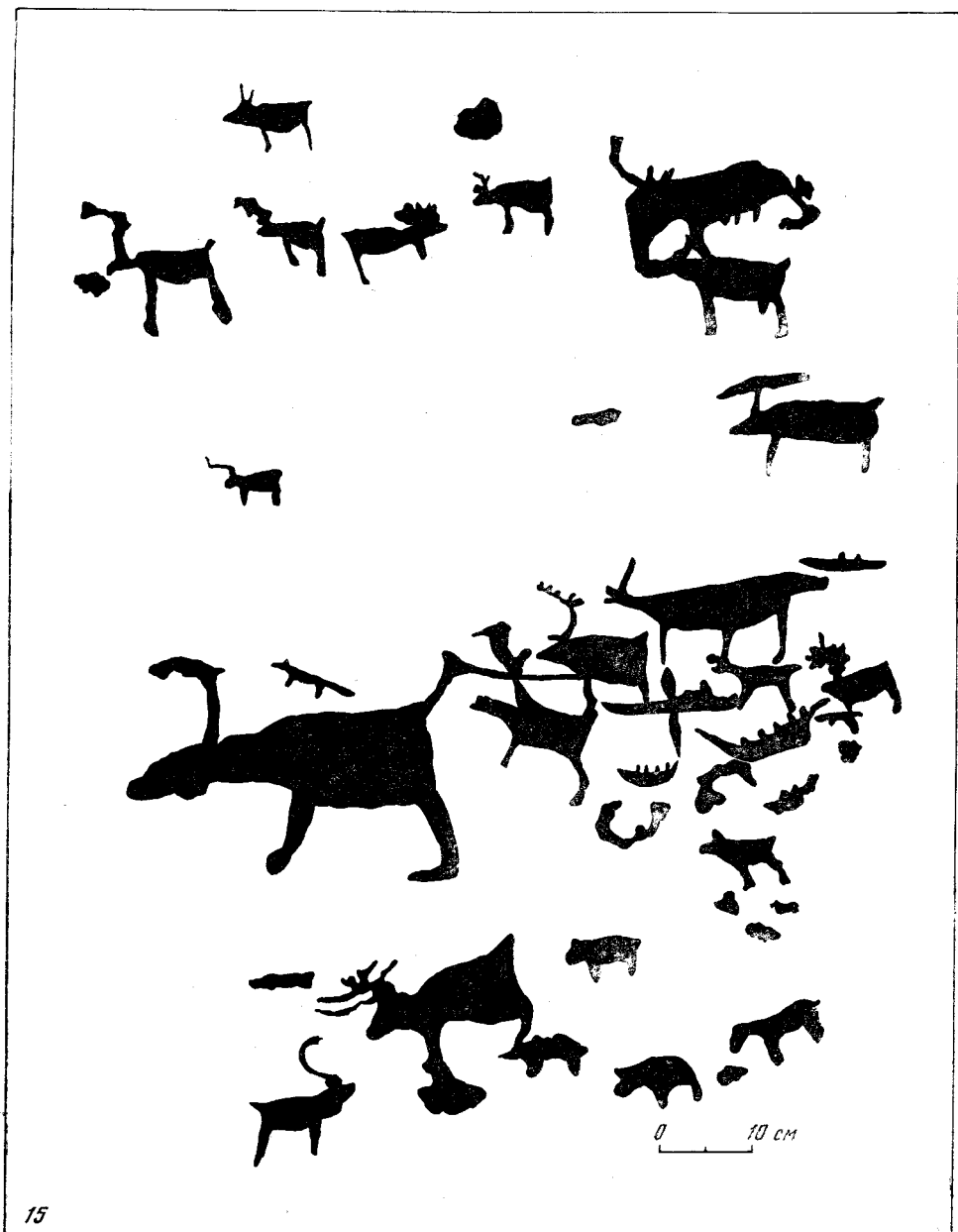
12

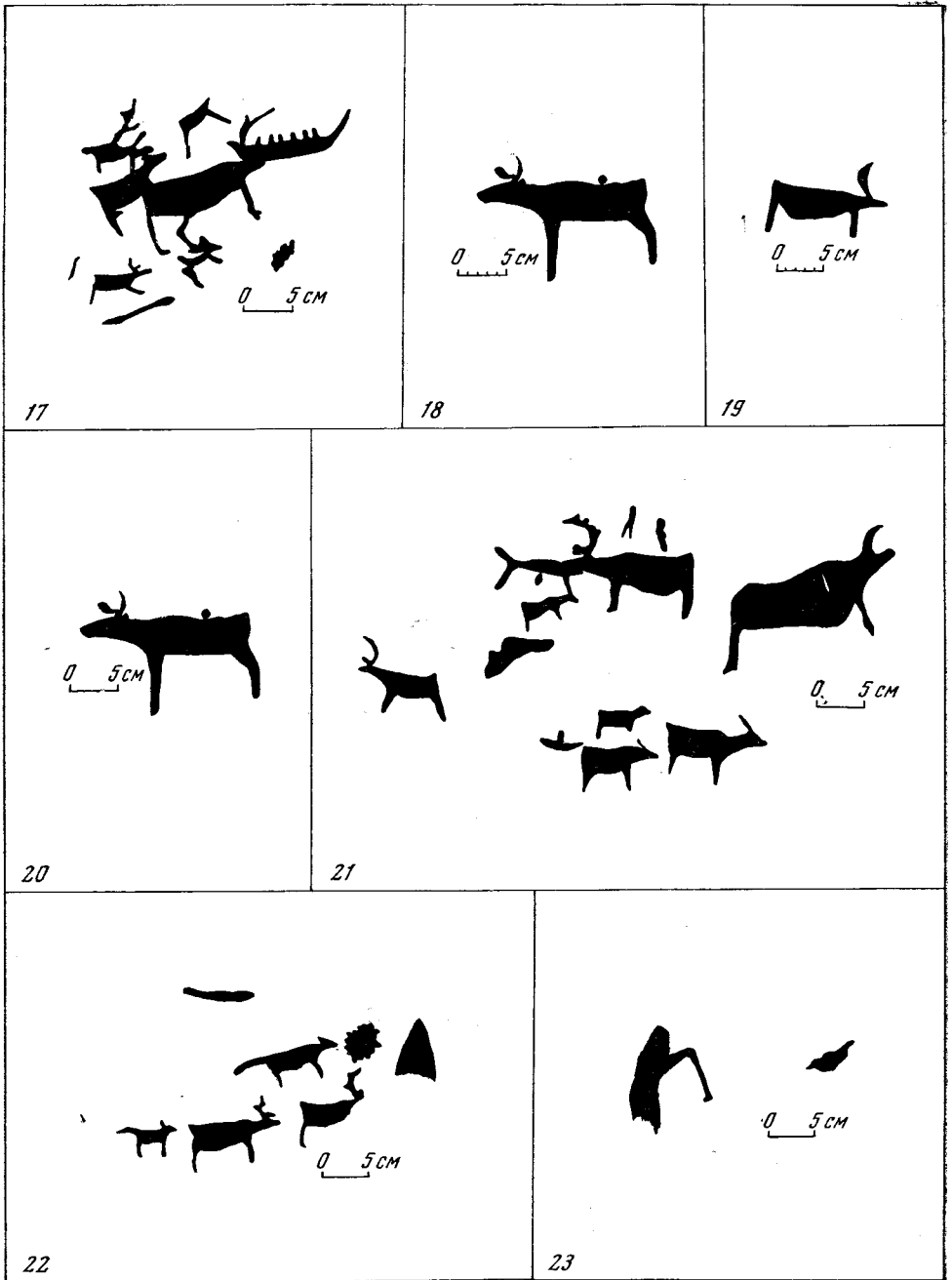
13

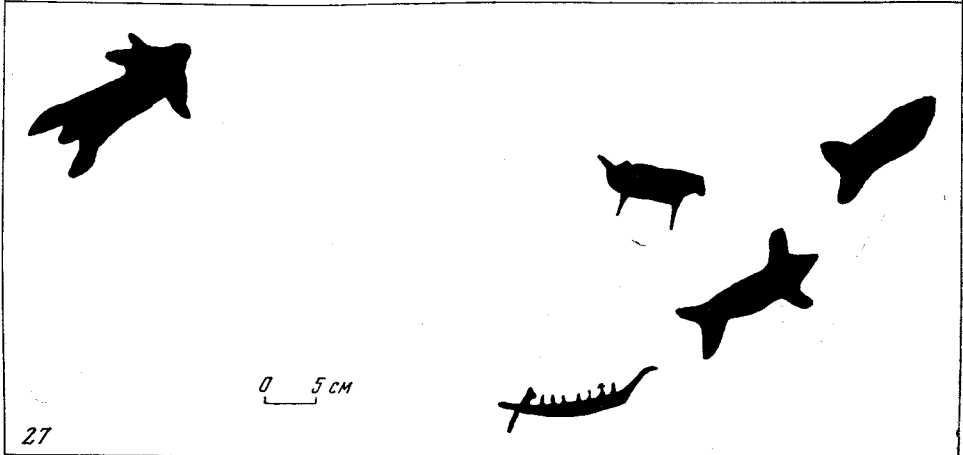
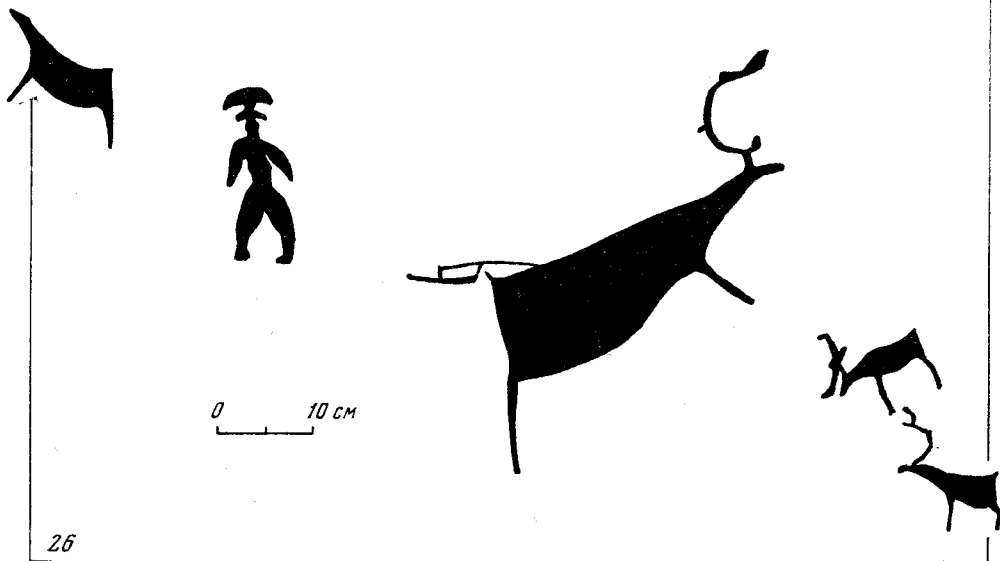
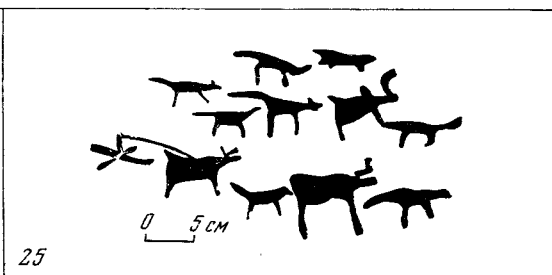
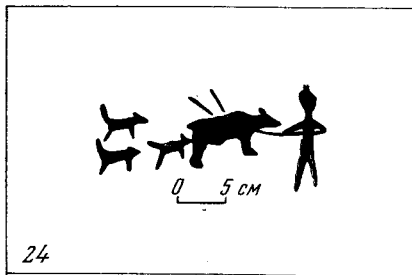

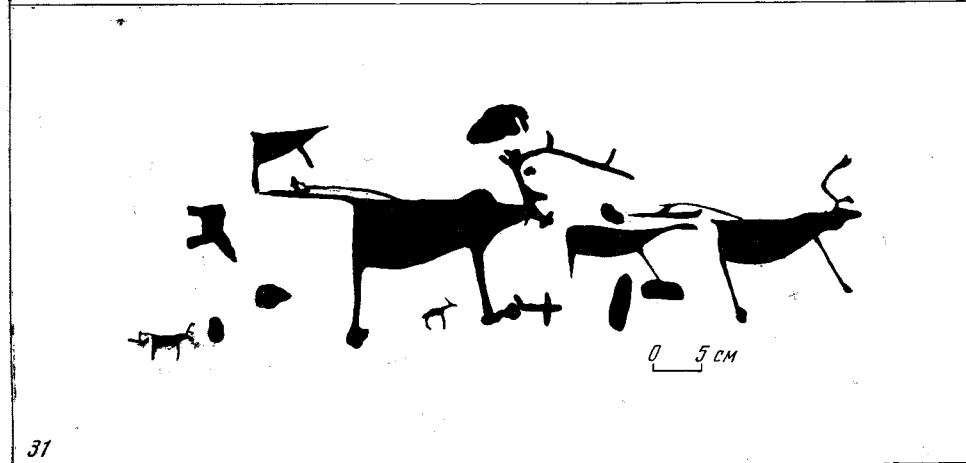
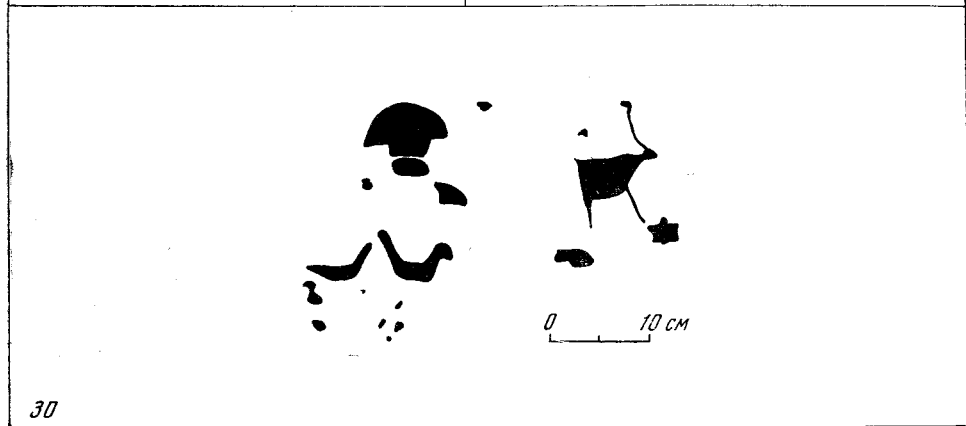
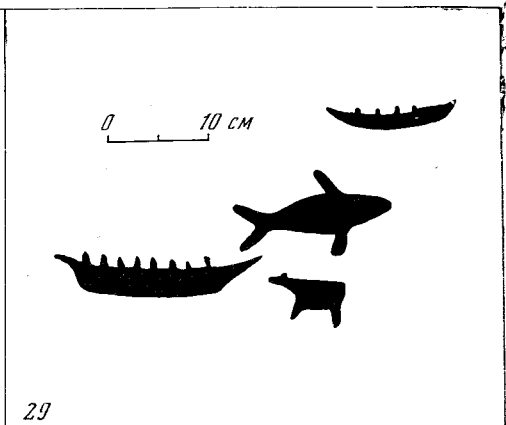
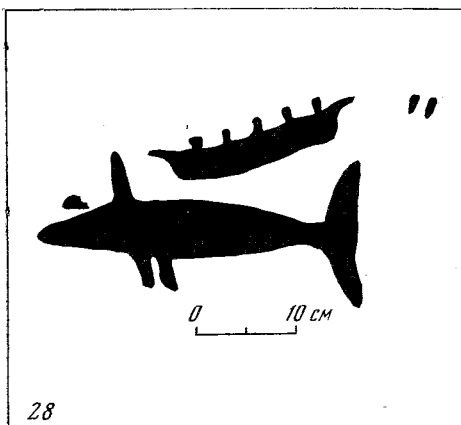
14

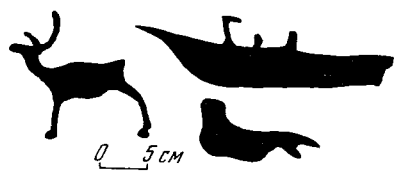

32

33

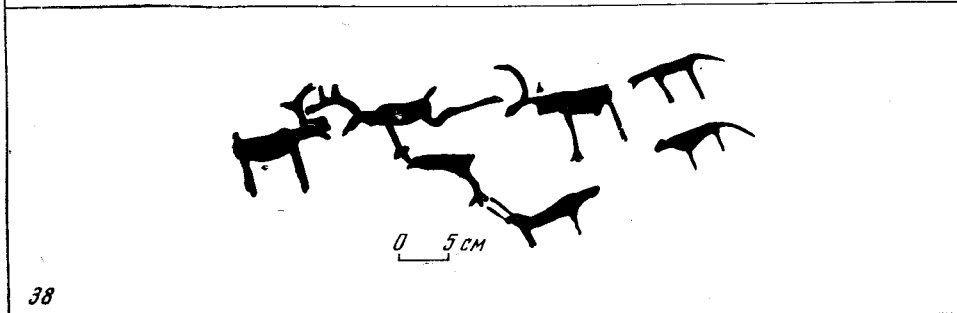
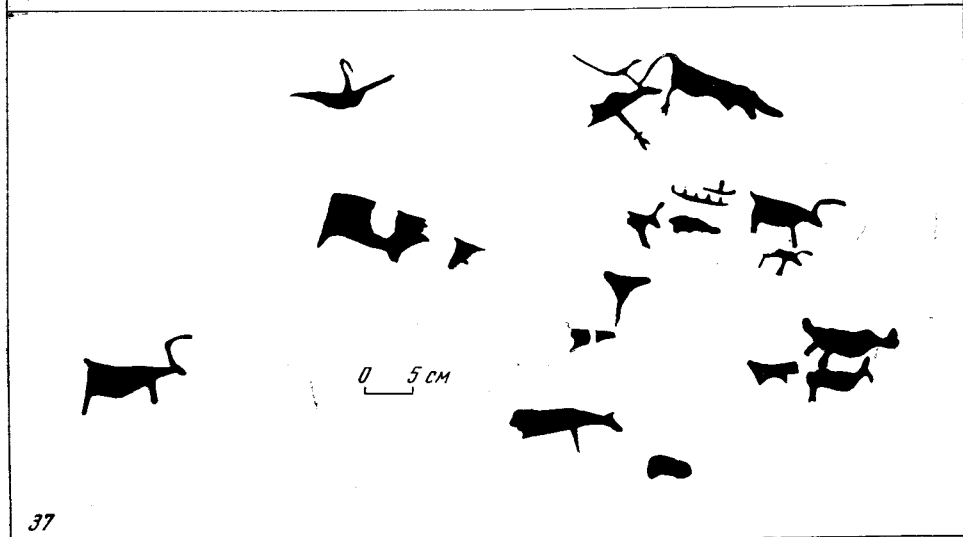
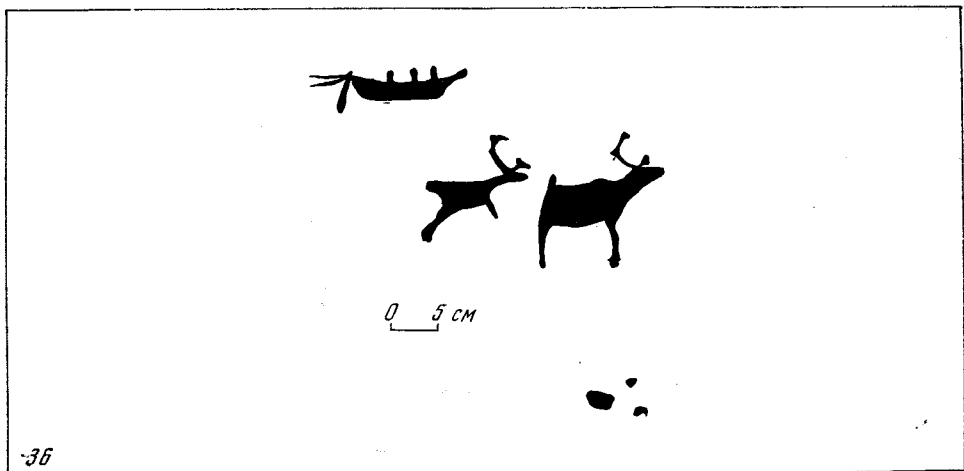

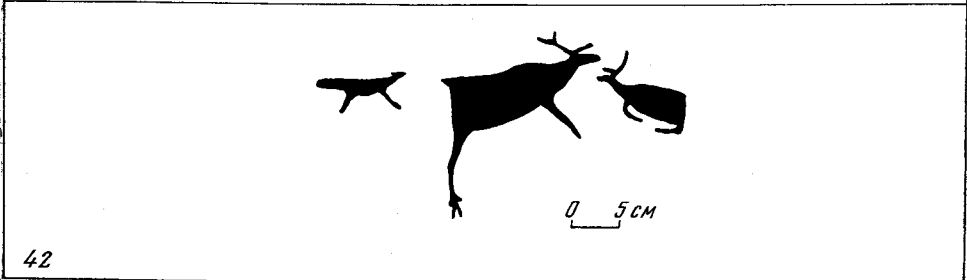
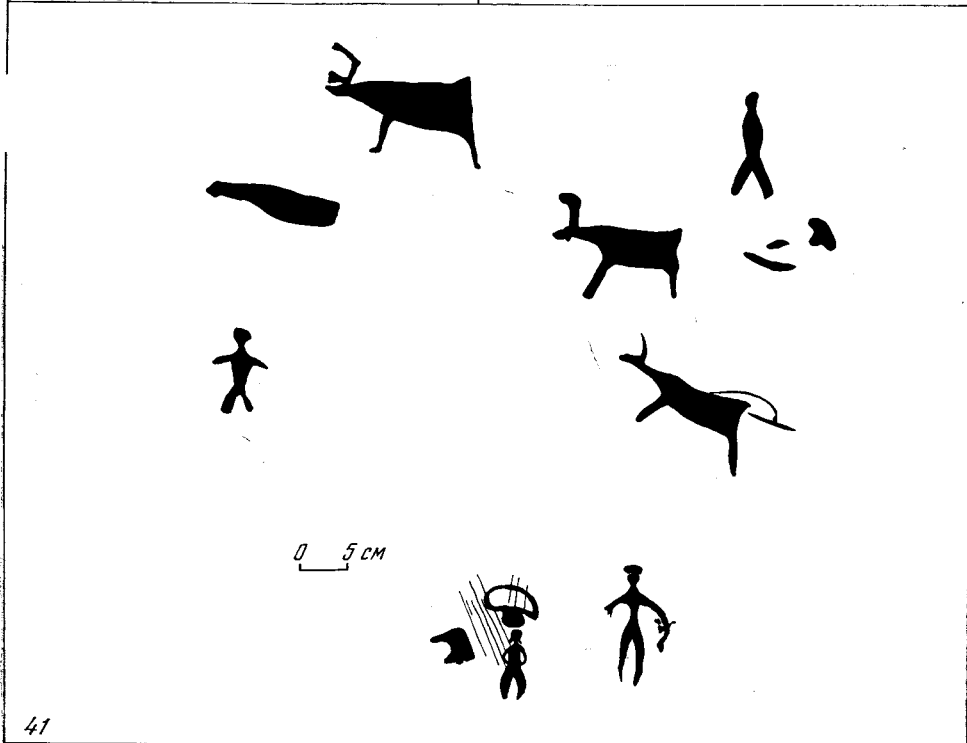
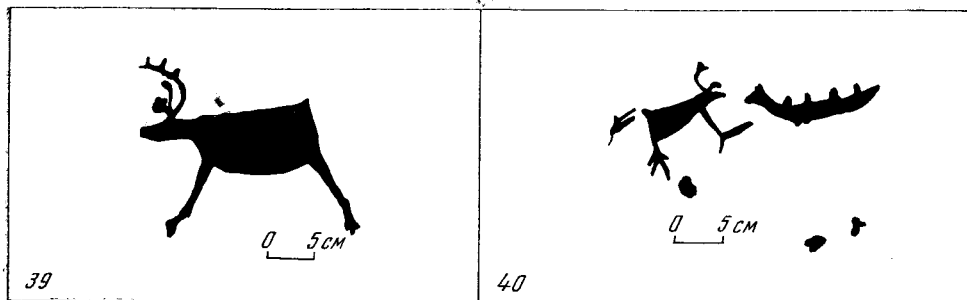
34

35

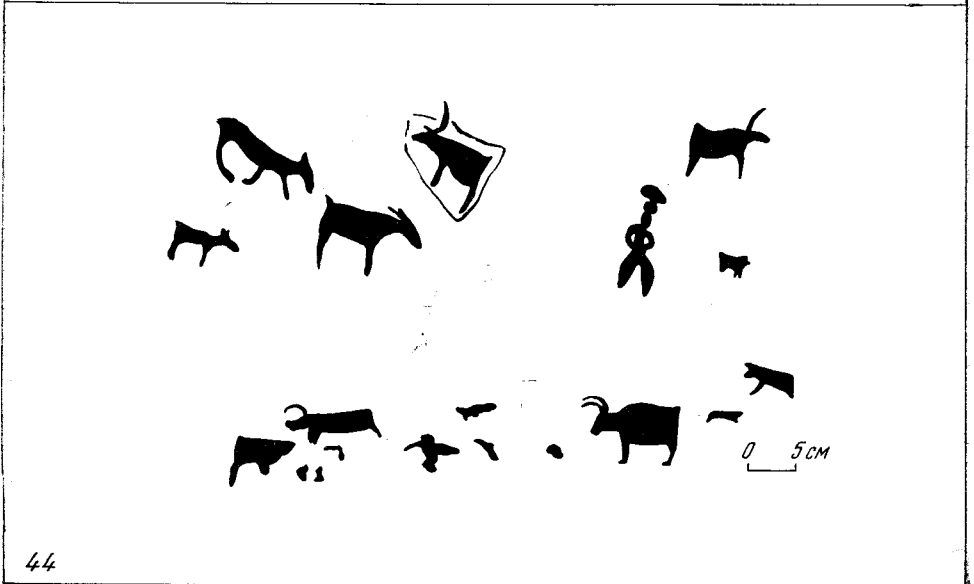

43

44

0 5 CM

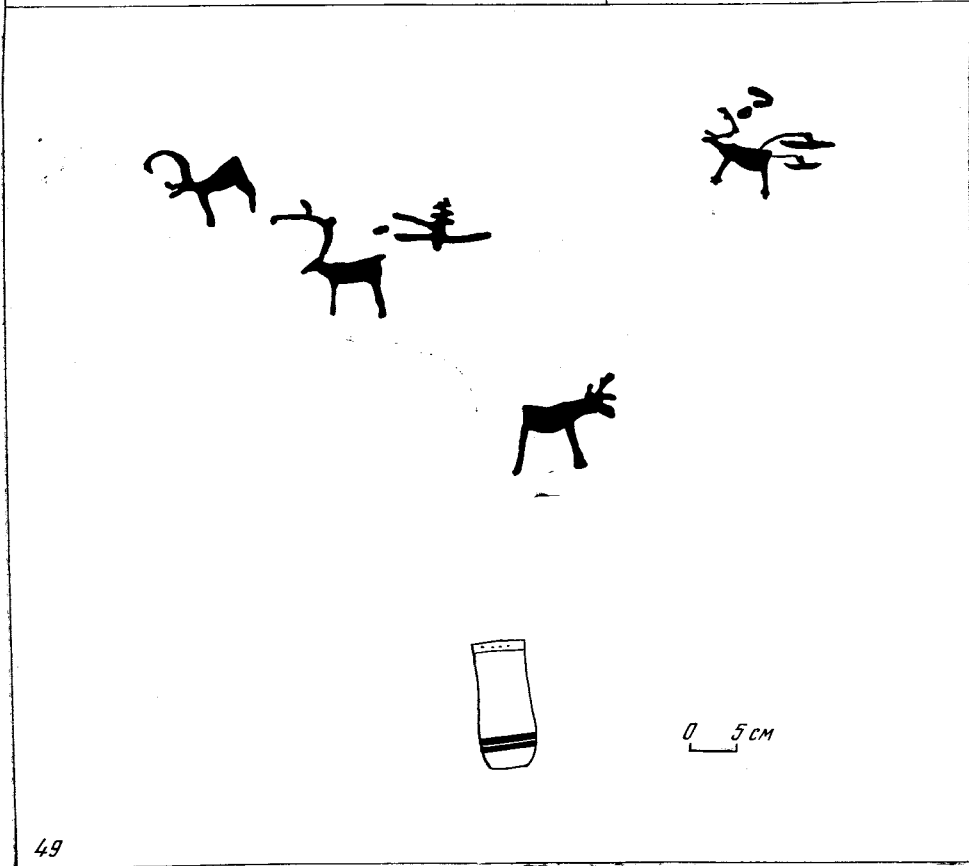
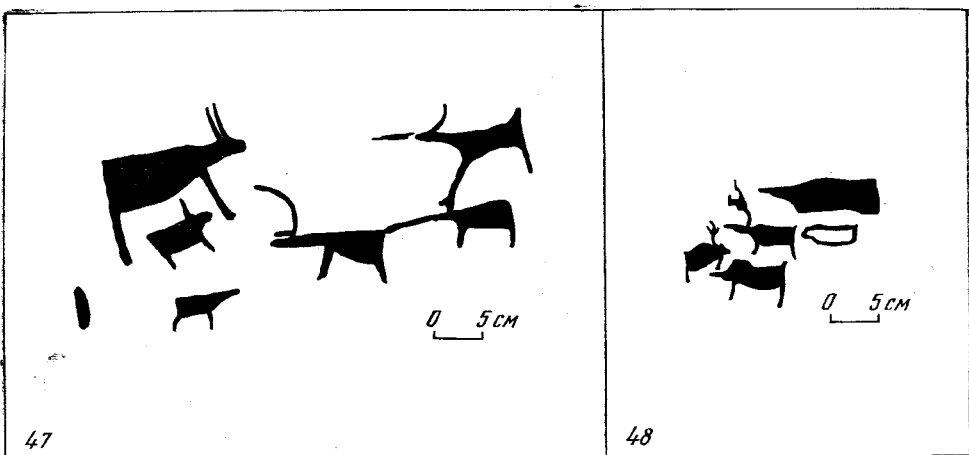

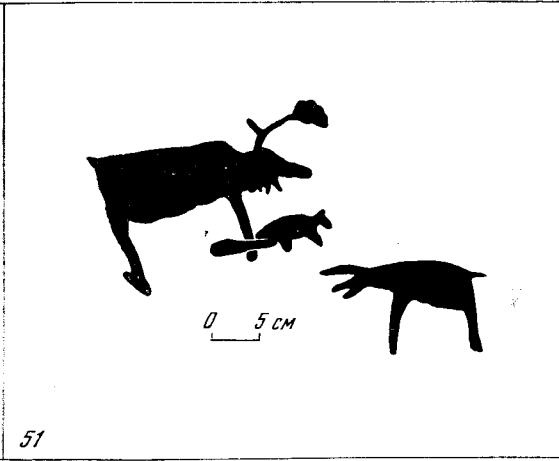
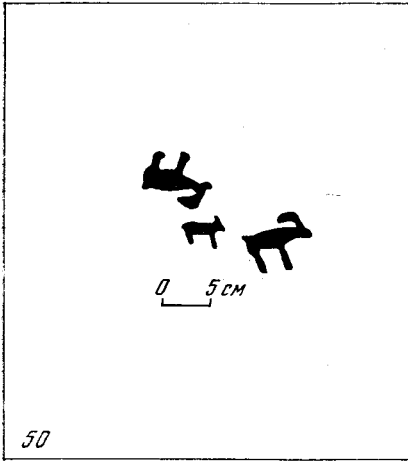
45

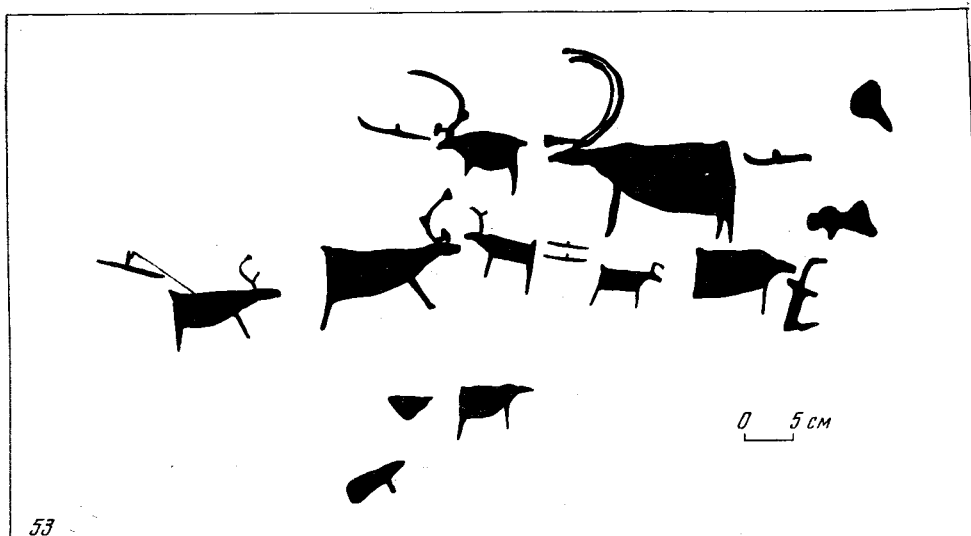

0 5 CM

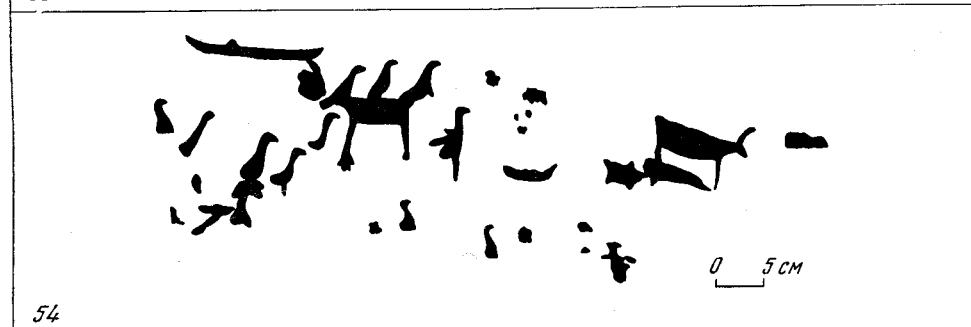
46

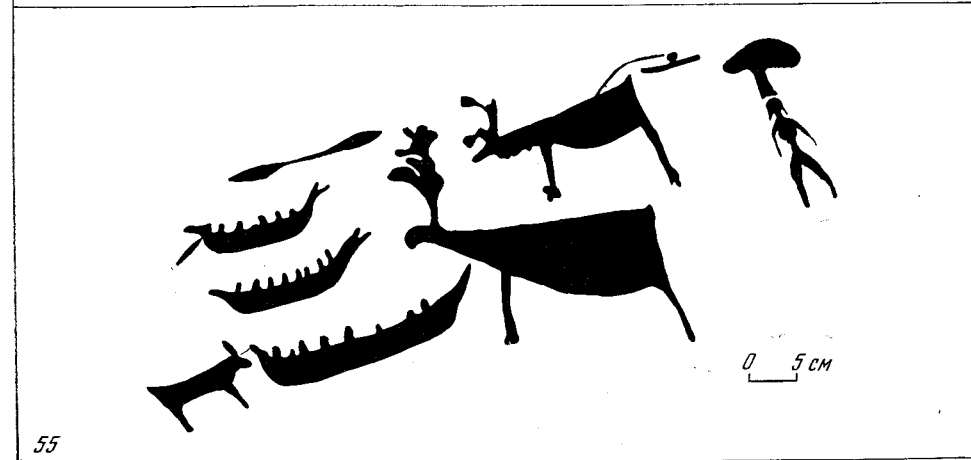

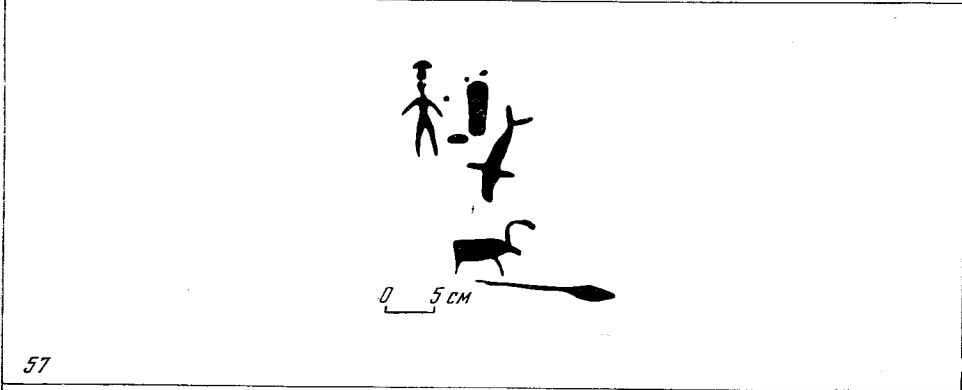
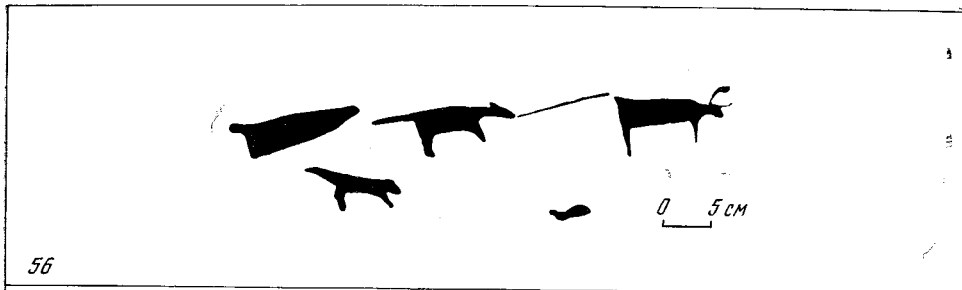
53

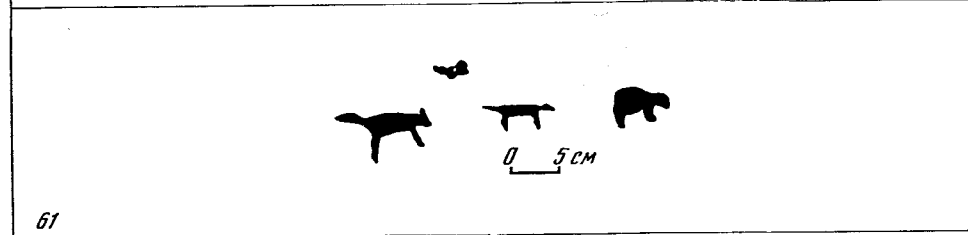
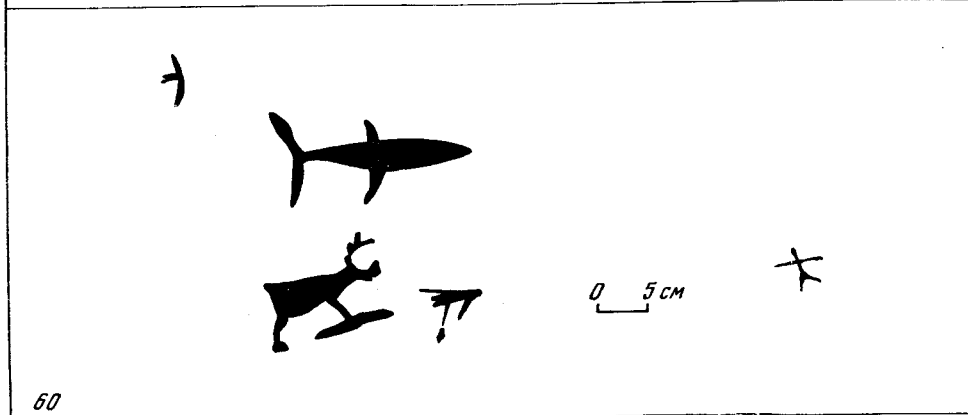
54

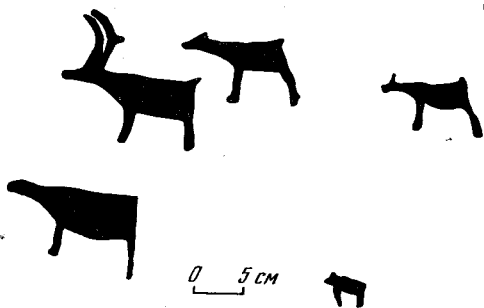

55

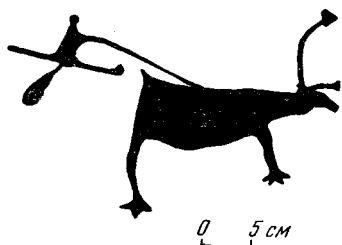

62

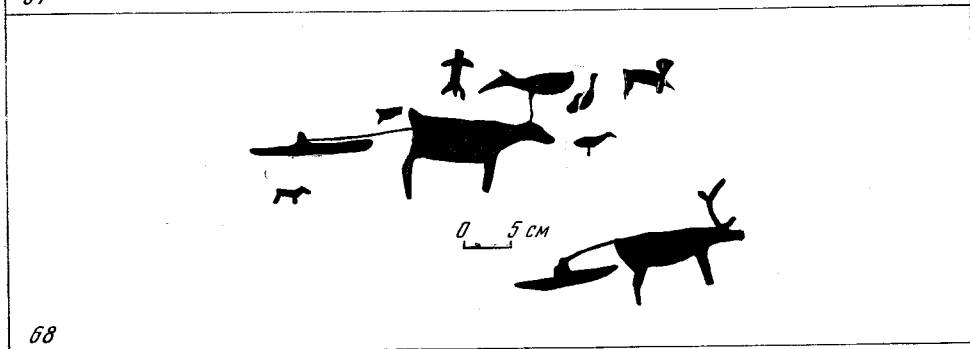
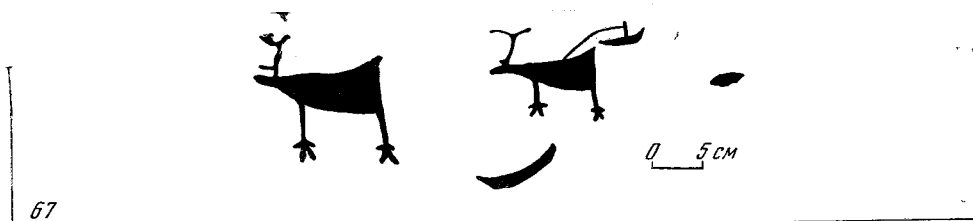
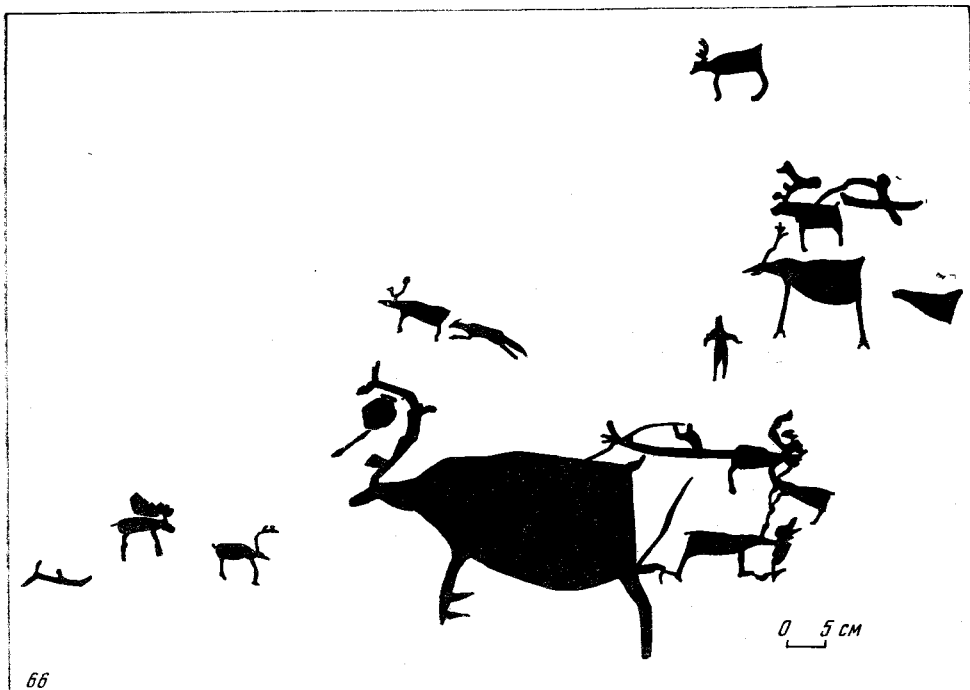
63

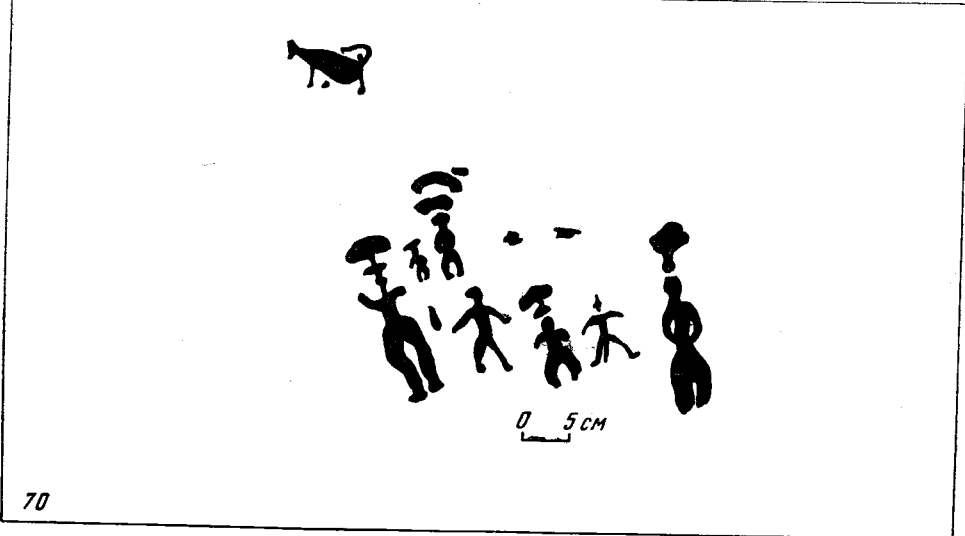
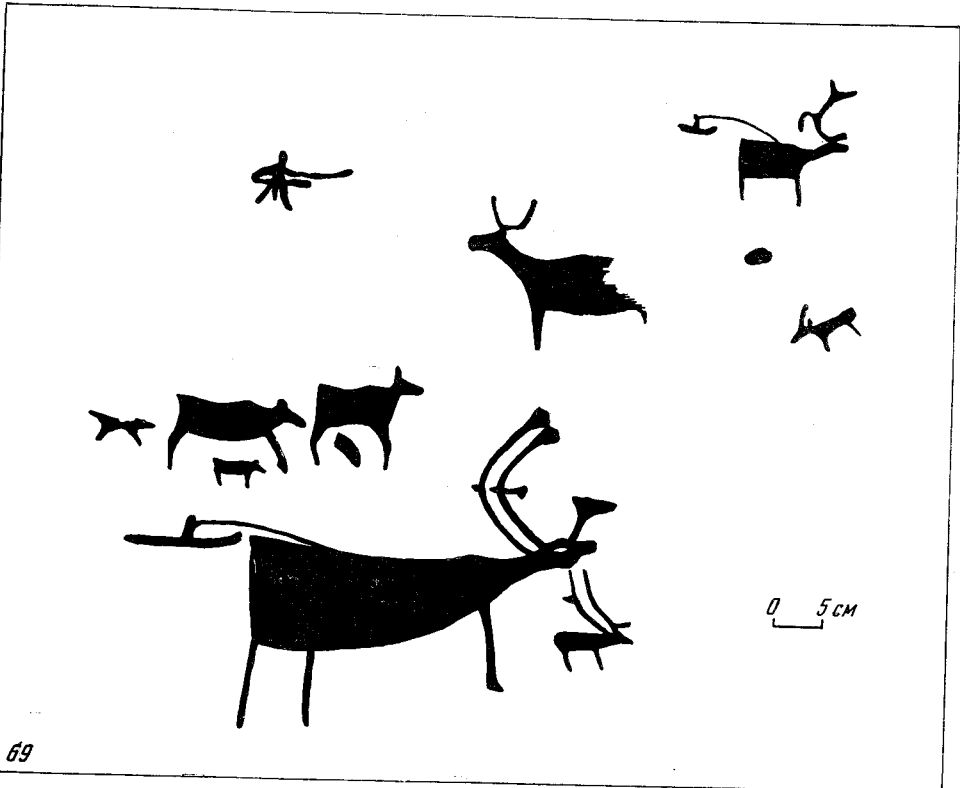

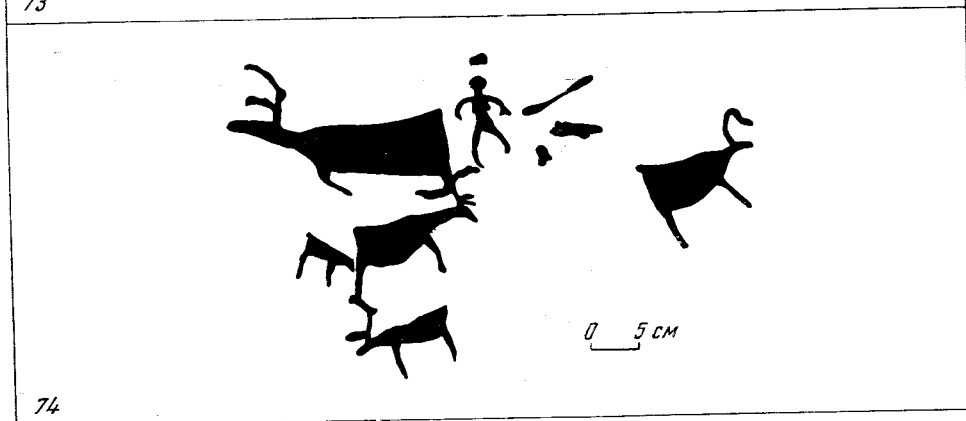
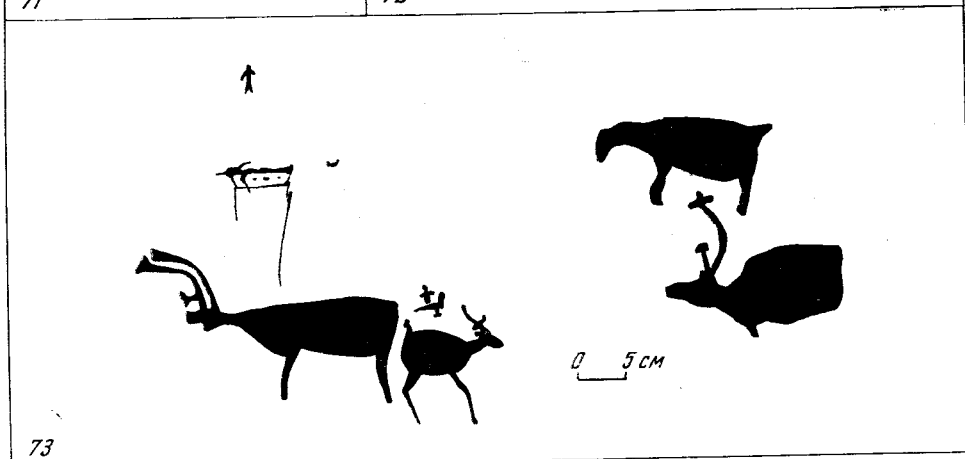
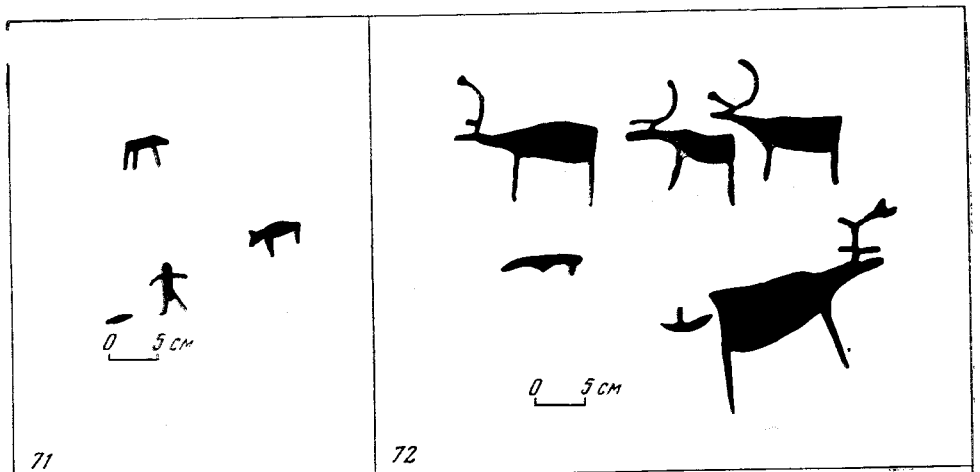
64

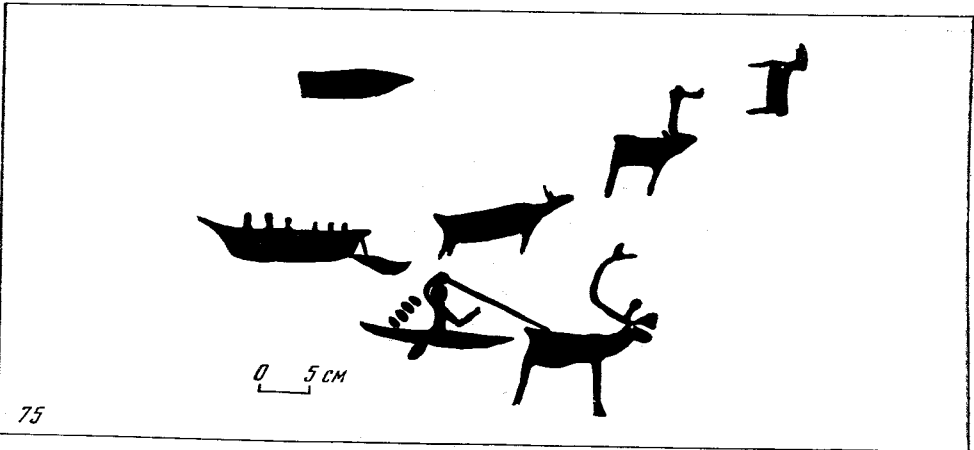

65

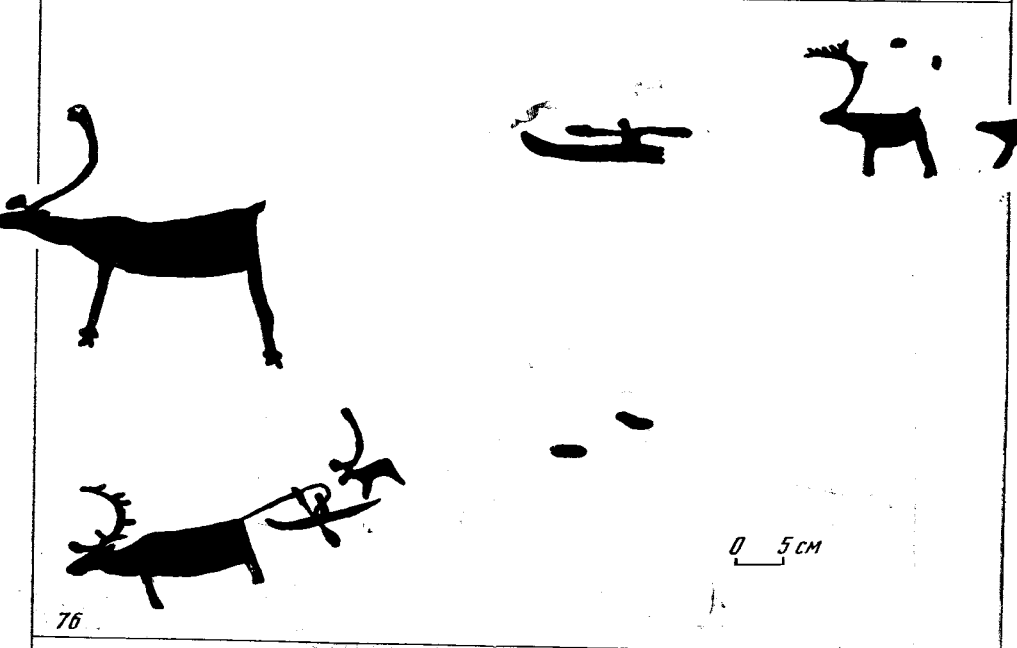

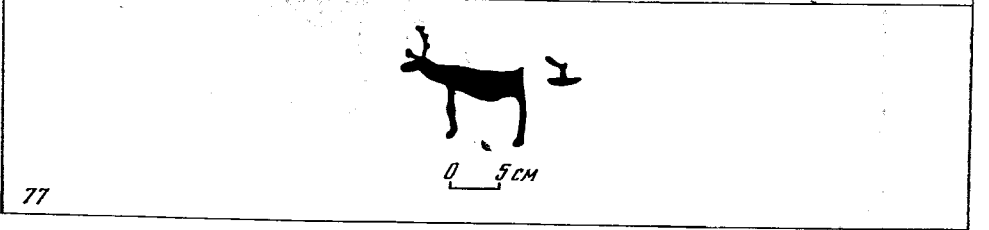

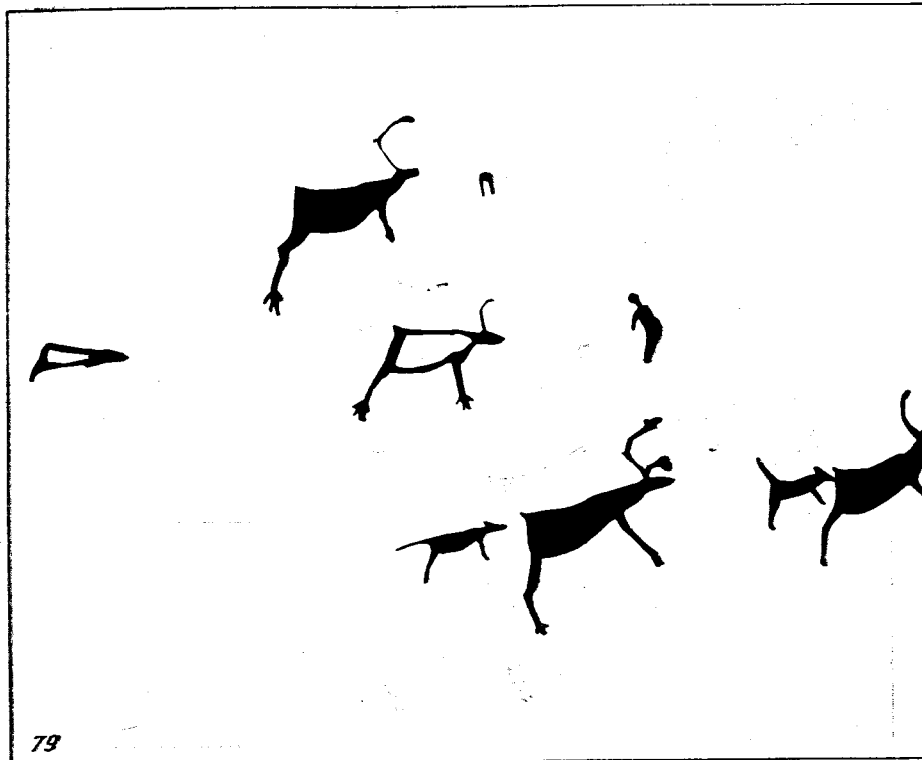
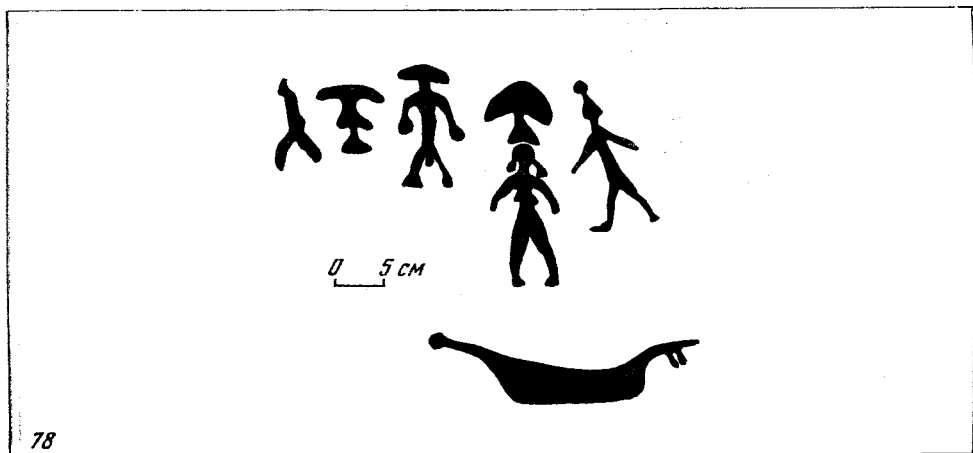
75

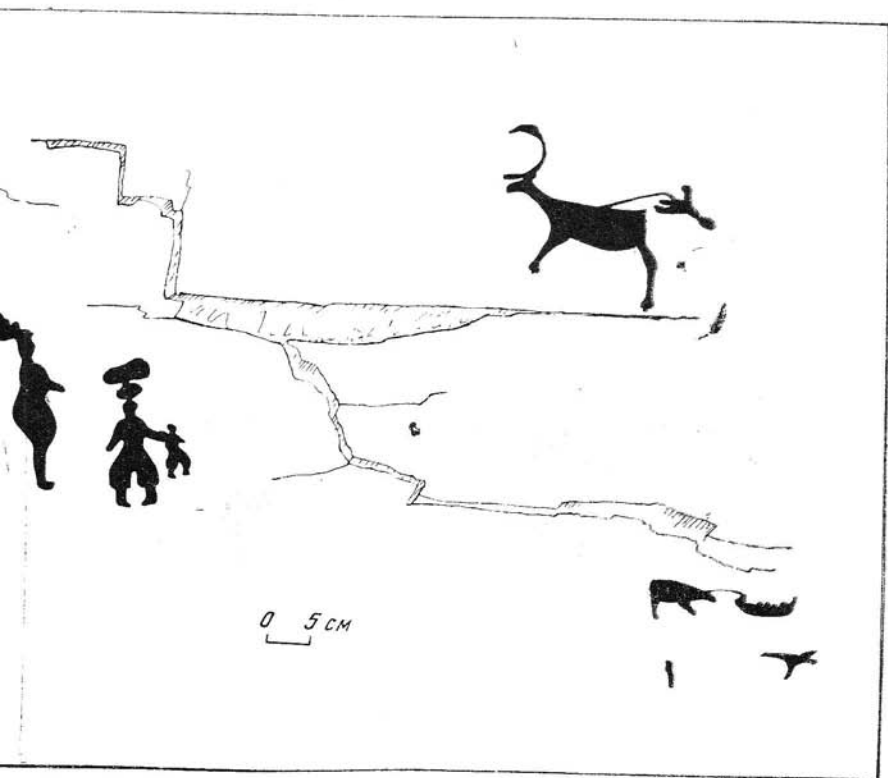
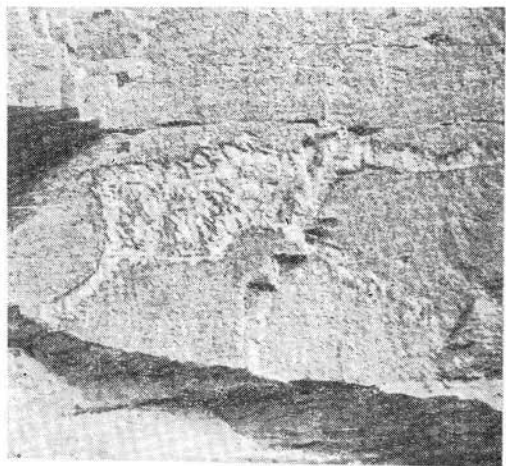

76

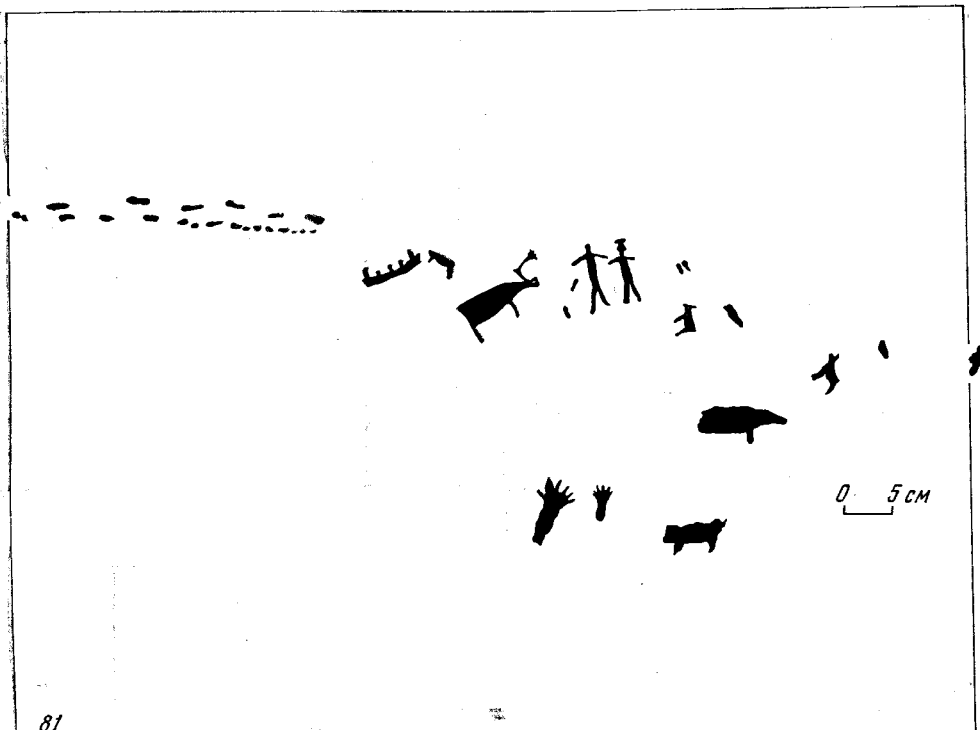

77

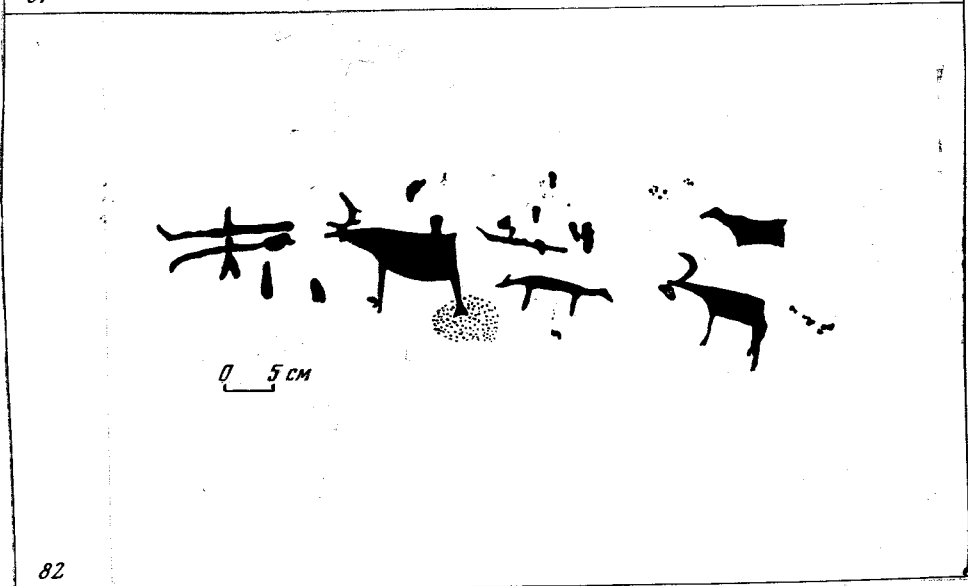

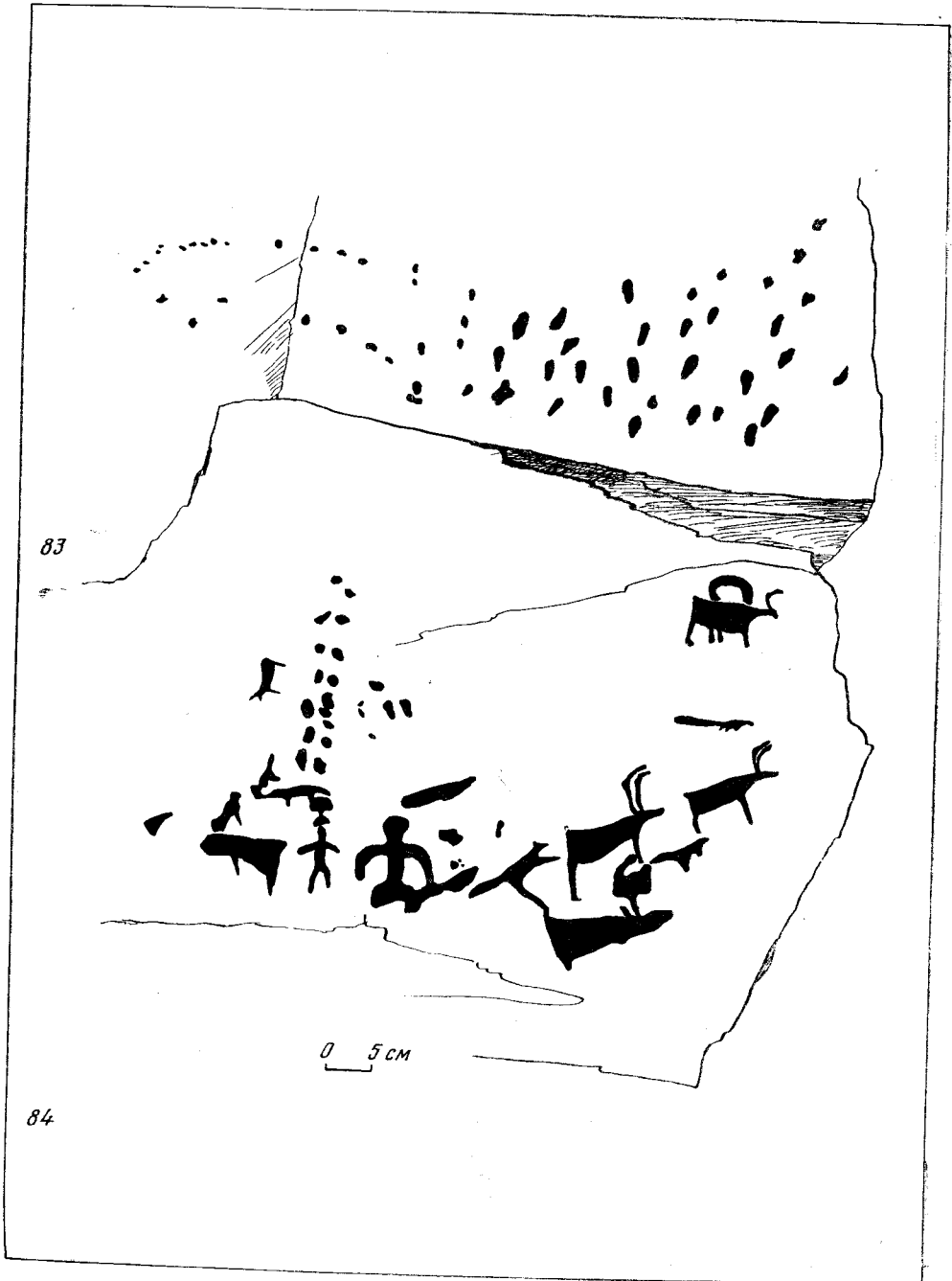

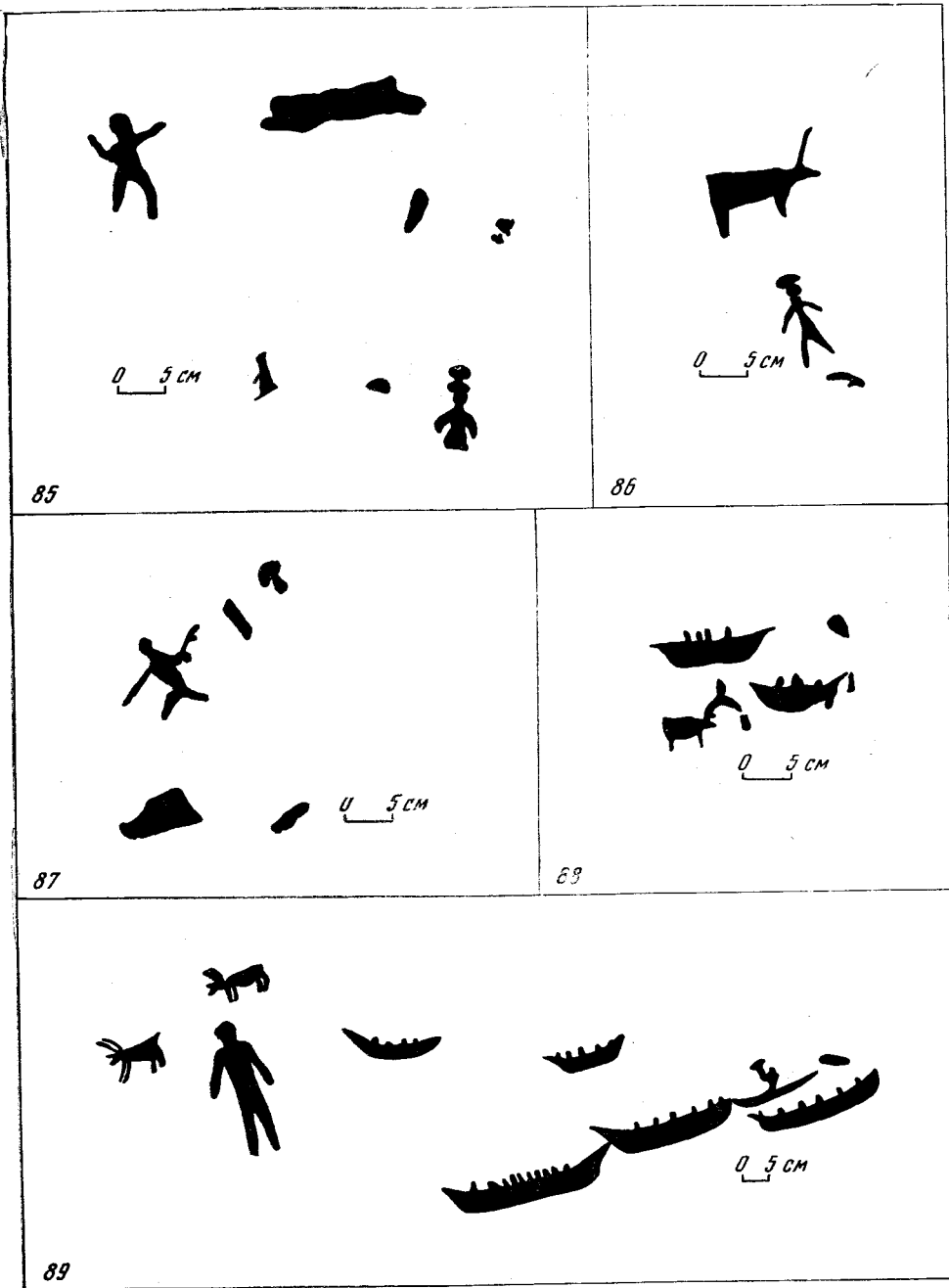

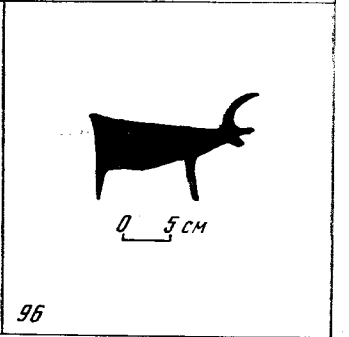
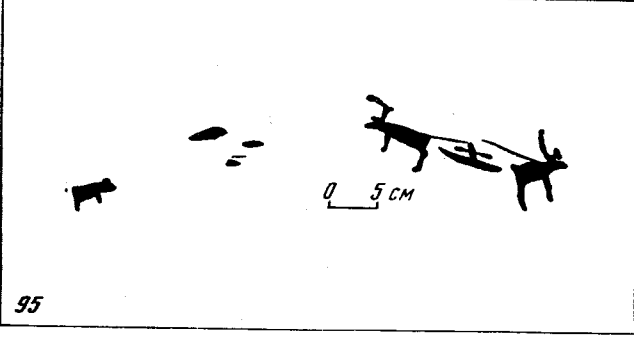
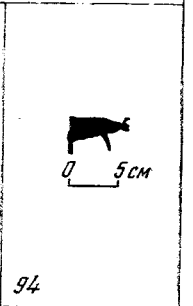
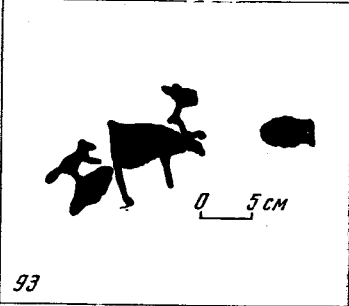
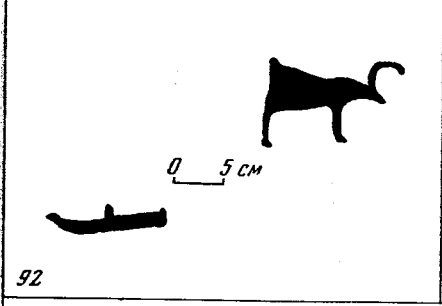
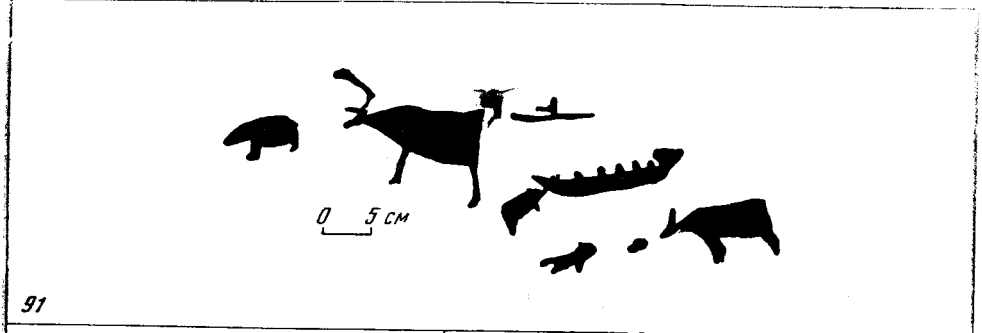
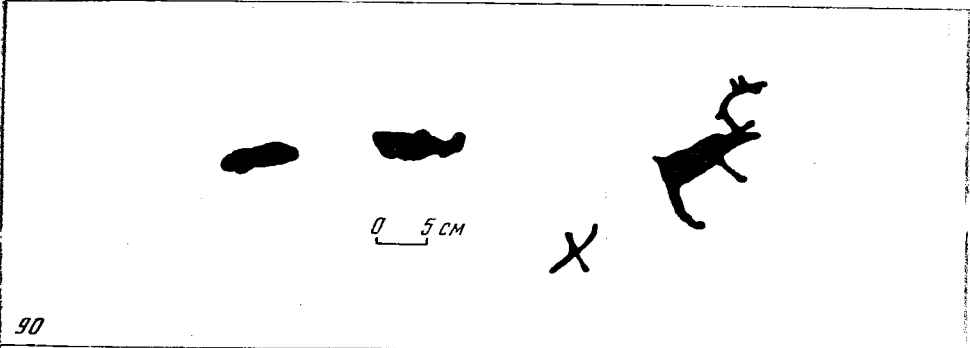
81

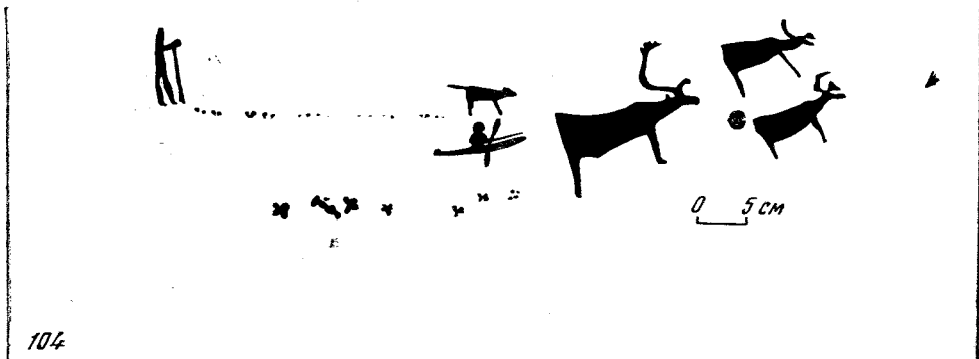
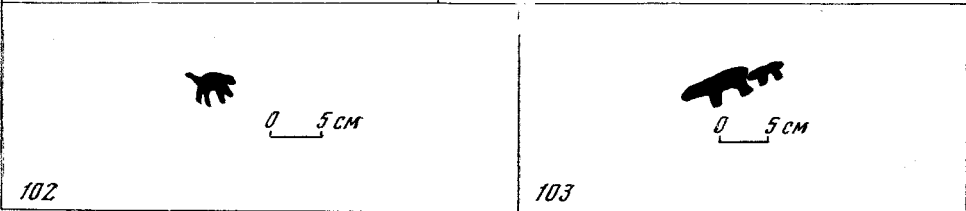
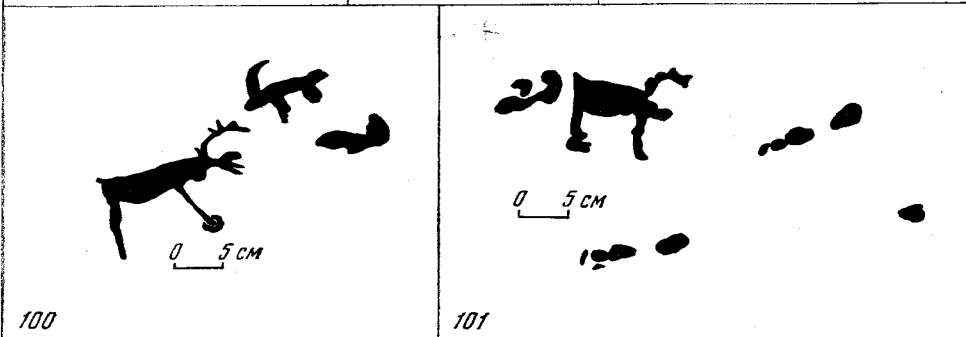
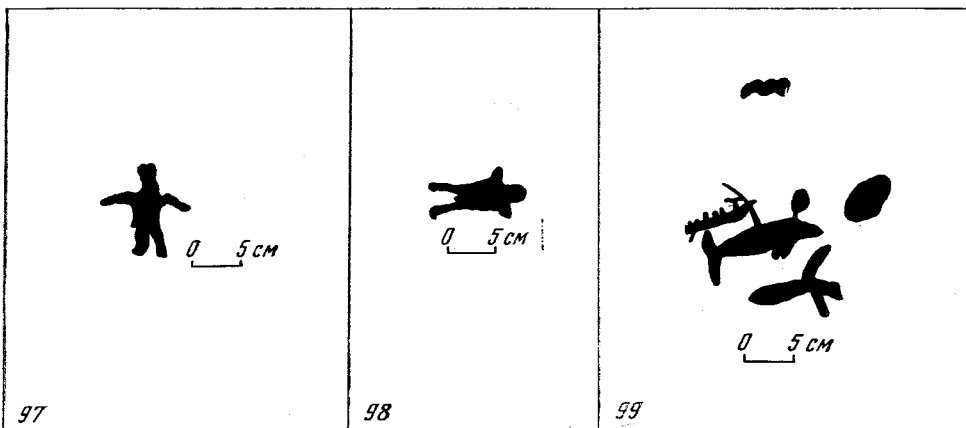

82

Примечания

- ¹ Н. Н. Диков, Н. М. Саморуков. Наскальные рисунки, обнаруженные на Чукотке в 1965 г. «Краеведческие записки», вып. IX. Магадан, 1971.
- ² Н. Н. Диков, Н. М. Саморуков. Указ. соч., рис. 1.
- ³ А. П. Окладников. Археология Сибири — вчера, сегодня и завтра. ВДИ, № 5, 1968; Н. Н. Диков. К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки (петроглифы на реке Пегтымель). «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР. Труды СВ КНИИ СО АН СССР», вып. 31. Магадан, 1967; он же. Открытие петроглифов на Чукотке. «Археологические открытия 1967 г.» М., 1968; он же. Призраки Пегтымельских скал. «Вокруг света», № 3, 1968; Н. Н. Диков. La pétrographie en Sibérie du Nord-Est. «Inter-Nord», № 12. Paris, 1971. он же. Проблема этнической принадлежности пегтымельских петроглифов. «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969.
- ⁴ Н. Н. Диков. Местонахождение петроглифов, неолитические стоянки и пещера в низовьях реки Пегтымель на Чукотке. «Археологические открытия 1968 г.» М., 1969.
- ⁵ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1823 и 1824 гг. М., 1948; А. Э. Брем. Жизнь животных, т. 3, СПб., 1865, стр. 482.
- ⁶ Л. А. Лебедева. Определитель шляпочных грибов. М.—Л., 1949, стр. 84, табл. 3—2.
- ⁷ Б. П. Васильков. О грибах (микромикетах) Советской Арктики. «Микология и фитопатология», т. 1, вып. 1. Л., 1967; он же. Очерк географического распространения шляпочных грибов в СССР. М.—Л., 1955.
- ⁸ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки, т. II. СПб., 1755; В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. II. Религия. Л., 1939, стр. 5.
- ⁹ Устные сообщения В. Н. Чернецова и А. А. Ваймана.
- ¹⁰ С. Sapper. Pilzförmige Götzenbilder aus Guatemala und San Salvador. «Globus», Bd. 73, 1898, S. 327; V. P. Wasson, R. G. Wasson. Mushrooms Russia and History, vol. I. N. Y. 1957, p. 274—276, pl. XLIII, XLIV; S. T. Borchegiy. The Enigmatic Mushroom Stones of Meso America. «Middle American Research Record», publ. 19. New Orleans, Louisiane, 1959; R. Heim, R. G. Wasson. Les Champignons Hallucinogènes du Mexique. «Archives du Museum National d'Histoire Naturelles». Septième Série, t. VI. Paris, 1958; P. В. Кинжалов. Искусство древних майя. Л., 1968, рис. на стр. 24.
- ¹¹ В. Г. Богораз-Тан. Указ. соч., стр. 5.
- ¹² Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966.
- ¹³ С. В. Иванов. Сибирские параллели к магическим изображениям эпохи палеолита. СЭ, 1934, № 14; К. В. Вяткина. Шалаболинские (тесинские) наскальные изображения. Сб. МАЭ, т. XII, М.—Л., 1949, стр. 423; А. Элькин. Коренное население Австралии. М., 1952, стр. 177—178; А. П. Окладников. У истоков искусства Сибири. «Искусство», 1961, № 1, стр. 61—65; В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала. САИ, вып. В-4-12, 1964, стр. 00.

- 14 А. П. Окладников. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966, стр. 129; А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966, стр. 59, 75.
- 15 Н. Н. Диков. К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки (петроглифы на реке Пегтымель). «Проблемы науки на Северо-Востоке СССР». Магадан, 1967.
- 16 А. П. Окладников. Петроглифы Ангары, стр. 107—142.
- 17 А. Hagen. Rock carvings in Norway. Oslo, 1965, p. 1—54; G. Gjessing. Artiske Helle-ristninger i Nord — Norge. Oslo, 1932, p. 71, pl. VI, XI; он же. Nordenfjelske Ristninger og Malinger av den Arktiske Gruppe. Oslo, 1936, pl. LIII; E. S. Engelstad. Østnorske Ristninger og Malinger av den Arktiske Gruppe. Oslo, 1934, p. 136.
- 18 Об интерпретации этой композиции см.: Н. Н. Диков. Местонахождение петроглифов, неолитические стоянки и пещера в низовьях реки Пегтымель на Чукотке, стр. 218, 219. Однако рисунок, изображающий фрагмент этой композиции, ошибочно помещен в статье А. И. Мазина «Рисунки на скалах в устье Онени» в том же сборнике на стр. 211. Рисунок же на стр. 218 изображает петроглиф на правом берегу Нюкжи и относится к названной статье А. И. Мазина.
- 19 Н. Н. Диков. По следам древних костров. «Археологи идут по Чукотке». Магадан, 1960, стр. 96—99; он же. Первые археологические исследования на острове Айон. ЗЧКМ, вып. 2. Магадан, 1961.
- 20 Н. Н. Диков. О раскопках Усть-Бельского могильника по данным 1958 г. ЗЧКМ, вып. 2. Магадан, 1961.
- 21 Н. Н. Диков. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тысяч лет истории. Магадан, 1969, стр. 196—199, рис. 105, 106.
- 22 А. П. Окладников. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. ВДИ, № 3, 1948.
- 23 М. Р. Полесских. Завальские писанины. СА, XXIII, 1955, рис. 2 (2а, 1б, в); М. А. Девлет. Большая Боярская писаница. СА, 1965, № 3, рис. 5.
- 24 E. W. Nelson. The Eskimo about Bering Strait. Washington, 1899, pl. XL, 7.
- 25 А. Hagen. Указ. соч., стр. 8, 52.
- 26 А. А. Формозов. Памятники первобытного искусства на территории СССР, стр. 40—43, рис. 16 (карта); А. Norden. Die Schiffbaukunst der nordischen Bronzezeit. «Mannus». Jg. 31, H. 3. Leipzig, 1939, Abb. 30, 31.
- 27 В. И. Равдоникас. Наскальные изображения Онежского озера. М.—Л., 1936; Я. В. Доманский, А. Д. Столяр. По бесовым следам. Л., 1962, стр. 131; Ю. А. Саватеев. Рисунки на скалах. Петрозаводск, 1967.
- 28 S. Dewdney, K. E. Kidd. Indian Rock Paintings of the Great Lakes. Toronto, 1962, p. 30.
- 29 С. Altin. Studien zu den bronzezeitlichen Felszeichnungen von Skane. Bd. II. Stockholm, 1945.
- 30 K. Birket-Smith. The Caribou Eskimos. «Report of the 5th Thule Expedition 1921—24», vol. V. Copenhagen, 1929, fig. 99c.
- 31 А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у дер. Шишкино. М.—Л., 1959.
- 32 С. Шаргородский. Об юкагирских письменах. «Землеведение», кн. II—III. М., 1895.
- 33 План внутрихозяйственного землеустройства оленьих пастбищ совхоза «Большевик». Фонды Магаданской землеустроительной экспедиции Республиканского проектного института «Гипрозем». Магадан, 1968. За данную информацию приношу свою благодарность научному сотруднику Магаданской землеустроительной экспедиции В. П. Чурикову.
- 34 В. Г. Богораз-Тан. Указ. соч., стр. 5.
- 35 Е. С. Рубцова. Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект), ч. 1. М.—Л., 1954, стр. 156; Г. А. Меновицков. Эскимосские сказки и легенды. Магадан, 1969, стр. 189.
- 36 Ф. Моуэт. Не кричи, волки! М., 1968.
- 37 В. Н. Чернецов. Наскальные изображения Урала, стр. 30—31.
- 38 Письма Ф. Ф. Матюшкина из Сибири. В кн.: Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю..., стр. 391—392.
- 39 А. А. Попов. Нганасаны. М.—Л., 1948.

- ⁴⁰ *N. N. Dikov*. The stone age of Kamchatka and the Chukchi Peninsula in the light of new archaeological date. «Arctic anthropology», III—1, 1965.
- ⁴¹ *Г. А. Меновицков*. Эскимосы. Магадан, 1959, стр. 23; *В. Г. Богораз-Тан*. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. 154.
- ⁴² О ритуальном значении семейного котла у эвенов любезно сообщила мне этнограф *У. Г. Попова*.
- ⁴³ *В. Г. Богораз*. Социальный строй американских эскимосов. «Труды Института антропологии, археологии и этнографии», т. IV. М.—Л., 1936, стр. 246—247.
- ⁴⁴ *Н. Н. Диков*. К изучению культурного наследия коренного населения Чукотки..., стр. 91.
- ⁴⁵ *Б. О. Долгих*. Принесение в жертву оленей у иганасан и энцев. КСИЭ, XXXIII, 1960, стр. 74—80; *Ю. Б. Симченко*. Основные черты культуры охотников на дикого оленя Северной Европы. «VII Международный конгресс антропол. и этногр. наук». М., 1964.
- ⁴⁶ *А. А. Попов*. Указ. соч., стр. 103.
- ⁴⁷ *В. Л. Леви*. Охота за мыслью. Заметки психиатра. М., 1967.
- ⁴⁸ *R. Heim, R. G. Wasson*. Указ. соч.; *S. Borchegiy*. Указ. соч.
- ⁴⁹ *R. Heim, R. G. Wasson*. Указ. соч.
- ⁵⁰ *В. И. Леви*. Указ. соч., стр. 61.
- ⁵¹ *Н. Н. Гурина*. Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА, 87, 1961, рис. 19, 14, стр. 142, 152; *К. Д. Лаушкин*. Онежское святилище. «Скандинавский сборник», IV. Таллин, 1959, рис. 6.
- ⁵² *И. С. Вдовин*. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954, стр. 76—77.
- ⁵³ «Сведения о чукчах капитана Шишмарева». «Записки гидрографического департамента Морского министерства», т. X, СПб., 1852, стр. 186.
- ⁵⁴ *В. И. Иохельсон*. К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа. «Изв. ВГО», т. XXVIII, № 2, 1897, стр. 162; *И. С. Вдовин*. Расселение народностей Северо-Востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII в. «Изв. ВГО», т. 76, вып. 5, 1944, стр. 250—251; *Б. О. Долгих*. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. «Труды ИЭ», нов. сер., т. 55, 1960, стр. 433—434.
- ⁵⁵ *И. С. Вдовин*. Расселение народностей Северо-Востока Азии..., стр. 250.
- ⁵⁶ *Б. О. Долгих*. Указ. соч., стр. 435; *И. С. Гурвич*. Этническая история Северо-Востока Сибири. «Труды ИЭ», нов. сер., т. 89, 1966.
- ⁵⁷ *И. С. Гурвич*. Указ. соч., стр. 53.
- ⁵⁸ *С. В. Иванов*. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. «Труды ИЭ», нов. сер. т. XXII, 1954, стр. 407.
- ⁵⁹ *С. В. Иванов*. Указ. соч., стр. 459—466, рис. 37—42; стр. 445—456, рис. 27, 28.
- ⁶⁰ *В. Г. Богораз-Тан*. Чукчи, ч. II, стр. 9, 92, 165, рис. 78; *С. В. Иванов*. Указ. соч., стр. 422—431, рис. 8, 9, 11, 13, 14, 53; *Ф. К. Волков, С. И. Руденко*. Этнографические коллекции из бывших российско-американских владений. «Материалы по этнографии России», т. I. СПб., 1910, стр. 181, 186, рис. 15, 19.
- ⁶¹ *С. В. Иванов*. Указ. соч., стр. 420.
- ⁶² *С. В. Иванов*. Указ. соч., стр. 443—444, рис. 18.
- ⁶³ *И. С. Вдовин*. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. «Сибирский этнографический сборник. Труды ИЭ», нов. сер., т. 64, 1961.
- ⁶⁴ Приношу свою благодарность П. В. Инэнликэю за эти сведения. Интересно, что эскимосы — микофобы и называют все грибы *туг'ныг'ам сигуг'ути'ат* — «чертовы уши» (*Г. А. Меновицков*. Эскимосы, стр. 71). Быть может, в этом названии кроется былая сверхъестественная роль грибов у эскимосов, связанная с изображением их на скалах.
- ⁶⁵ *K. Birket-Smith*. Указ. соч., стр. 152, 185, 186; рис. 48, 58, 59, 109.
- ⁶⁶ Экспозиция Музея антропологии и этнографии АН СССР (в Ленинграде).
- ⁶⁷ *K. Birket-Smith*. Указ. соч., стр. 255, рис. 99 с.
- ⁶⁸ *С. В. Иванов*. Указ. соч., рис. 30.
- ⁶⁹ Экспозиция Музея антропологии и этнографии АН СССР (в Ленинграде). О родстве алеутского и эскимосского языков см.: *Г. А. Меновицков*. Эскимосско-алеутские параллели. «Уч. зап. ЛГПИ», т. 167, 1960; *он же*. Эскимосско-алеутские языки. «Младописьменные языки народов СССР». М.—Л., 1959; *он же*. Эскимосско-алеутская группа языков. «Языки народов СССР», т. V. Л., 1968, стр. 352—365.

- ⁷⁰ J. Murdoch. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition. «Ninth Annual Report of the Bureau of Ethnology». Washington, 1892, p. 434—436.
- ⁷¹ Fr. de Laguna. A comparison of Eskimo and Palaeolithic Art. «Amer. Journ. of Archaeol.», vol. 36, 1932, N 4, pl. XIX—II; Th. Mathiassen. Contributions to the archaeology of Disco Bav. «Meddel. om Grönland», vol. 93, N 2, Copenhagen, 1934, pl. I—21; VII—1, 2, 3; X—14; E. Holtved. Archaeological investigations in the Thule District. «Meddel. om Grönland», vol. 141, pt. I. Copenhagen, 1944, pl. 40—15, 16, 21—23.
- ⁷² Th. Mathiassen. Указ. соч., табл. I—21, VII—3.
- ⁷³ С. В. Иванов. Указ. соч., стр. 415.
- ⁷⁴ О хозяйственно-культурном типе как этническом признаке первого порядка см.: А. П. Окладников. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии (методология и некоторые общие выводы). «Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969.
- ⁷⁵ И. С. Вдовин. Указ. соч., стр. 48.
- ⁷⁶ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 395, 427; «Народы Сибири». Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.—Л., 1956, стр. 889, 967; В. Г. Богораз-Тан. Чукчи, ч. II. Религия, стр. 5. В отличие от чукчей, коряков, юкагиров и ительменов, употребляющих мухомор, у эскимосов до прихода европейцев не было никаких алкогольных напитков. См.: Л. А. Файнберг. Общественный строй эскимосов и алеутов. М., 1964, стр. 102.
- ⁷⁷ И. С. Гурвич. Указ. соч.
- ⁷⁸ «История Сибири», т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968, стр. 350.
- ⁷⁹ Н. А. Береговая. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса. МИА, № 39, 1953, стр. 421—445; она же. Археологические находки на острове Четырехстолбовом (Медвежий острова к северу от устья р. Колымы). СА, XX, 1954, стр. 288—312; она же. Археологические находки на острове Шалаурова. МИА, № 86, 1960, стр. 183—195. Названные землянки морских охотников Н. А. Береговая склонна связывать с шеллагами, которые, по ее мнению, были эскимосского происхождения. Б. О. Долгих, считая шеллагов чванцами, категорически возражает против отнесения к ним этих памятников, но в сущности разделяет точку зрения Н. А. Береговой об эскимосской этнической принадлежности последних (см. указ. соч.).
- ⁸⁰ Н. Н. Диков. Ванкаремские древности. ЗЧКМ, вып. V. Магадан, 1968, рис. 10, 8.
- ⁸¹ Н. Н. Диков. Древние костры Камчатки и Чукотки, рис. 29; он же. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 г. ЗЧКМ, вып. II. Магадан, 1961, стр. 25.
- ⁸² А. А. Зубов. Некоторые данные по одонтологии древнего населения Чукотки (в печати).
- ⁸³ И. И. Гохман. Древний череп с Чукотки. ЗЧКМ, вып. II. Магадан, 1961, стр. 17; Г. В. Лебединская. Процесс восстановления головы по черепу из Усть-Бельского могильника. Там же, стр. 21.
- ⁸⁴ В. П. Алексеев. К краниологии азиатских эскимосов. (Материалы к этногенезу). ЗЧКМ, вып. IV. Магадан, 1967, стр. 25—26; А. А. Зубов. Одонтологический анализ черепных серий из Эквенского и Уленского могильников (Приложение к монографии: С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969).
- ⁸⁵ Г. А. Меновщиков. Палеоэскимосские топонимы Северо-Восточной Сибири. «Вопросы языкознания», 1963, № 6, стр. 121—125.
- ⁸⁶ Этот перевод гидронима «Пегтымель» на чукотский язык принадлежит этнографу СВ КНИИ АН СССР В. В. Леонтьеву.
- ⁸⁷ П. В. Бабкин. Кто, когда, почему. Происхождение названий на карте ордена Ленина Магаданской области. Магадан, 1968, стр. 44.
- ⁸⁸ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю..., стр. 298 (см. также приложенную в конце книги карту); А. И. Алексеев. Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966, стр. 99—103.
- ⁸⁹ В. Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.—Л., 1937, стр. 156.

- ⁹⁰ Г. А. Меновицков. Язык сиреникских эскимосов. Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь. М.—Л., 1964, стр. 181.
- ⁹¹ Fr. de Laguna. The archaeology of Cook Inlet, Alaska. Philadelphia. 1934, pl. 64 и др.
- ⁹² Н. Н. Грибановский. Сведения о писаницах Якутии. СА, VIII, 1946.
- ⁹³ R. Heim, R. G. Wasson. Указ. соч.
- ⁹⁴ S. Dewdney, K. E. Kidd. Указ. соч., стр. 33.
- ⁹⁵ А. П. Окладников. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959; С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947; С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Культурные связи древних народов Тихоокеанского побережья СССР.—Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969.
- ⁹⁶ И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее (сравнительные археолого-этнографические очерки).—«Труды XIV археологического съезда в Чернигове (1908 г.)», т. I. М., 1910; М. П. Грязнов. Боярская писаница. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1933, № 7-8; К. В. Вяткина. Шалаболлинские (тесинские) наскальные изображения. Сб. МАЭ, 1949, т. 12; она же. Наскальные изображения Минусинской котловины. Сб. МАЭ, 1961, т. 20; А. Д. Грач. Петроглифы Тувы, I (Проблема датировки и интерпретации, этнографические традиции). Сб. МАЭ, 1957, т. 17; он же. Петроглифы Тувы, II (Публикация комплексов, обнаруженных в 1955 г.). Сб. МАЭ, 1958, т. 18; А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у дер. Шишкино. М.—Л., 1959; А. П. Окладников. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966; он же. Олень Золотые Рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Л., 1967; он же. Лики древнего Амура. Новосибирск, 1968; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Петроглифы Забайкалья, ч. I. Л., 1969.

Список сокращений

- ВДИ — Вестник древней истории
ЗЧКМ — Записки Чукотского краеведческого музея
Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества
Изв. ВСО РГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
Уч. зап. ЛГПИ — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
Труды ИЭ — Труды Института этнографии АН СССР.
Тр. СВ КНИИ — Труды Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского
СО АН СССР института Сибирского отделения АН СССР

ROCKY ENIGMAS OF ANCIENT CHUKOTKA petroglyphs of pegtymel river BY N. N. DIKOV

Akademy of Sciences of the USSR, Siterian Branch,
North-Eastern Complex Scientific-Pesearch Institute

Archaeological expedition of our Institute explored in 1967—1968 the petroglyphs of Chukotka beyond the Polar Circle at the right-hand bank of the river Pegtymel some 50—60 km from its mouth at the Arctic Ocean. The images were found on the steep rocky bank not far from the mouth of brook Kalkuul ano on a rock 10 km downstream, on the Pegtymel river. Beside the drawings, some remains of three late-neolithic hunters' camps were found and excavated.

Individual silhouette drawings of reindeers—the most realistic of all—were found to be the most ancient. They belong to the I millenium B. C., while the majority of retroglyphs carved in silhouette belong to the age, when reindeer-breeding was not yet developed in Chukotka, but sea-animal hunt das already practised i. e. end of I millenium B. C.—I millenium A. C.

These petroglyphs form four successive complexes each of them being associated with a certain traditional magic image of hunting for the swimming reindeer from a kayak.

Содержание

Введение	5
Что изображено на скалах	10
Классификация	28
Датировка	36
Пегтымельские петроглифы рассказывают о жизни первобытных охотников	51
Проблема этнической принадлежности петро- глифов Пегтымеля	61
Приложение	
Пегтымельские наскальные изображения . . .	75
Петроглифы Кайкуульского обрыва . . .	75
Петроглифы возле третьей стоянки . . .	90
Примечания	125
Список сокращений	130

Николай Николаевич Д и к о в

НАСКАЛЬНЫЕ ЗАГАДКИ
ДРЕВНЕЙ ЧУКОТКИ

Утверждено к печати
Ученым советом
Северо-Восточного КНИИ
СО АН СССР

Редактор издательства С. Н. Васильченко
Художественный редактор В. Н. Тикуннов
Художник А. Д. Смеляков
Технический редактор В. Д. Прилепская

Сдано в набор 25/I-71 г. Подписано к печати 15/VI-71 г.
Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 8,25+1 вкл. Усл. печ. л. 9,65
Уч.-изд. л. 8,99. Тираж 7000 экз.
Т-09275. Бумага № 1. Тип. зак. 1764

Цена 58 коп.

Издательство «Наука»
Москва К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография Издательства «Наука»
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
40	6 св.	общепы	отщепы
40	17 сн.	отщепов	отщепов
85	3 св.	антропомофных	антропоморфных
89	18 сн.	стализованный	стилизованный
130	5 сн.	retroglyphs	petroglyphs
130	12 сн.	Scientific-Pesearch	Scientific-Research
130	16 сн.	Enigtas	Enigmas

«Наскальные загадки древней Чукотки»